

Российская Академия Наук
Институт философии

**ДОЛГ И ПАМЯТЬ ВОЕННОГО
ПОКОЛЕНИЯ**

Москва
1998

ББК 63.3(2)722
Д 64

Ответственные редакторы

доктор филос. наук *И.Г.Герасимов*
кандидат филос. наук *А.Т.Шаталов*

Рецензенты:

доктор филос. наук Ю.В.Сачков
доктор филос. наук Б.И.Глинский
доктор филос. наук В.В.Денисов

Д 64   **Долг и память военного поколения.** — М., 1998. — 153 с.

Сборник статей, воспоминаний, размышлений и поэтических произведений написан участниками ВОВ 1941-1945 гг., работавшими и продолжающими трудиться в Институте философии РАН и на кафедре философии РАН. Эта книга о фронтовом поколении, которое стало в годы войны основной опорой нашего национально-государственного единства, о тех его социальных и духовных ценностях, которые до сих пор сохраняют свое непреходящее значение. Авторы объединяет идея: участие в той тяжелой войне формировало у фронтового поколения и у них самих во многом новый, более глубокий уровень государственно-политического мышления, по сравнению с довоенными десятилетиями. В статьях дается самостоятельная оценка многих событий ВОВ.

ISBN 5-201-01976-5

©ИФРАН, 1998

ВВЕДЕНИЕ

ЧЕСТНАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ПОБЕДЕ

Отношение к Великой отечественной войне, к Победе и победителям образует сейчас, без сомнения, главный центр притяжения и отталкивания всех социальных сил в России, в странах СНГ и в других государствах, которые были нашими союзниками в борьбе с фашистской Германией. Тогда, в годы тяжелой битвы, ни на фронте, ни в тылу у огромного количества советских людей не возникали сомнения: а справедлива ли наша война против фашистского нашествия, оправданы ли огромные жертвы и разрушения. Тогда даже те, кто чертыхался, матерился и проклинал советское руководство, плохо подготовившее страну к надвигавшейся войне, — даже они не сомневались в правоте всенародного сопротивления фашистскому вторжению.

Теперь, много десятилетий спустя, появляются политики, историки, мыслители, деятели культуры, требующие пересмотра самих оснований той войны. Теперь нам пытаются внушить, что наша страна вела тоже несправедливую войну, что СССР и фашистская Германия одинаково виновны в ее развязывании. Тяжелую почти четырехлетнюю битву изображают как схватку двух опасных хищников, которая закончилась якобы нашим большим поражением, если учитывать все ее жертвы, разрушения и ошибки. Доказывают, что уровень военного искусства перед войной и в ходе войны был крайне низким, — это и проявилось в поражениях, которые Красная Армия потерпела в первый год войны.

Но, пожалуй, главная атака ведется на военное поколение нашего народа. Его пытаются представить как безликую массу, у которой вместо понимания событий было только умение выполнять команды и следовать лозунгам. Нас пытаются убедить, что два предвоенных десятилетия только убивали в советских людях развитое чувство собственного достоинства, без которого невозможен массовый героизм.

Это — ядовитая ложь, не имеющая ничего общего с поисками истины. Военное поколение отвергло представления тех суетливых послеоктябрьских пропагандистов, которые считали, что наше Отечество начинается только с Октябрьской революции. Оно хорошо знало, что у Российской государственности, у наших духовных традиций, культурного наследия и военного опыта более, чем тысячелетняя история. Потому-то поворот политического руководства страны к исторической России, историческому Отечеству был с радостью и воодушевлением принят военным поколением. Этот поворот сыграл исключительно важную созидательную роль в победе над фашистской Германией. Но этим, по-видимому, не ограничивается его значение. Вместе с ним у огромной массы фронтового поколения сформировалось убеждение, что все предлагаемые преобразования должны получать *историческое* обоснование.

Нападки на военное поколение — это развенчание убеждений миллионов людей, которые — после поэтизации братоубийственной гражданской войны в течение двух предвоенных десятилетий — стали опорой нашей главной силы в те годы — нашего национально-государственного единства. Военное поколение не рассуждало тогда о патриотизме, — оно утверждало его своим поведением. И потому до сих пор вызывает уважение его мужество, самопожертвование, организованность, ответственность, собранность, чувство долга и достоинства.

Главная цель атаки на военное поколение — это попытка сформировать в нем «комплекс вины» за ту великую победу над опасным врагом. Такой комплекс способен породить много тяжелых последствий и прежде всего забвение мертвых, павших на поле боя. Этот вид беспамятства часто сопровождается гнусными надругательствами над их могилами, их честью и подвигом.

Нужна честная память о той тяжелой войне и о великой Победе военного поколения. Такая память — это высокое нравственное требование, которое предостерегает не только от благодушия и слащавости, от раздувания заслуг одних и принижения роли других, от безответственности перед живыми и мертвыми. Она предостере-

гает от цинизма в главных вопросах — в понимании и защите национально-государственных интересов Отечества, в осмыслении его исторической судьбы среди других народов.

Честная память несовместима с размытыми представлениями о масштабах народной беды, о жертвах, потерях и трудностях тех лет. Такая память способна объединять граждан России на служение своему Отечеству. Та великая тяжелая битва показала глубокий смысл убеждений многих поколений в долгой истории России: без каждого человека — без каждого! — народ не только не полон, но и слабее; каждый дополняет его силу, ум, память, опыт; каждый способен участвовать в историческом созидании Отечества.

Великая Отечественная война и победа породили такое единство народа, которое позволило ему осознать себя великой исторической силой в решении военно-стратегических и национально-государственных задач. Они возвысили нравственную цену мужеству, стойкости, подвигу, национальному самоуважению, патриотизму. Фронтное поколение подняло требовательность к государственно-политическим органам и личностям, принимающим решения во всех сферах общественной жизни. Оно на своем собственном опыте выстрадало вывод: главная задача народа — созидать свое Отечество, совершенствовать, укреплять свои собственные национально-государственные силы и традиции.

Авторы статей, воспоминаний и поэтических произведений, публикуемых в этом сборнике, принадлежат к военному поколению. В них каждый участник войны предстает как личность, поведение, помыслы, выносливость которого связаны с судьбой Отечества в период наивысшего напряжения сил народа. Такие войны, как Великая Отечественная 1941-1945 гг., никогда не были только кровавым столкновением больших безликих масс людей. Они порождали высокую гражданскую и воинскую активность личностей, составляющих армию и народ. Многообразие связей отдельных людей с судьбой Отечества обнаруживается во всех традициях народа — государственных, военных, нравственно-этических, организационных, психологических и т.д. Размышления о них образуют главную ценность всех публикаций этого сборника.

Большую организационную роль в подготовке этих воспоминаний участников войны, работавших и продолжающих работать в Институте философии РАН, сыграл заместитель директора ныне покойный Петр Корнеевич Напреенков.

И.Г.Герасимов, А.Т.Шаталов

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ – ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРАЗИТИЗМА

В последние годы дискуссии о германском и о фашизме как особом социальном явлении XX века приобретают все более острый характер. Политические и идейные противники нередко используют понятие «фашист» как особое клеймо, после чего все рассуждения теряют смысл. Чаще всего к такому способу ведения дискуссии прибегают тогда, когда нет других, убедительных аргументов. Это и вызывает сомнения в нравственности таких злоупотреблений.

Произвольное использование понятий «фашизм», «фашист» неизбежно вызывает протест и в России, и в других странах СНГ. Для русского народа и всех других народов бывшего СССР – это не предмет отвлеченного рассуждательства или произвольного выбора оснований для оправдания выгодных оценок, – для нас это прикосновение к еще не зажившим ранам, к тяжелым болям, к невосполнимым потерям, к тревогам об исторической судьбе всего их национально-государственного бытия.

Но есть, пожалуй, и другие, может быть, более глубокие причины обостренного внимания к изучению и пониманию германского фашизма. В период сложных политико-экономических изменений и поляризации социальных сил обращение к истокам победы над германским фашизмом просто неизбежно. Изучение такого исторического события позволяет сосредотачиваться на главных предпосылках, обеспечивающих национально-государственное единство всех социальных групп, военную,

экономическую и духовную независимость России. В сущности внимание обращается здесь на такие области социальной деятельности, где результаты принимаемых решений трудно исправить на ходу.

От понимания германского фашизма существенно зависит оценка созидательного смысла нашей победы в 1945 г., осмысление всех итогов той войны и подвига советских народов в разгроме мощной агрессивной силы. Поэтому цена неведения, а тем более сознательных искажений здесь особенно велика.

Существующие концепции германского фашизма крайне расплывчаты. Часто они уходят от главных его характеристик и мешают объективному изучению этого сложного явления. Уже накануне фашистского нашествия и особенно в ходе тяжелой войны стало ясно, что незнание и непонимание этого опасного врага может дорого обойтись всем народам, подвергшимся агрессии.

В данной статье на основе многочисленных исторических документов, в которых национал-социалистское руководство формулировало цели войны против СССР и прежде всего против русского народа, доказывается, что германский фашизм — это особо опасная форма социального паразитизма — национально-государственный паразитизм. Этот вывод опирается на тяжелый опыт советских людей, оказавшихся тогда в оккупации.

Идеология и политика превращения других народов в объект военно-силовой колонизации, экономической экспансии и политического давления разработана и используется давно. Об этом свидетельствует захват огромных территорий странами Западной Европы в течение последних четырех столетий. Фашистская Германия, опираясь на этот опыт, разработала свой вариант колониаторской политики, в котором национально-государственный паразитизм становится главной целью и организующей основой всей жизнедеятельности немецкого народа.

1. Концепции германского фашизма и опыт советского народа в годы Великой отечественной войны 1941-1945 гг.

Понимание, изучение, знание врага и опасностей его нашествия на Отечество — это, может быть, главная предпосылка, обеспечивающая выбор наиболее эффективной дипломатичес-

кой стратегии и достижения победы в любой войне. К сожалению, в нашей предвоенной и даже послевоенной социально-исторической литературе и публицистике не было серьезных исследований, раскрывающих природу такого опасного противника, как германский фашизм. Длительное время безраздельно господствовало его истолкование как террористической диктатуры крупного финансового капитала, выражающей интересы наиболее реакционных социальных сил в эпоху империализма.

В многочисленных публикациях эта концепция обрастала вполне убедительной системой аргументов. Она ориентировала на то, что в войне с фашистской Германией наши вооруженные силы столкнутся прежде всего с представителями трудящихся классов — рабочими и крестьянами, которых крупный финансовый капитал обманул и силой гонит отстаивать чуждые им интересы. Поэтому решающее значение приобретают такие формы пропаганды, которые раскроют им глаза на несправедливый характер войны против СССР. Они скоро поймут, что господствующий класс фашистской Германии вовлек их в грязную авантюру.

В первые месяцы войны отношение советских солдат и офицеров к пленным немцам определялось, исходя из этой концепции германского фашизма. В ответ они встречали насмешки, озлобление, неуважение, оскорбления... У них неизбежно начало формироваться критическое отношение к такому официальному пониманию германского фашизма. Эта концепция не согласовывалась с действиями германской армии, с наглым поведением немецких солдат.

Советские люди на своем тяжелом, кровавом опыте войны открывали, что это была не только хорошо вооруженная и организованная сила, — это была беспощадная сила, не останавливающаяся ни перед какими карательными действиями, убийствами, грабежами и унижениями. Официальная концепция германского фашизма воспринималась на основе этого опыта как односторонняя и даже опасная. Она привела к стратегическим просчетам, мешавшим подготовить наши вооруженные силы и народ к войне с *реальной* Германией, с ее мощными вооруженными силами, с завоевательскими убеждениями солдатской массы. Немецкий солдат пришел в нашу страну как захватчик, ненавидевший своих «братьев по классу» в СССР.

Броские официальные лозунги: «Будем воевать на чужой территории», «Ответим тройным ударом на удар поджигателей войны» и т.д. — так же не основывались на знании реального врага. Необъек-

тивные представления о военном потенциале фашистской Германии помешали подготовке Красной Армии к возможным тяжелым оборонительным сражениям, к стратегической обороне.

Пропагандистская воодушевленность, сталкиваясь с тяжелыми боями в условиях отступления, быстро испарялась, оставляя недоумение и раздражение. Не основывались на глубоком изучении противника и важные заявления И.В.Сталина в речи на параде 7 ноября 1941. Германия не была «вулканом, готовым взорваться в любой момент» и не лопнула под «тяжестью своих преступлений» ни «через полгода», ни через год», — она рухнула только тогда, когда, ей по выражению Т.Манна, проломили череп в Берлине. Для этого потребовалось почти четыре года изнурительной войны, миллионы жертв, страшные разрушения многих сел и городов.

Перестраиваться пришлось на ходу, в условиях тяжелых оборонительных сражений. Стало ясно, что надо не столько искать классовых союзников в фашистской Германии, в ее армии и в мире, — а собирать свои собственные национально-государственные силы на новую Отечественную войну. Возможности маневров на основе «классовых интересов» сузились предельно. Опыт войны становится главным побудителем и источником новых поисков и размышлений, решений и оценок. Он превращается в беспощадного свидетеля и неподкупного судью всякой бездарности, неведения, разонерства, неорганизованности, бахвальства, равнодушия, цинизма, предательства.

Опыт народа и армии в годы Великой отечественной до сих пор является основой для оценки всех других концепций германского фашизма. Ограниченные возможности его понимания содержатся и в концепции, согласно которой германский фашизм является наиболее отвратительной формой расизма и антисемитизма. Опыт войны убеждает, что преследование и уничтожение евреев не были главной, стратегической целью установления «нового порядка» в мире и завоевательной войны на Востоке. Не менее жестоко они относились к русскому народу и другим славянским народам (к этой проблеме мы возвратимся в специальном разделе). Разрушительные последствия установления «нового порядка» испытали многие народы Европы.

За последнее десятилетие в нашей и зарубежной публицистике распространилось понимание германского фашизма как особо опасной формы тоталитаризма, ставящего все ресурсы государства на службу войне. Такое понимание также не обладает

большими объяснительными возможностями. Как известно, в истории было немало государств, готовивших и осуществлявших большие завоевательные походы. Однако, их вряд ли следует рассматривать как фашистские.

В годы «демократической революции» появились рассуждения о германском фашизме как особо опасной форме неприятия идей демократии, свободы и рыночных отношений западного типа. Надуманность этой концепции очевидна. Она рассчитана на тех, кому не известны ни факты, ни документы, ни поведение руководителей фашистской Германии. В своих речах они часто повторяли, что национал-социалистская Германия выражает и представляет все достижения Европы — культурные, экономические, идейные, политические и т.д. Скорее всего такое понимание германского фашизма преследует цель — опорочить патриотическое движение в России, которое пытаются представить как современную разновидность фашизма.

Все такие концепции германского фашизма страдают одним недостатком — произвольным выбором оснований и крайне бедной фактической базой. В них без ответа остаются главные вопросы: почему фашистскому руководству удалось объединить и организовать раздробленный и деморализованный немецкий народ в мощную завоевательную силу? Почему такой большой развитый европейский народ принял и проводил политику организованного насилия, беззакония, жестокого попрания элементарных прав других народов на жизнь, безопасность, на владение своими территориями, ресурсами, культурными ценностями? Остается без вразумительного ответа и вопрос о том, каким же образом крупному финансовому капиталу и его террористической диктатуре удалось повести за собой миллионы немцев, организовать их и воодушевить на завоевательные походы.

Ответы на эти вопросы следует искать прежде всего в социальной доктрине и в социальной политике, которые разрабатывались и реализовывались руководством национал-социалистской партии Германии. Это и будет тем основанием, которое позволит с единой точки зрения понять цели, методы, аргументы и последствия завоевательных походов фашистской Германии.

Внимательное изучение многочисленных документов и практических действий гитлеровского руководства навязывает вывод, что германский фашизм был прежде всего политикой, идеологией и организованной формой национально-государственного паразитизма. Вообще в новой и новейшей истории вряд ли мож-

но найти еще один пример такой циничной пропаганды, оправдания и поэтизации социального паразитизма в его самой опасной форме.

Многовековая история человеческого общества породила различные виды социального паразитизма. К сожалению, это многоликое и крайне разрушительное явление еще мало изучено как в наших, так, по-видимому, и в зарубежных исторических и философско-политических исследованиях. Социальный паразитизм – это особый способ жизнедеятельности отдельных людей, социальных групп и целых этносов. Он основывается на корыстном присвоении результатов как физического, так и умственного труда. Такое присвоение совершается при помощи насилия, беззакония, устрашения, демагогии, обмана, дезинформации, целенаправленного духовного разложения и других способов. Паразитический образ жизни многолик. Он может не только эксплуатировать невежество, доверчивость, неопытность, неорганизованность, инертность людей, но и активно их распространять и насаждать. По-видимому, нет такой формы социального паразитизма, который был бы необходим и полезен его многообразным жертвам.

В данной статье нет возможности анализировать эту проблему подробно. Кратко охарактеризую наиболее существенные формы социального паразитизма:

1. Колониальный паразитизм – в виде завоеваний и военно-силового захвата чужих территорий, присвоения ресурсов, грабежа разнообразных богатств, созданных в многовековой истории народов. Завоеватели принуждали покоренных ими людей к рабскому труду на самых тяжелых условиях. Такой вид паразитизма осуществлялся и насаждался колониальными завоеваниями стран Западной Европы, начиная с XV-XVI вв. Они позволили сосредоточить колоссальные богатства в руках господствующих классов, в государственных организациях и ростовщических кланах. Накопленные богатства использовались для ослабления многих внутренних конфликтов в этих странах, для наращивания их экономических, технико-технологических и силовых преимуществ перед другими государствами.

2. Паразитизм в форме коррупции: подкупа должностных лиц и политических деятелей, «подкармливания» политических партий и других общественных организаций – с целью устрашения и устранения оппонентов, поддержки непопулярной политики насилия, демагогии, национального предательства и т.п.

3. Паразитизм в форме мафии: грабежа, насилия, убийств, шантажа и других видов организованной преступности, террористического устрашения народа, политических движений и отдельных людей.

4. Паразитизм в финансовой области, или финансовый паразитизм. В современном мире эта форма социального паразитизма становится особенно притягательной. При помощи спекуляций, дезорганизации государственной финансовой системы, финансовых авантюр и других махинаций возможно присваивать огромные материальные богатства: землю, рудники, заводы, стратегическое сырье, драгоценные металлы, культурные ценности и т.д. На смену средневековому паразитическому ростовщичество приходит его отвратительная современная форма — так называемое «прокручивание денег» с целью обогащения, займы различных международных финансовых центров под кабальные проценты и т.п.

5. Национально-государственный паразитизм, когда основная масса всех социальных групп народа становится активным соучастником, проводником и заинтересованной стороной в реализации политики военных завоеваний, военно-силового разрешения международных конфликтов, организованного грабежа захваченных стран и установления силового господства над побежденными народами. Опыт нашего народа в Великой отечественной войне 1941-1945 гг. свидетельствует, что это чрезвычайно опасная форма социального паразитизма.

Все виды социального паразитизма эксплуатируют и подавляют человека, превращают его в орудие реализации чуждых ему целей и интересов. Они оказывают активное, чаще всего скрытое, воздействие на формирование идеологических концепций, на искусство, на систему экономических отношений. законодательство и другие социальные сферы.

Национально-государственный паразитизм открыто провозглашает политику организованного насилия над другими народами в качестве главной цели жизнедеятельности и жизнеустойчивости победившей нации. Поэтому вся идеология в фашистской Германии — от мифов до практически реализуемых лозунгов — основывалась на возвышении силы, насилия, организованного грабежа, идеализации военных завоеваний, на поэтизации сильных личностей и героических народов. Это и позволило превратить немецких солдат в мощную завоевательную и беспощадную военную силу.

2. Гитлеровская доктрина национально-государственных интересов Германии

Разработка, обоснование, пропаганда и реализация своей собственной доктрины национально-государственных интересов Германии были основной целью руководителей национал-социалистской партии. Сейчас трудно сказать, кто именно ее разрабатывал, – скорее всего она является результатом активных усилий многих людей, окружавших Гитлера. Да это сейчас и не так уж существенно. Более важно разобраться в ее сути, в причинах ее успехов и конечного поражения, понять ее на основе исторических фактов и документов, а не исходя из каких-либо прагматических соображений.

Несомненно, она могла возникнуть только в тех исторических условиях, которые сложились после поражения Германии в I мировой войне. Тогда проблема понимания и защиты ее национально-государственных интересов приобрела для немцев особое значение. Западные страны-победители навязали ей унижительный Версальский мирный договор. Ей были предъявлены такие репарации, которые пришлось бы возмещать, по-видимому, вплоть до 70-80 гг. XX века. У Германии отняли все колониальные владения. Наказание за «разрушение мирового порядка и стратегического баланса сил, обеспечивающего устойчивый мир», было беспощадным. Оно низводило ее до положения полуколониальной страны, которая на все свои действия должна была испрашивать разрешения у стран-победителей. По Версальскому договору численность вооруженных сил Германии не мог-

ла превышать 100 тысяч человек. Поиск путей выхода из такого тупика становится в Германии главным показателем патриотизма и ответственности перед немцами.

Национал-социалистские лидеры еще до прихода к власти в 1933 г. развернули мощное наступление на сами основы Версальского договора. Они видели в нем главную угрозу обнищания немецкого народа, его ослабления, унижения и международной изоляции.

Такая активность подняла их авторитет в обществе. На фоне жалких увертливых заявлений многих других партий, политических движений и государственных деятелей они казались значительной части немецкого народа бескомпромиссными защитниками национально-государственных интересов Германии. Гитлер и его соратники доказывали, что страны-победители поставили Германию перед выбором: или силой расторгнуть Версальский договор и добиться военно-экономической самостоятельности, или сойти с исторической арены в хаос социалистической революции, гражданской войны, государственного паралича и национального разложения. Поэтому немецкому народу просто невозможно сохранить самоуважение, пока он будет связан путями этого договора. Немцам необходимо готовиться к силовому освобождению от этих пут — другим путем они ничего не добьются. Колониальные западные страны надолго сели на его шею.

После резкой критики основ Версальского договора руководители национал-социалистской Германии переходят к новому этапу пропаганды своей национально-государственной доктрины. Они убеждают немцев, что внутренние источники развития Германии на длительную историческую перспективу уже исчерпаны. В секретном меморандуме А.Гитлера от 26 августа 1936 г. о «четырёхлетнем плане» говорится, что Германия «перенаселена и не может себя прокормить за счет собственных ресурсов»¹. Поэтому немцы или должны погибнуть как великая европейская нация, или необходимо искать «окончательного решения проблемы» — путем «расширения жизненного пространства», «расширения сырьевой базы» для немецкого народа².

Руководители национал-социалистской партии истолковывали поиск путей такого «окончательного решения» проблемы как исторический вызов Германии. Они убеждали немцев, что мужественно принимают этот исторический вызов, брошенный Германии, и предлагают свою программу защиты ее национально-государственных интересов.

На основе большого количества документов, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях, можно выделить ее главные цели.

1. Германия, а, следовательно, и немецкий народ могут сами утвердиться в условиях Версальского договора только силой. Мир давно поделен. Никто ничего не отдаст добровольно. Все главные вопросы решались и будут решаться только соотношением сил, войной, беспощадным и бескомпромиссным отстаиванием своих национально-государственных интересов. Поэтому немецкому народу необходимо изменить *отношение к войне*. Подготовка к войне за новые «жизненные пространства», источники сырья и продовольствия должна стать главной целью национально-государственной жизнедеятельности всего немецкого народа. Его будущее зависит только от таких завоеваний. «Империя не может считать себя обеспеченной до тех пор, пока не даст на столетия вперед каждому отпрыску нашего народа свой собственный кусок земли»³.

Согласно этой доктрине, насильственный передел границ государств, колонизация чужих территорий, ослабление и истребление народов, не выдержавших военно-силового испытания, — это главный стимул развития всей человеческой истории.

Фашистские идеологи доказывали, что войнам принадлежит великая созидательная роль. Войны всегда были мощным фактором обновления. В результате военных побед выдвигались новые народы-лидеры. Государства-победители создавали новую экономическую мощь, новую идеологию, новую, более высокую организацию национально-государственной жизни. Война делает жестокий и беспощадный отбор всего, что способно к сопротивлению, и обладает большой внутренней силой самоутверждения. Войной, силой можно решать любой вопрос в мире, не разрешимый другими способами. Национально-государственные традиции проявляются прежде всего на поле боя. Военные победы закрепляют эти традиции в поведении миллионов людей и в их историческом опыте.

Гитлеровские идеологи зло высмеивали представления, будто войны всегда являются только бедствием для народов. Они убеждали немцев, что во всех войнах, которые придется вести Германии, будут отстаиваться только интересы немецкой нации. Ни за чьи другие интересы национал-социалисты не позволят пролить и капли немецкой крови.

В 1936 г. национал-социалистское руководство принимает «четырёхлетний план» подготовки Германии к предстоящей войне. Согласно этому плану, «Германия должна настолько усилить свой военный потенциал и военный потенциал своих союзников, чтобы коалиция была в состоянии противостоять почти всему остальному миру»⁴. Это будет жестокое столкновение больших военных блоков, мощных империй. Каждому немцу необходимо знать, что тотальная война за самосоуществование Германии, за сохранение ее культурных и научно-технологических достижений потребует огромных усилий всего немецкого народа. Ее надо сделать не только победоносной, но и молниеносной. Эффективные сокрушительные удары в самом начале военных действий могут спасти много немецкой крови и материальных ресурсов.

2. Существенной частью гитлеровской доктрины национально-государственных интересов было обоснование особого права Германии на свою собственную «расовую кодификацию» народов мира. Фашистские идеологи и политики считали эту задачу особенно важной. Именно здесь вырабатывались основные аргументы, оправдывающие права немцев на организованное насилие, на завоевания нового жизненного пространства, на высокую «историческую миссию» в мире и на установление «нового порядка» в завоеванных странах.

В нашей публицистической литературе нередко ограничиваются в основном анализом расово-биологического обоснования этих претензий. Однако, анализ различий этносов по крови, форме черепа и некоторым другим естественным признакам был только частью такого обоснования. Не менее важную роль играла «кодификация народов» по их «исторической жизнеспособности». В это понятие вкладывался широкий смысл: творческая одаренность народов, этническая монолитность, государственная организованность, воля, сила, мужество, сосредоточенность в достижении поставленных целей и другие качества, играющие большую роль в развитии их национально-государственной жизнедеятельности.

По всем этим признакам немецкий народ занимал в национал-социалистской доктрине особое место. Историки и философы доказывали, что он обладает огромными творческими способностями во всех сферах социальной жизни; он мужественен, моноэтничен, монолитен; ему легче, чем другим народам, удается преодолевать внутриэтнические трения, сословно-классовые разногласия, интеллектуальную дифференциацию. Особое вни-

мание уделялось обоснованию броского лозунга: если Европа создала лицо всего мира, то Германия создала и представляет лицо Европы.

Немцам внушали, что они выстрадали главную идею национал-социализма — утвердить Германскую империю как господство высшей расы и высшей культуры. Они должны заполнить завоеванные пространства немецкой кровью и немецкой жизнью. Для реализации этой исторической цели предполагалось увеличить численность немцев до 400 миллионов человек. Такой империи не нужна система международных отношений, основанная на признании равных прав народов, на поисках путей их взаимовыгодного сотрудничества в экономике, политике, культуре и других сферах. В равноправном сотрудничестве, по мнению гитлеровских идеологов, нуждаются только слабые нации. Германия отвергает такую систему международных отношений. Для нее не приемлемы и лицемерные разговоры о мире и сотрудничестве, которые ведут империи, давно завоевавшие и эксплуатирующие огромные колониальные территории. Германия не будет ни в какой форме поддерживать политику равных прав и равных возможностей всех народов. От нее никто больше не услышит призывов о добродетельстве.

3. Гитлеровская доктрина национально-государственных интересов требовала коренного пересмотра отношения немцев не только к войне, но и к *политике*. Гитлер утверждал, что им необходимо воспитать в себе неприятие задач, которые вытекают из тех или иных умозрительных концепций и «туманных идеалов», и активно реализовывать задачи, «которые и есть сама жизнь, есть продолжение жизни»⁵. «Политика, — утверждал А.Гитлер, — это руководство исторической борьбой за жизнь народов и ход этой борьбы. Цель этой борьбы — утвердить свое существование...» И далее: «Существуют лишь одни интересы, и это интересы нации, и единственная точка зрения должна состоять в том, что Германию политически и экономически необходимо подготовить к тому, чтобы она была в состоянии утвердить свои права»⁶.

Подготовка народа, армии и всей государственной системы управления к большой и победоносной войне рассматривалась А.Гитлером как высшая форма политического руководства и политического искусства. В такой подготовке строгая секретность, жесткая централизация и ответственность за принимаемые решения, мобильность и активность — только часть работы, пусть

и очень важная. Главная цель политического руководства – разбудить «колонизаторскую волю», «упорство колониционной силы германской расы», сформировать у немцев умение утверждать господство военными победами, хитростью, волей, мужеством, жестокостью – при наименьших затратах сил. Руководители фашистской Германии были убеждены, что цели такой политики затрагивают интересы и судьбу каждой немецкой семьи, поэтому поведение немцев следует оценивать не по их принадлежности к тому или иному классу, а по степени их участия в реализации национал-социалистской политики.

Гитлеровская доктрина национально-государственных интересов Германии должна была сформировать новую организацию всей общественной жизни немцев. Предполагалось создать такие экономические отношения, в которых не вставала бы проблема эксплуатации немцев немцами. Фашистские идеологи доказывали, «что в Германии больше не существует никаких классовых противоречий между работодателями, с одной стороны, и рабочими и служащими – с другой». Для пропаганды этих достижений как идеала экономической организации общества за границей было создано специальное международное бюро под названием «Радость и труд»⁷. Немцев убеждали, что Германии нужен «единый фронт всех трудовых слоев народа».

Такая политика должна была коренным образом изменить саму немецкую нацию, сделать ее мощной, хорошо организованной, легко управляемой силой, беспощадной к завоевываемым народам и умеющей поддерживать, воодушевлять, оберегать каждого немца, где бы он ни проживал. Пропагандировались и поэтизировались сплоченность между немцами, их взаимоподдержка, взаимовыручка, самооправдание. Их призывали настойчиво развивать наступательный дух во всех сферах жизни и доказывать, что они еще не все возможности использовали для достижения своей победы. И, главное, нигде, ни с кем не делить власти – ни в самой Германии, ни в мире. Такому изменению немецкой нации служило введение принципа фюрерства во всех сферах общественной жизни. Эти же цели преследовались и при создании особого «имперского комиссариата по укреплению немецкой расы».

Руководители фашистской Германии стремились разбудить энергию, волю каждого немца в осмыслении и реализации новой политики⁸. Немцев убеждали, что чем дальше они продвинулись в

формировании такого мировоззрения, тем быстрее они подготавливают неизбежность прихода нового человека — человека-господина с его колоссальными возможностями в коренном переустройстве всего миропорядка в Европе и в мире.

Воспитание немца с психологией завоевателя, господина, властного хозяина и распорядителя было главной целью гитлеровской политики. Фашистские историки, социологи, промышленники, генералы интенсивно искали аргументы, способствующие формированию такой психологии. Широко использовались не только древнегерманские мифы, разнообразные исторические изыскания, но и оккультные восточные учения, всякого рода тайные знания, мессианские идеи и т.д.⁹.

Немцев убеждали, что обвинения Германии в колониализме, в социальном и государственном паразитизме не должны их смущать. Им по праву своего расового, культурно-исторического и военно-силового превосходства предназначено владеть землями и всеми богатствами в завоеванных странах. Они будут распоряжаться дешевой рабочей силой, которой предназначено исполнять самую тяжелую физическую работу. Каждому немцу открываются колоссальные возможности пользоваться плодами военных побед Германии. Все то, что завоевано, будет принадлежать немцам. Но самих таких военных побед недостаточно. Необходимо закреплять их не только силовым превосходством, но и с помощью особых навыков и установок, необходимых победителю, хозяину, господину, распорядителю¹⁰.

В эксплуатации завоеванных народов и в использовании дешевой рабочей силы не ставились никакие ограничения. Немцев освобождали от всяких угрызений и сомнений в использовании твердости и жестокости, позволяющих в зародыше подавлять любое сопротивление. По мнению фашистских руководителей, именно такая политика обеспечивала успех в истории расширения господства великих народов.

Гитлеровские идеологи хорошо понимали, что усталые, деморализованные поражением в I мировой войне немцы не будут слушать вялые рассуждения, абстрактные призывы и нравственные сентенции. Нужен был поворот не только в самой сути политики, но и в характере аргументов, обращенных к нации. И они стремились сделать свою идеологию целенаправленной, энергичной, яркой, заземленной в самые «потаянные уголки» психологии немцев. Гитлер разговаривал с ними на суровом, торжественном языке, не допускающем ни сомнений, ни воз-

ражений, ни тревог. В нем было все: призывы, воодушевление, заклинания, угрозы, обещания, прорицания, надменность, вседозволенность...

4. Существенной частью гитлеровской доктрины национально-государственных интересов Германии была идея установления «нового порядка» в покоренных странах. Разработка этой идеи завершается конкретизацией исходных понятий всей доктрины: экономических целей и методов действий, целей и методов политико-идеологического давления на побежденные народы, отработка аргументов, оправдывающих и освящающих действия оккупационных властей. Именно здесь проводилась решительная переориентация политики, идеологии, культуры, морали немецкого народа на паразитический образ жизни.

Фашистские политики, разрабатывавшие концепцию «нового порядка», убеждали немцев, что они ни у кого не будут испрашивать разрешения или советов, каким образом им распорядиться всеми захваченными богатствами. Никакие международные соглашения Германия не будет принимать во внимание. В 1941 г. был создан специальный «Комитет по вопросам колониальной политики». Во многих правительственных документах вводится понятие «колониальной экономики». Формируется особая служба, занимающаяся экономической разведкой: поиском сырья, нефти, сельскохозяйственных машин, в особенности тракторов и т.д. Во всем видна организованность, деловитость, убежденность.

Узакониваются методы грабежа обнаруживаемых богатств, продовольствия, сырья, оборудования, культурных ценностей. Чудовищные размеры приобретает конфискация разнообразного имущества. Плодами такого ограбления пользуются не только государственные организации и частные кампании, но и огромное количество рядовых немцев. Все они получали свою долю — одни в виде дешевой рабочей силы, другие в виде чернозема, разнообразных подачек. Действующая армия руководствовалась установкой: не нужно чинить никаких препятствий немецким солдатам, если они по собственной инициативе снабжают себя.

На всех оккупированных территориях вводилась трудовая повинность, которая часто никаким образом не оплачивалась. Тяжелый рабский труд использовался во всех сферах хозяйственной деятельности оккупационных властей. После поражения немецких войск под Москвой гитлеровское руководство начинает привлекать к тяжелому физическому труду сотни тысяч во-

еннопленных, не исключая и оборонную промышленность. К - декабрю 1942 г. было мобилизовано более 7 млн. человек так называемой «дополнительной рабочей силы».

На основе опыта использования людей, мобилизованных на трудовую повинность, в особенности, на основе труда военнопленных фашистские руководители открывают, что русские представляют собой отличную рабочую силу. Они обладают хорошими практическими знаниями, работают точно и в таком темпе, какого немецкий рабочий в настоящее время выдержать не может.

Согласно концепции «нового порядка», Германия не берет на себя никаких обязательств перед завоеванными народами. Она во всех действиях руководствуется только своими собственными интересами. Все ее планы будут определяться главными целями — самоутверждением, закреплением побед, усилением и процветанием Германской империи. Поэтому она не допустит никакой самостоятельности и самоорганизации завоеванных народов ни в хозяйственной жизни, ни в формировании властей на любом уровне. Никаких прав завоеванных народов на самозащиту и государственную самостоятельность Германия не признает. Власть будет принадлежать только немцам, и только они будут иметь право носить оружие¹¹. Всякое сопротивление оккупационным властям объявляется высшей формой преступления.

Существенной частью фашистской политики в оккупированных странах становится духовный террор как стратегическое направление в подчинении, ослаблении и деморализации побежденных народов. Им предлагалось рассматривать свое поражение на поле боя как доказательство их неразвитости и нежизнеспособности. Поэтому у них нет, якобы, другого выхода, кроме принятия господства Германии как непреложного факта. Вся организация жизни оккупированных народов должна была внушать, подчеркивать, формировать «комплекс их неполноценности». Беспощадно разрушались в сознании этих народов исторически сложившиеся представления об их месте и роли среди других народов, об их достижениях, геополитических интересах и естественных союзниках. Развенчивались и подавлялись их историческое самочувствие, духовные традиции, социальный и военный опыт, национально ориентированная система образования. Деформация исторической памяти покоренных народов становится главной целью фашистской идеологии. Германия оставляла за собой право на судопроизводство, на выпуск газет и журналов, на организацию радиовещания и создание кинофильмов.

3. Ликвидация русского народа и уничтожение его государственности — главная цель фашистского нашествия в 1941 году

Сейчас в отдельных публикациях и на конференциях, посвященных Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., встречаются рассуждения, что тогда можно было бы избежать этой ужасной войны с фашистской Германией, если бы советское руководство и прежде всего И.В.Сталин проводили более гибкую политику компромиссов и уступок. Нередко главную цель фашистского нашествия сводят только к уничтожению социалистических преобразований в СССР, установлению «нового порядка» на завоеванных территориях — только при помощи более жестких форм насилия, чем в других покоренных странах Европы.

За последние пять лет появилось новое истолкование целей той войны. Утверждается, что как советские народы и прежде всего русский народ, так и немецкий народ не имели своих собственных ясных целей в той войне. Они одинаково поддерживали тоталитарные режимы в своих странах. Цели их действий навязывались жестокими вождями, присвоившими себе право распоряжаться судьбами миллионов людей, не отвечая ни за какие последствия своих действий и приписывая себе все победы. Получается, что оба народа в равной степени виновны в развязывании той страшной трагедии. Встречаются и другие удивительные, можно сказать, «стратегические открытия». Например, утверждается, что в ходе наступления Красной Армии надо было бы остановиться на старых границах СССР — и тогда нашу страну никто в мире не посмел бы обвинять в агрессивных целях.

Документально обоснованное понимание целей противоборствующих сторон в той войне между СССР и фашистской Германией приобретает сейчас исключительное значение. В сущности это главный вопрос, позволяющий объективно оценивать поведение огромных масс людей, политических руководителей и вооруженных сил СССР и фашистской Германии в той почти четырехлетней битве.

Несомненно, ликвидация всех социалистических преобразований в СССР и установление «нового порядка» на захваченных территориях были важными целями фашистского нашествия. Это подтверждается поведением фашистских властей и опытом советских людей в условиях оккупации. Однако, если остано-

виться только на этих целях фашистского вторжения, то картина будет не только односторонней, но и во многом искаженной. Анализ многочисленных важных документов руководства фашистской Германии показывает, что главной или стратегической целью ее нашествия в 1941 г. была ликвидация русского народа и уничтожение его государственности. Эта цель была существенной частью национально-государственной политики гитлеровского руководства. Антирусская, а в более широком смысле антиславянская направленность пронизывает всю эту колонизаторскую доктрину.

Гитлеровское руководство подвергло критике ранее распространенные среди немецких политиков представления о целях неизбежной войны с Россией. Образование на все будущие времена континентального блока между индустриальной Германией и аграрной Россией отвергалось как противоречащее главным целям фашистской доктрины¹².

Цели фашистского нашествия на СССР формулируются в документе, который получил кодовое название «Барбаросса». Более подробно они рассматриваются при обсуждении так называемого плана «Ост» и в многочисленных директивах командующих немецкими войсками на Восточном фронте.

Э.Ветцель, начальник отдела колонизации I-го главного политического управления министерства по делам оккупированных восточных областей, в своих замечаниях и предложениях по плану «Ост» писал: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их». И далее: «Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие». «Нет сомнения в том, что административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей является одним из средств борьбы с усилением русского народа». «Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот для германского руководства. Эта масса расово неполноценных тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в

руководстве». «Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. То же самое относится, между прочим, к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа, а в будущем частично и к Украине»¹³. Эта политика планомерно проводилась в ходе войны. Как свидетельствовал на Нюрнбергском процессе генерал полиции Е.Бах-Зелевский, предполагалось истребить 30 млн. славян¹⁴.

«Для нас, немцев, — утверждал Ветцель, — важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»¹⁵. Гитлеровские руководители твердили, что на сильную Россию опирались антигерманские настроения и действия многих европейских народов в течение трех последних столетий.

Фашистская Германия намеревалась «органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы»¹⁶. «Война с целью образования неделимой России поэтому исключена»¹⁷. Германия не признает такой цели, кто бы ни был национальным вождем русских. «Замена Сталина новым царем или выдвижение на этой территории какого-либо другого национального вождя — все это еще более мобилизовало все силы против нас»¹⁸.

Ликвидация и ослабление русского народа проводились не только путем физического истребления под разными предлогами (как борьбы против партизан, против саботажа и т.д.), но и при помощи планомерных депортаций. Предполагалось переселить миллионы русских людей в Сибирь. «Несомненно, — говорил Розенберг, — что необходимо будет провести очень большую эвакуацию и для русских предстоят очень тяжелые годы»¹⁹.

Гитлеровские политики считали, что чем больше будет хаос в России, тем легче будет управление и эксплуатация оккупированных территорий. Для этого нужно было изгнать максимальное количество населения советских русских городов во внутренние районы России. Такие непрерывные депортации должны были привести к дезорганизации всей общественной жизни миллионов русских людей, подорвать их исторические корни, экономические связи и нравственные традиции, вызвать хаос, взаимное озлобление, разобщенность, отчуждение, а в конце концов и физическое вырождение народа.

Этим целям служили все формы жестокого организованного насилия над русским народом. Немцев убеждали, что в этой войне, ведущейся за право на существование Германии, они не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения и что человеческая жизнь на оккупированных территориях не имеет никакой цены²⁰. Их призывали бояться не сопротивления русских, — а собственного безволия и чувства гуманизма. Г.Геринг в одной из директив писал: «Совершенно неуместна точка зрения, будто оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена»²¹. Инструкции оккупационным властям требовали, чтобы тенденции повышения жизненного уровня в России заранее пресекались самыми жестокими средствами.

Существенной частью планов разрушения государственности русского народа были ликвидация системы высшего образования и запрещение на ведение научно-исследовательской деятельности. Русским было предоставлено право на начальное образование, да и то только потому, что без него было затруднено управление на оккупированных территориях.

Таким образом навсегда предполагалось закончить государственно-политическую, экономическую и духовную историю русского народа. Он превращался только в рабочую силу, исполняющую тяжелый физический труд.

Мог ли русский народ, а вместе с ним и другие народы СССР пойти на компромисс со страной, которая руководствовалась такой доктриной? Конечно, нет. Это было бы безрассудством и самоуничтожением, отречением от собственной истории и предательством по отношению к будущим поколениям.

Русский народ, согласно планам национал-социалистического руководства, подлежит развенчанию, ослаблению и международной изоляции еще и потому что он стал главной опорой распространения «воинственной большевистско-еврейской доктрины социализма» в Европе и во всем мире. Пожалуй, не было ни одного выступления Гитлера и его соратников, в которых бы они ни заклинали о большевистской угрозе из России, об опасности уничтожения немецкой национальной интеллигенции, если в Германию придет с Востока социалистическая революция. Бесконечно цитировались труды и речи В.И.Ленина, Л.Д.Троцкого и других руководителей большевистской партии, в которых они призывали к мировой революции. Гитлер и его соратники ут-

верждали, что большевистский колосс оказался неспособным к своему собственному националистско-государственному мышлению и намеревался жить на развалинах Европы. Октябрьская революция рассматривалась только как разрушительное событие, уничтожившее Россию, ее национальную интеллигенцию и политическую элиту, ее вековые устои и государственность.

Русский народ, по утверждению национал-социалистских руководителей, оказался не способным вовремя разглядеть и остановить эту большевистскую угрозу для России. И чтобы обезопасить Германию и Европу от подобных ошибок и попустительств в будущем, эту опору большевизма необходимо деморализовать, ослабить и ликвидировать.

Гитлер и его соратники в разоблачении большевистской концепции социализма руководствовались простой установкой: ни по каким проблемам не ввязываться в дискуссии по существу; достаточно заклеить ее нештампованными броскими фразами и создать впечатление окончательной дискредитации политики и идеологии противника. Они не хотели и боялись обсуждения основной проблемы: почему значительная часть русского народа поддержала главные лозунги революции: «фабрики – рабочим», «землю – крестьянам», «власть – Советам», «уничтожить эксплуатацию человека человеком» и неравноправие в международных отношениях. Гитлеровская доктрина национально-государственного паразитизма находилась в непримиримом противоречии с этими главными лозунгами революции. На ее основе невозможно было их опровергнуть или дискредитировать. Это было столкновение двух противоположных социально-политических доктрин, двух национально-исторических идеалов общественной жизни. И по этой причине не могло быть примирения между СССР и гитлеровской Германией в той войне.

Несомненно, русский народ поддерживал в годы Великой Отечественной войны политическое руководство своей страны. Более того, это был, по-видимому, единственный период в нашей послереволюционной истории, когда между всеми слоями народа и высшим политическим руководством страны было действительное, а не лозунгово-пропагандистское единство. Тогда позиция руководства страны была в высшей степени патриотической. Оно организовало в трудных условиях отпор нашествию, которое грозило русскому народу и другим народам СССР историческим небытием. Оно нашло в себе силы исправлять многие серьезные идеологические ошибки, допущенные в 20-30-е годы.

Значительная часть немецкого народа поддерживала политику фюрера, исходя из совершенно других оснований. Она слепо поверила, что завоевание новых «жизненных пространств» и установление «нового порядка» в покоренных странах является не только главным, но в сущности, и единственным выходом для Германии после поражения в I мировой войне. Гитлеровская доктрина национально-государственных интересов Германии была принята миллионами немцев как стратегия действий на многие десятилетия в будущем. Каждый рядовой немец втягивался в реализацию этой доктрины, его повседневное поведение привязывалось к ней и оценивалось, исходя из участия в ее утверждении. Каждого немца делали в той или иной степени соучастником организованного насильственного грабежа и унижения народов, потерпевших поражение на поле боя. Такая доктрина делала саму государственную власть преступной корпоративной организацией, в которой руководители и исполнители были повязаны круговой порукой и безответственностью.

Поражение гитлеровской Германии и победа СССР в той войне не были случайными. Несомненно, национал-социалистскому руководству удалось превратить Германию в мощную агрессивную силу. Но гитлеровская доктрина национально-государственных интересов обладала существенным недостатком: в ней глобальные завоевательные планы мало согласовывались с возможностями расширения и поисками новых союзников *вне самой* Германии. Добровольно ни один народ не мог и не хотел принять и поддерживать такую доктрину. Она неизбежно вела немецкий народ к международной изоляции и к истощению собственных внутренних сил Германии. Это был глубокий просчет гитлеровского руководства. Перед Германией ставились цели, не соизмеримые с ее собственными возможностями. На совещании с руководителями фашистского рейха о целях войны против СССР 16 июля 1941 г. Гитлер говорил: «Создание военной державы западнее Урала никогда не должно стать на повестку дня, хотя бы для этого нам пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чуждого войска»²². Это заявление никак не согласовывалось с внутренними возможностями Германии вести такую длительную современную войну.

Был и другой просчет. Посягательство на историческую судьбу и саму жизнь больших народов, имеющих многовековой национально-государственный, военный, экономический, социальный

и духовный опыт, крайне редко заканчивается полной победой завоевателя. Когда такой народ ставят перед выбором: «быть или не быть», пытаются лишить его исторических перспектив и достойной роли среди других народов, то он неизбежно мобилизует все свои силы для организованного сопротивления. На физическое уничтожение таких народов или насильственные их депортации требуются многие годы. За это время оставшиеся части народа начинают новые круги сопротивления. Неудачи сплывают различные его слои, помогают найти новые формы противодействия врагу. Именно поэтому расчеты завоевателей в таких войнах часто оборачиваются большими просчетами.

Не оправдался расчет гитлеровского руководства и на то, что русский народ, расселившийся на больших территориях, не сможет за короткий срок собрать свои национально-государственные силы для своевременного отпора мощному вторжению. Исторически сформировавшиеся духовно-нравственные, хозяйственно-организационные и военные традиции помогли за короткий срок мобилизоваться миллионам людей на Отечественную войну. Плановое ведение экономики и опора на эти традиции позволили советской власти за короткие сроки создать мощный военно-экономический потенциал страны и добиться победы над хорошо организованной завоевательной силой.

Примечания

- ¹ Анатомия войны (новые документы о роли германского монополистического капитала во второй мировой войне). Прогресс. М., 1971. С. 130. В дальнейшем — «А.В.».
- ² Там же. С. 130.
- ³ Из «Политического завещания немецкой нации», распространяемого гитлеровским руководством среди немецкой молодежи. См.: «Преступные цели — преступные средства», Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1945 гг.). С. 80. В дальнейшем — «ПЦ — ПС».
- ⁴ Из рабочего доклада Карла Крауха, генерального уполномоченного по особым вопросам химического производства на Генеральном совете «четырёхлетнего плана» 28 апреля 1939 года о подготовке к предстоящей войне. «А.В.». С. 195.
- ⁵ Из секретного меморандума А.Гитлера от 26 августа 1936 г. о «четырёхлетнем плане». «А.В.». С. 131.
- ⁶ Там же. С. 134.
- ⁷ Из протокольной записи Хаккемана, представителя «ИГ Фарбен», о заседании Центрального международного бюро «Радость и труд» 13 апреля 1938 г. по вопросу о пропаганде за границей». «А.В.» С. 162, 163.
- ⁸ Из секретного меморандума Адольфа Гитлера от 26 августа 1936 г. о «четырёхлетнем плане». «А.В.». С. 131, 133.
- ⁹ См.: *Пруссаков В.* Окультизм и его рейх. М., Молодая гвардия. 1992. Глава 2 — «Окультизм и рейх».
- ¹⁰ См.: «Инструкция уполномоченного по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря Бакке о поведении должностных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации». «ПЦ — ПС». С. 34-38.
- ¹¹ Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза; 16 июля 1941 г. «ПЦ — ПС». С. 53.
- ¹² См.: «Из речи райхслейтера Розенберга о политических целях Германии в предстоящей войне против Советского Союза и планах его расчленения. 20 июня 1941 г. «ПЦ — ПС». С. 45.
- ¹³ Из замечаний и предложений Э.Ветцеля по генеральному плану «Ост». «ПЦ — ПС». С. 72-78.
- ¹⁴ Нюрнбергский процесс. Т. 5. С. 270.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Из речи рейхслейтера Розенберга о политических целях германии в предстоящей войне против Советского Союза и планах его расчленения. «ПЦ — ПС». С. 46.
- ¹⁷ Там же. С. 45.
- ¹⁸ Там же. С. 45-46.

- ¹⁹ Там же. С. 47.
- ²⁰ Приказ Кейтеля о беспощадном подавлении освободительного движения в оккупированных странах и расстрелах заложников. 17 сентября 1941 г. «ПЦ – ПС». С. 90.
- ²¹ Из директивы Геринга об экономическом ограблении намеченной к оккупации территории СССР. «ПЦ – ПС». С. 40.
- ²² Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза. 16 июля 1941 г. «ПЦ – ПС». С. 53.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

(Раздумья ветерана войны)

Историческая память как главный элемент самосознания народа потому необходима для жизнедеятельности общества, что она, воскрешая прошлое, помогает глубже осмыслить настоящее и заглянуть в будущее. Именно с ее помощью обнаруживается место полома составляющих жизнеустройства: способов и форм деятельности людей, образа жизни, национальной культуры, ценностных ориентиров, традиций и обычаев.

Активизировать историческую память необходимо в смутное время, когда разрушаются устоявшиеся формы жизнедеятельности и начинает меркнуть самосознание народов, с помощью которого они оценивают свои связи в хозяйственной и культурной жизни с другими народами. Величие любого народа состоит в его немеркнущем, развивающемся самосознании, способном оценить дух времени, отстоять свою самостоятельность, право защищать свои ценности и образ жизни.

В наше время, когда под флагом реформ в стране быстрыми темпами реставрируется капитализм, а общество ввергнуто в пучину кризисных отношений в экономике, политике, социальности, не только у отдельных людей, а у значительной части различных общественных групп возник эффект ослабления самосознания. Это своего рода сумеречное состояние мысли, историческое беспамятство, выражающееся в апатии, политическом инфантилизме, действиям вопреки же своим собственным интересам. Для этих людей прошлый опыт уже ничему не

учит, ни от чего не предостерегает. Личная обида, полученная от партийного чиновника, застилает туманом разум, чтобы забыть социальные завоевания трудящихся: право на труд, бесплатное лечение, отдых на лучших курортах страны, бесплатное обучение своих детей и т.д. Работу мысли парализует поощряемый властями алкоголизм.

Предпринимаются попытки натравить друг на друга, разрушить экономические и культурные связи близких и дальних по крови народов некогда единой царской империи и СССР. Устанавливаются таможи на границах суверенных государств, где коренное население составляет меньшинство от общей численности живущих на этой территории. Лишают право получить гражданство русским дедушкам и бабушкам, живущим в Латвии и имеющим внука латыша. Огнем пожарищ и варварских разрушений на основе межнациональных конфликтов отмечены южные границы в некоторых районах Кавказа и Средней Азии. И выходящий за рамки здравого смысла «конфликт» между РФ и Чечней, являющейся субъектом федерации народов России, приведший к гибели многих тысяч безвинных людей.

И все это происходит пятьдесят лет спустя после Победы советского народа в Великой Отечественной войне, при жизни представителей того поколения, ратным и трудовым героизмом которого была завоевана свобода и независимость всех народов Советского Союза. Им и сегодня видится истекающий кровью, но борющийся народ. В глазах его воинов не страх и покорность, а огонь ненависти к врагу и презрения к смерти. Каждый из воинов думает, что потомки оценят его подвиг, не забудут его имя, возродят из руин Отечество.

Сегодня видение исторических событий пятидесятилетней давности не одинаково в глазах участников войны, всех непредвзято мыслящих людей планеты и некоторых нынешних толкователей той войны. Этим новым пророкам кажется, что хотя победа и завоевана, но она не настоящая, а есть результат неосмысленного действия массы фанатиков, их самопожертвования во имя мифа, внушенного преступной политической организацией. Да и воевали «не по правилам»: утопили в своей крови врага, не покорились Гитлеру, несшему для них освобождение от «большевистского рабства», возможность при усердной работе даже баловаться баварским пивком.

Эти прорицатели-истолкователи почему-то забыли, что если бы не упорство «совков», то и их родителей постигла бы та же участь, что и их более отдаленных родственников, сожженных в печах Освенцимов, Дахау, Греблинок и других лагерей смерти.

Для сведения тех, кто сомневается в правдивости оценок о стойкости и храбрости советского солдата, приведу отрывок из книги «Русская армия» (Ее люди, руководители, сражения)» Уолтера Керра, американского журналиста, пережившего с нами самые трудные годы войны:

«...Финны, как впоследствии немцы, зачастую объясняли мужество, стойкость и героизм русского солдата тем, что он даже в совершенно невыносимых условиях продолжал биться только потому, что ...боялся поступить иначе, что у него как существа низшего порядка не хватало даже воображения, чтобы сообразить – здравый смысл диктует тебе бросить оружие и отдаться на милость победителей, но здравого смысла ему не доставало, поскольку в существе и сердце своем он был и остается дикарем, варваром.

Но, безусловно, эта бредовая аргументация не выдерживала столкновения с жизнью и любому нормальному человеку становилось абсолютно ясно, что русские в конечном счете идут в бой и сражаются, будучи движимыми теми же чувствами, что и любой представитель рода человеческого. Ибо русские, как и все люди, бросаются в сражение и смотрят смерти в глаза прежде всего и именно потому, что любят свой дом, любят своих близких потому, что хотят жить по своему укладу и в соответствии со своими традициями.

...Обычно среднего роста, крепко сбитые, светловолосые и голубоглазые, рты, как правило, резко и четко очерченные, волевые подбородки, физически развитые, сильные. И ведь это не были просто роботы или некие существа, которых мало интересовало, суждено ли им остаться в живых, или всех ждет неминуема гибель. Нет, они хотели жить. Хотели жить и возвратиться домой, к своим близким и родным. Но и смерти они не страшись» (Правда. 23.2.1994 г.).

Так вот, читатель, у кого учатся уму-разуму наши демократические критики Победы. Для нынешнего поколения россиян необходимо знание причин, обусловивших спасение и укрепление государственности СССР – многонационального социально-политического и экономического сообщества в особо экстремальных условиях.

ремальных условиях. Этот исторический опыт может быть использован в практических действиях на путях укрепления единства Российской Федерации.

Понятно, что и для участника войны, даже имеющего философское образование, не так уж просто высказать и свое мнение о причинах победы советского народа и его армии в Великой Отечественной войне, оценить ее влияние на развитие социально-политических процессов внутри страны и во всем мире. Большое видится на расстоянии. Но оказывается, что и руководители СССР, крупные военачальники в своих оценках результатов войны в основном были близки к истине. Дальнейшие события лишь смогли уточнить эти оценки, а некоторые и подправить. Но очень обидно, что руководители СССР и командиры Советской Армии и Военно-морского флота, бросившие на Восток в помощь своим союзникам миллионы солдат, чтобы разгромить японских милитаристов и тем спасти жизнь сотням тысяч американских солдат, не знали, что Аллен Даллес, руководитель военной разведки США, уже набрасывал план разрушения государства-союзника, члена антигитлеровской коалиции – СССР.

«...Эпизод за эпизодом будут разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

...Будем вырывать духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, выветривать этот ленинский фанатизм».

«Мы истратили триллионы долларов за последние 40 лет, чтобы одержать победы в «холодной» войне против СССР» – сокрушался Госсекретарь США Джеймс Бейкер.

Многое, что совершалось в нашей стране после войны 1941-1945 гг. можно понять, если учесть следующую фразу из плана Даллеса: «В управлении государством (в СССР – С.Г.) мы создадим хаос и неразбериху». Не исключено, что «агенты влияния» были внедрены в Госплан СССР, в аппараты многих министерств, ЦК КПСС. Не потому ли солдаты-победители не смогли активно влиять на формирование внутренней и внешней политики страны, предотвратить развал могучего государства, совершенного с помощью того государства, солдатам которого была оказана союзническая помощь?

Одним из составляющих субъективного фактора, сыгравшим важную роль в достижении победы в войне, по мысли автора, является рост самосознания советского народа, особенно солдат и офицеров Советской Армии и Флота, рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Это прежде всего проявилось в критическом осмыслении идеологических и политических установок предвоенного времени о союзниках Красной Армии и советского народа в будущей войне; осознание сути основ государственной целостности многонационального сообщества добровольно объединившихся народов в Союз Советских Социалистических республик; способов и средств защиты и укрепления сотрудничества и дружбы народов.

Война показала, что классовая солидарность с немецкими трудящимися в годы войны проявиться не может, что значительная часть немецких рабочих одурманена фашистскими идеями, а разгром социал-демократической и коммунистической партий Германии, установление жесточайшей фашистской диктатуры не позволяет надеяться на ослабление фашистской государственной машины, разложение немецкой армии.

События первых месяцев войны показали, что союзниками СССР по антигитлеровской коалиции смогут стать народы и правительства, не разделяющие идей социализма, но и не желающие покориться Гитлеру: Англия, США, Франция и все оккупированные народы Европы. Руководство СССР, как и многие советские люди, понимали, что различие социального устройства СССР и стран коалиции может проявляться и в стратегии и тактике ведения войны против фашистской Германии, в возможности пойти на компромисс с Гитлером. Укрепив свои позиции в войне с Гитлером, союзники не торопились с открытием второго фронта в Европе, ожидая, когда будут ослаблены военные силы СССР и фашистской Германии. Эти расчеты союзников по антигитлеровской коалиции были разгаданы руководством СССР и послужили достаточным основанием для предвидения трудностей послевоенной политики в международных отношениях.

Росту самосознания воинов армии и флота способствовала идея национального достоинства, государственности и единства всех славянских народов в борьбе с немецкими фашистами и их

союзниками, объявившим о своем превосходстве над всеми народами. Причастность к славянскому братству позволила солдатам видеть в народах Восточной Европы своих надежных союзников, товарищей по оружию. Эти же идеи помогли осмыслить и интернациональный характер союзнического долга, распознать патриотов не только в среде дворян-эмигрантов из России, но и из представителей королевской власти Румынии.

Интернациональная помощь народам Восточной Европы в освобождении от гитлеризма была обусловлена общей стратегией мирового коммунистического движения, необходимостью укрепления классовой солидарности с народами этих стран. В глубоких социально-экономических переменах было заинтересовано подавляющее большинство трудящихся Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Албании. Заявления о том, что будто бы народная демократия принесена на штыках Советской Армии, лишено основания. Демократические перемены были необходимы для развития многих народов мира.

Рост самосознания советского народа проявился и в массовом героизме на фронте и в тылу, в подлинном патриотизме всех народов СССР, объединенных общей историей, хозяйственной деятельностью, культурой, традициями, способом жизнеустройства. Особое значение при этом имело обращение к военным традициям истории русского народа, его борьбе с иноземными захватчиками, начиная со времен Куликовской битвы и кончая изгнанием наполеоновских войск из России. Образы русских воинов и их полководцев вдохновляли надежду превозмочь усилия врага, дошедшего до берегов Волги.

Это сейчас, в угаре беспамятства или отрабатывая аванс в долларах, легко сочинять небылицы о бесталанности и тупости офицеров и солдат, отстоявших Сталинград, выигравших Курскую битву, форсировавших Вислу и Одер, взявших Берлин. Кто мог оценить тот или иной военный успех, если сражались с сильнейшим противником, вооруженным новейшей техникой, стойким и дисциплинированным? Попробывали бы сегодняшние митинговые витии демократических толков показать себя в бою, а не в изгнании над фронтовиками, обвняв их в ностальгии по прошлому.

Солдаты войны не делились по национальному признаку и религии. На первое место ими ставились стойкость, надежность, ответственность, взаимовыручка, смекалка, солдатское мастерство. Для подавляющего большинства идея патриотизма утвер-

ждала высшую ценность солдатского долга. Открытое сражение с врагом, самоотречение во имя общей Родины. Все это дает основание считать, что военное поколение советских людей было ответственным, мудрым, смелым, бескорыстным, гуманным. Действительно богатыри, выкованные из чистой стали, с головы до ног. Как нельзя кстати к ним подходит оценка, данная А.И.Герценом декабристам.

С высоты сегодняшнего дня нельзя не понять и мудрую политическую позицию народов СССР, оценивших по достоинству в годы войны преимущества социалистического выбора октября 1917 г., который, несмотря на все политические перегибы и даже преступления перед отдельными слоями крестьянства, вполне соответствовал традиционным для народов коллективистским формам сотрудничества и взаимопомощи. Этот строй жизни был цементирующей основой союза народов, их дружбы и надежд на построение действительно справедливого общества. Расчеты Гитлера на обострение межнациональных отношений в стране и ее распад не оправдались именно потому, что коллективистский строй жизни с его ценностями и возможностями реализовать надежды трудящихся СССР на достойную жизнь, не противоречил их представлениям о справедливом общественном устройстве и опыту строительства новых межнациональных отношений. Вот почему в марте 1991 г. на всенародном референдуме 78% избирателей всей страны высказалось за сохранение СССР и его обновление в духе социализма, а не капитализма. Болтовня демократических агитаторов о господстве в умах советских людей «мифологического сознания» по поводу социализма игнорирует реальный опыт жизни народов в условиях именно коллективистской цивилизации, а не индивидуализма и эгоизма буржуазного строя.

Жизнеспособность общественного и политического строя СССР проявилась и в реализации преимуществ организационной работы по мобилизации материальной и духовной мощи армии и тыла на борьбу с врагом. Цементирующей силой, сплотившей все народы страны в борьбе за победу, была коммунистическая партия. Ей было оказано полное доверие на руководство в хозяйственных и ратных делах. Именно в единстве народа и партии, армии и тыла и был действующий импульс, способный обеспечить нарастание материальной и духовной мощи общества для сокрушения врага.

Нынче такое состояние общества демократические агитаторы именуют тоталитаризмом, подвергая его всяческой критике с позиций перестроечных обещаний и сказок о западной цивилизации. Однако практика показала, что именно демократии континентальной Европы оказались под пятой Гитлера, а из беды их выручили «совки» с их способом организации общественной жизни. Решающий вклад в разгром немецкого фашизма и освобождение народов Европы от гитлеровского порабощения внесли советский народ и его Армия.

Победу советского народа в Великой Отечественной войне следует объяснить наличием в обществе экономических и политических структур, сумевших эффективно распорядиться людскими и природными ресурсами. Они обеспечили проявление патриотического духа, высокой нравственности и позволили реализовать государственную независимость и право развиваться на основе своих представлений о справедливом жизнеустройстве.

Ныне предметом обсуждения стала природа и содержание советского патриотизма, проявившегося в годы Великой Отечественной войны. Высказываются мнения, что советские люди, воюя с немецкими захватчиками, защищали свою Родину, свою землю, не связывая эту борьбу с поддержкой социализма, а тем более в его сталинском исполнении.

Думается, что демократически ориентированные теоретики не учитывают довольно сложную структуру патриотического сознания, входящего важным элементом в самосознание любого народа. Гражданами государства патриотические чувства, как правило, осмысливаются на уровнях практического (обыденного) и теоретического (идеологического) сознания, отражающими различные связи и отношения общественного бытия. Обыденное сознание фиксирует социально-политические отношения в этносе в формах традиций, морали, религиозного сознания, культуры и т.п. Экстремальные условия военного времени, как и любая сложная социально-экономическая ситуация, требуют идеологического осмысления политической обстановки в стране, в том числе и отношения к врагам и союзникам. Война расширяет патриотическое сознание до уровня осмысления народом и политических основ своего жизнеустройства, возрождает историческую память, военные традиции своих предков, в которых народ и армия черпают силы для укрепления морально-политического духа. Это чувство поднимается до осмысления не-

обходимости защиты своего государственного устройства, социального долга перед родственными народами и даже временными союзниками, у которых могут быть и свои особые цели.

Для народов СССР единый Советский Союз был гарантом процветания малой родины, а их стремление к построению социализма воспринималось как осуществление своей собственной цели.

В народном сознании социализм связывается с социальной справедливостью во всех видах деятельности, где каждому воздается по его делам и категорическом непринятии эксплуатации. В практике осуществления социалистического строительства идея справедливости отдельными руководителями различных рангов дискредитировалась и искажалась. И многие это понимали, даже те, кто сражался в рядах Советской Армии, хотя их родственники и были репрессированы. Лишь единицы сознательно переходили на службу к врагу, глумились над своими соотечественниками.

Писатель-мудрец Б.И.Олейник в своей статье «Встаньте, суд грядет!..» художественными средствами воспроизводит будущий суд над коммунистами-перевертышами и теми коммунистами, кто строил и защищал социализм. Среди последних он видит и себя. Свидетелями обвинения у него выступают живые и мертвые фронтовики. Среди них и его отец, погибший в бою под Харьковом в 1943 г.

«Он хрипло кричит мне через полвека:

– Сынок! Как же ты? Как ты мог? Что же ты натворил? За что тебя судят, скажи?

– Да вот, отец... Ты уж прости меня. Видно, бес попутал: воспевал.

– Что же ты... воспевал?!

– Да вот Отечество... Ленина... Украину... Россию... Братство народов... Партию... Ну еще Равенство... Независимость...

– Но мы же за это за все, сынок, сражались и умирали».

(См. «КПСС вне закона». М., 1992. С. 178).

Точка зрения писателя вполне справедлива: подобным образом рассуждали почти все фронтовики, в том числе и мои однополчане. Может быть, те солдаты, кто в силу различных обстоятельств оказались после войны в ГУЛАГЕ и переосмысливали свою патриотическую позицию. А таких было немало.

В наши дни обсуждается и проблема о роли коммунистов-фронтовиков в послевоенном строительстве. К ним даже предъявляют обвинения, что они ответственны за сложившуюся в стране обстановку, приведшую к развалу СССР, разграблению под видом приватизации народного достояния, капитализацию общества, вымирание населения. Этими разглагольствованиями пытаются доказать легковерным, что поколение фронтовиков не также уж и мудрое, а заодно и охаять социализм как систему, которую не смогли уберечь даже те, кто ее защищал с оружием в руках. По сути, партийцы-предатели хотят свое преступление перед народом переложить на плечи фронтовиков и предстать перед обществом в виде девственников. Но память у нас еще сохранилась.

Из собственного опыта мне известно, что лишь незначительная часть демобилизовавшихся офицеров и солдат составила кадры райкомов и горкомов партии. Причем в любом партийном аппарате они не представляли большинства. Многие из них долго не оставались на партийной работе. Подавляющая часть фронтовиков-коммунистов героически трудилась на заводах, фабриках, в совхозах и в колхозах на рядовых должностях. Государственные и партийные посты, в том числе и хозяйственные, были заняты людьми, находившимися в годы войны в тылу. По традициям подбора кадров высшая и средняя партгосбюрократия была сплоченной и в свои ряды свежие кадры принимала без особой охоты. Политика государства и общества определялась высшими партийными бюрократами и повлиять на нее было трудно. Известно также, что XIX съезд партии был проведен лишь в 1952 г.

Самые молодые из фронтовиков — бывшие студенты и единичные десятиклассники пошли учиться в институты, привлекались к работе в райкомах партии и в комсомоле. Но значительная их часть была направлена на педагогическую и научно-исследовательскую работу. Из этой среды вышли преподавательские кадры, научные сотрудники НИИ и Академий.

Многие фронтовики понимали, что начиная с 70-х гг. в стране усилились негативные явления, породившие деформации в развитии экономики, политики, социальной и духовной сфер. Были и такие, кто пытался искать пути изменения сложившейся ситуации, но они лишь сталкивались с партийной бюрократией, стой-

ко оберегавшей устоявшиеся порядки. Мне и самому часто казалось, что если бы встали из могил павшие в боях и посмотрели на нашу жизнь, на массовую апатию, пьянство, бесхозяйственность, бракоделие, — чтобы они могли сказать нам, оставшимся в живых и так плохо распорядившихся победой, доставшейся такой большой кровью? А было у нас лишь одно оправдание: в дни мира проявить храбрость в сражениях с хорошо организованной бюрократией, «перелицованными коммунистами и будущими демократами», «прорабами перестройки» куда труднее, чем на войне с врагом. Там он видимый, определенный, а здесь замаскировался под личину руководителя, действующего от «имени народа» и облеченного властью.

Что это не оправдание, а реальность отношений — посмотрите на сегодняшние порядки: обобрали вкладчиков в сберкассы и кричат об успехах демократии и становлении правового государства, уничтожают в Чечне сотни людей, мирных жителей, а толкуют, что борются с бандформированиями, вооруженными нашим же оружием, которого хватит не на одну дивизию. Вымирает население, а говорят, что в этом виноваты 60-е годы. Да от кого же будут дети, если значительная часть мужчин, способных стать отцами, спивается, а прокормить семью 80% населения вряд ли сможет?

Так у кого спрашивать, что делать? Бывшие фронтовики с надеждой обращаются к тем, кто в здравом уме и от позиции которых зависят судьбы Родины и наших внуков, — не дайте себя обмануть проводимой приватизацией по-Чубайсу, сказками «о равенстве в богатстве», добром «работодателе», «Западе, который нам поможет», грядущем благоденствии при «настоящей демократии» и т.п. Вас водят за нос, а вы верите даже не в мифы, а в элементарный обман, который применяют обычные наперсточники!

Мы не сумели разгадать обман предателей-президентов, секретарей МК КПСС и ряда членов политбюро, завербованных американской разведкой. Но где и вы при этом были? Если теперь всем ясно, что нас, как говорят, обули, так давайте исправлять положение, используя тот же опыт войны. Теперь-то нам ясно, что причина всех наших бед — это развал СССР, капитализация страны, замена коллективистских отношений при господстве коллективистских форм собственности на буржуазные, частно-собственнические, эксплуататорские, когда один жирует, а другой умирает от голода.

Война показала, что сила наших народов была в функционировании государства — Союза Советских Социалистических Республик, при наличии власти Советов на всех уровнях. Выход из нынешнего кризиса предполагает восстановление СССР, отмену Беловежских соглашений, восстановление Советов как самых демократических форм власти. Надо признать, что прежняя практика многонациональных отношений породила ряд противоречий в области экономики, политики, развития культуры, что их необходимо разрешить на путях реформирования общества, ставя во главу угла интересы трудящихся и равенство всех республик, а не амбиции националистов и казнокрадов, желающих стать новыми господами, а не товарищами.

Самосознание некоторых народов померкло во хмелю мнимых суверенитетов, что отражает сложный характер их проявления в современную эпоху. Опыт истории показывает, что политическая самостоятельность может утвердиться лишь на основе полной экономической самостоятельности того или иного этнического региона. Это означает, что закон пропорционального распределения труда должен действовать не только в пределах государства, но и в отдельных экономических районах. В условиях же развития России и СССР республики были интегрированы в общую систему хозяйства, а политика образования отдельных экономических районов не получила развития. Поэтому суверенитет Украины, Белоруссии, Казахстана и других бывших республик СССР может осуществляться не в результате полного отгораживания их от РФ, а при их экономическом и политическом сотрудничестве с нею. Вместе с тем надо четко определить социально-политическую ориентацию развития всех республик. Ориентир на капитализацию дает капиталистический путь интергации со всеми вытекающими последствиями, а социалистическая ориентация предполагает углубление братского сотрудничества и взаимопомощи, широкого развития и углубления нового типа интеграции. Каждая республика вправе решать свои национальные проблемы во всех сферах социальной жизни, учитывая интерес братских народов, их союза и его защиты. «Чистого» суверенитета нет и в капиталистическом «содружестве»: общий рынок накладывает определенные ограничения на основные виды экономической и политической деятельности.

В заключение обратим внимание читателя на проблему соотношения интернационализма и патриотизма, в решение которой Великая Отечественная война внесла свой основной вклад. Во-первых, было доказано, что патриотизм не исключает интернационализма, как и наоборот. Патриотизм в любых условиях означает защиту своего отечества — своего народа, его образа жизни и традиций, а также земли, где живет этот народ. «Народ с землей» — понятие И. Шафаревича довольно емкое, работающее. Народ без земли должен свои интересы соразмерять с интересами коренной национальности. Может быть и двойное гражданство.

Во-вторых, пролетарский интернационализм есть тип политического сотрудничества трудящихся ряда стран. Интернационализм вместе с тем не означает отказ от национальных интересов, которые всегда существуют. Интернационализм выражает общие интересы ряда народов, их стремление во взаимодействии бороться со своим классовым противником.

История СССР продемонстрировала пример единства интернационализма и патриотизма на уровне одного государства. Русские, украинцы, белоруссы, казахи, узбеки, татары и др. народы проявили пример такого единства — защищая СССР, они защитили Россию, Украину, Белоруссию, Казахстан и т.д. Пока существуют этносы, патриотизм смыкается с государственностью, но он не должен перерасти в национализм, групповой эгоизм, самоизоляцию. Именно реформирование РФ по модели демократии, т.е. капитализации страны, порождает уродливые формы националистических режимов в республиках Прибалтики, в Чечне.

Толкование интернационализма в духе космополитизма и отрицания патриотизма — это путь защиты интересов транснационального капитала. Эта концепция игнорирует реалии жизни — естественные формы существования этносов. Единство человечества всегда будет проявляться в многообразии народов, каждый из которых будет требовать равноправия. Старшим из них будет признан тот, кто своими достижениями в труде, науке и культуре доказал на это право. Вклад русского народа в достижения победы в Великой Отечественной войне не умаляет вклада и тех, кто своим потом и кровью оплатил Победу. Но русской крови там реки.

---

¹ Суворов В. Ледокол. М., 1993 г. Изд. Дом «Новое время». С. 351.

Хочу высказать свою точку зрения по поводу выхода в свет книги В.Суворова (В.Б.Резуна) «Ледокол» (с подзаголовком — «Кто начал вторую мировую войну?»¹). Ее появление массовым тиражом наводит на мысль, что в России довольно много антипатриотов, сидящих у государственных кормушек и торгующих не только собственностью, принадлежащей всему народу, но и честью нашей страны, ее героической историей.

Причем именно эти деятели заинтересованы в идеологической дезориентации самого массового читателя — молодежи, воспитания ее в духе антисоветизма и антикоммунизма.

Беглый разведчик, сам себя называющий «предателем и изменником», что вполне соответствует действительности, предательство по отношению к своей стране совершил дважды: во-первых, нарушив присягу, перейдя на сторону иностранного государства и выдав ему государственные секреты, и, во-вторых, состряпав вместе со своими новыми хозяевами антисоветскую ложь, даже оскорбив лучшие чувства своего собственного отца-ветерана Великой Отечественной войны, ставшего отцом предателя. И все это было сделано для того, чтобы подыграть антипатриотическим силам, задавшимся целью под видом перестройки и реформ без боя сдать «мировому сообществу» своих соотечественников, просторы и недра Второй Сверхдержавы.

Напомню читателю, что в своей книге В.Резун пытается доказать, что будто бы Вторую мировую войну развязал не мировой империализм с его главной ударной силой — фашистской Германией, а Советский Союз, его партийные и государственные руководители и лично И.В.Сталин. Что же касается политики фашистской Германии и ее фюрера А.Гитлера, то, согласно взглядам новоявленного историка, правители этой страны перехитрили И.Сталина, знали его «коварные» планы, сорвали их, а потом осуществили превентивную войну против СССР.

Весь пафос так называемого исследования направлен на то, чтобы доказать, что Советский Союз готовился к войне с Германией, был готов к тому, чтобы на нее напасть, когда та увязла в войне против Франции и Англии.

В.Резун понимает, что он вступил в спор со всей исторической наукой XX в., с официальными позициями государств, воевавших с гитлеровцами. Его же зарубежные вдохновители с восторгом восклицают: «Советские товарищи и их западные друзья

будут в дикой ярости. Без боя они не отдадут последнее «белое пятно» в их истории. Не слушайте их, читайте «Ледокол». Это честная книга» («Ди Вельт», 23 марта 1989 г.).

На чем же основывается точка зрения «профессионального разведчика»? «Мой главный источник — открытые советские публикации. Даже этого вполне достаточно, чтобы поставить советских коммунистов к стене позора и посадить их на скамью подсудимых рядом с германскими фашистами, а то и впереди» (С. 13-14).

В.Резун собрал высказывания многих военачальников из опубликованных ими мемуаров, в которых они рассказывают о своей работе в предвоенный период. Эти действия командиров Красной Армии основывались на распоряжениях и приказах высших командиров, в том числе наркома обороны, Генерального штаба Красной Армии. Этими приказами предписывались передислокации воинских частей, их перевооружение. осуществление боевой подготовки.

Но кто же из командиров Красной Армии и Военно-морского флота не знает, что такие распоряжения и приказы реализуют положения принятой в государстве военной доктрины и конкретизируются в мобилизационных планах каждого воинского подразделения? Военные-то знают, а вот этого не знает молодежь как в нашей, так и в других странах мира. Рассчитана же книга на молодежь, которой пытаются внушить мысль, что главное зло мира — это коммунистическая система.

Вся конкретика фактов, приводимых автором в своей книге, вплоть до назначенной на 21 июня 1941 г. командировки Д.И.Ортенберга, известного читателю как главного редактора газеты «Красная звезда», в г.Минск, укладывается в эту систему объяснения предвоенных событий. В данной статье нет необходимости конкретизировать приводимые В.Резуном в его книге цитаты из различных мемуаров.

И сейчас в генеральных штабах армии многих стран мира имеются мобилизационные планы на случай нападения противника, как и планы осуществления общей военной доктрины, которые вряд ли кто отважится именовать планами преднамеренно готовящегося нападения на потенциального противника.

План «БАРБАРОССА», разработанный в гитлеровском генштабе, по которому была точно расписана вся война против СССР — это не то же самое, что планы Генштаба Красной Армии по передислокации воинских частей на западные границы страны в связи с вхождением в состав СССР Западной Украины,

Западной Белоруссии, прибалтийских республик. Да и Международный военный трибунал, проводившийся в Нюрнберге с 20.XI.1945 г. — по I.X.1946 г., привлек к ответственности высших военных и государственных деятелей фашистской Германии за совершенные ими преступления против человечества, в том числе и за агрессию.

Выход в свет миллионным тиражом гнусного пасквиля против советского народа, спасшего от гитлеризма человечество, — это преступление не только предателя, справедливо приговоренного к расстрелу, но и тех, кто дал добро на распространение мерзопакостных рассуждений, наносящих вред нашей Родине.

СЛУЖИТЬ РОССИИ

Осенью 1942 года я оказался под Сеньявиным (Волховский фронт). Здесь пробивали блокаду Ленинграда, прорвали узкий участок и продвинулись на несколько километров; в прорыв должна была войти 19-ая гвардейская дивизия, в одном из полков которой я оказался. Командовать стрелковым взводом, правда, мне не пришлось: накануне был убит полковой переводчик, и меня назначали на его место.

Мой шеф — помощник начальника штаба по разведке (ПНШ-2) Воробьев отвел меня в свою землянку, накормил и велел спать: ночью пойдем на передовую. В час разбудил и мы пошли с другими офицерами: командный пункт полка перешел в район прорыва. Шли медленно и долго сначала по лесу, потом лесом, в конце концов попали под обстрел. Мины задевали за верхушки деревьев, рвались в воздухе. Я не успел испугаться, как почувствовал удар в левое плечо. «Э, да ты ранен, — сказал Воробьев, разрезая ножом гимнастерку, и стал перевязывать. — «Ерунда, мягкие ткани». Только он закончил свое дело, как его тоже задел осколок — в правую руку; теперь я перевязал его. К нам подошел начальник штаба и приказал как раненым легко отнести на перевязочный пункт полкового инженера, получившего тяжелое ранение. Мы подняли майора и потащили его в тыл. Когда выходили из лесу, трассирующие пули вражеских автоматчиков били по дороге с обеих сторон. «Если сейчас не обеспечат фланги, попадем в окружение», — сказал Воробьев.

На перевязочном пункте мы сдали майора докторам. Фельдшер сменил нам повязки, и мы забрались в стог сена.

«Вы чего здесь разлеглись?» — раздался резкий голос. Перед нами стоял затянутый, в чистой шинели капитан. Воробьев поднял перевязанную руку.

— А ты не «эсэсовец»?

— Ты меня знаешь, Слесарев, я и левой могу тебе фотографию испортить. Как только стемнеет, мы пойдем назад.

— Никуда вы не пойдете. Кольцо замкнулось. Наши отрезаны. А вы, Гулыга, зайдите потом ко мне в блиндаж, он рядом с медиками.

— Кто это? — спросил я, когда капитан отошел.

— Слесарев, особист, сволочь порядочная, всюду дезертиров и самострельщиков («эсэс») ищет. Ты к нему не спеши, вербовать или просвечивать станет, все равно дальше передовой не пошлют.

Я действительно не спешил в Особый отдел (он назывался также «Смерш» — «Смерть шпионам»). Пришел около полуночи и был радушно встречен.

— Садитесь, Гулыга. Скажите, Владимир Иванович — ваш отец?

— Да.

— Вы знаете его судьбу?

— В 1927 году он развелся с моей матерью и что было потом, я не знаю, — ответил я стандартно, заученной фразой.

— А то, что его посадили?

— Мы перестали получать деньги и догадались, что произошло.

— А кто посадил?

— Не знаю.

— Я вам все расскажу. Он был в Норильске, работал почти по специальности. Умер в начале сорокового года. Несчастный случай на производстве. Замечательный человек был ваш отец, железной воли; я был в охране, а он мной командовал, заставлял учиться. Тем, что у меня на петлицах кубики, я обязан ему. Жаль, что вы так поздно: мне сейчас срочно в штаб дивизии нужно. Приходите завтра утром, расскажу подробнее.

Слесарев посмотрел на часы, встал, пропустил меня вперед, вышел из блиндажа.

Я пошел к Воробьеву. Тот уже спал, зарывшись в сено и накрывшись где-то раздобытой шинелью. Я лег рядом. Ночь была теплая, тихая: немцы вели огонь по окруженной группировке, в нашу сторону почти не стреляли. Я быстро заснул, а проснулся на рассвете вместе с Воробьевым от холода.

— Пошли греться к медикам, — предложил он. Вместо блиндажа особистов чернела огромная воронка.

Навстречу нам вышел санинструктор:
– «Смерш» накрылся. За всю ночь единственный снаряд, и –
прямое попадание, Слесарева на куски разорвало.
Так я и не узнал ничего о последних днях моего отца.

* * *

В январе 1943 года меня ранило более основательно, я про-
вел три месяца в госпитале. Осколочное ранение левой стопы с
повреждением кости. Операцию делали в медсанбате наспех, и
один осколок остался неизвлеченным. Ходить он мне не мешал,
и меня выписали из госпиталя с незажившей раной (свищом);
сказали, что это пройдет быстрее, чем я доберусь до фронта и
снабдили рентгеновским снимком, на котором отчетливо был
виден осколок.

Когда окончилась война с Германией, нашу армию отправи-
ли на Дальний Восток, в Монголию. Мне дали три месяца на
изучение китайского языка. Я разыскал переводчика армии, всю
войну стоявшей в Монголии, окончившего Институт восточных
языков, и он мне сказал, что после семи лет обучения китайско-
му языку, он не уверен, что сможет допросить пленного. Перед
началом войны с Японией нас, знающих немецкий язык, заме-
нили востоковедами и отправили в Москву для прохождения
службы в Германии. Отпусков в то время в армии не полагалось,
а мне, естественно, хотелось побыть дома с женой и сестрой.

Тут-то я и вспомнил об осколке, пошел в гарнизонную по-
ликлинику, сказал, что мне трудно ходить и показал рентгено-
вский снимок. Меня уложили в госпиталь и стали долбить кость.
На это ушел месяц, еще один месяц я получил для долечивания.
Я решил использовать эту передышку для получения диплома.
Согласно решению правительства, все, закончившие четвертый
курс, имели право сдать государственные экзамены и получить
диплом о высшем образовании. Времени для серьезной подго-
товки не было, но я решил рискнуть. Пришел на экзамен, опи-
раясь на палочку, с двумя боевыми орденами и желтой полоской
на гимнастерке – знаком тяжелого ранения. На экзамене мне
достался вопрос о Гегеле. Я ответил уверенно, что он был идеа-
листом, добавил еще кое-что и вскоре умолк. Даже для того вре-
мени этого было мало. Экзаменатор не стал ко мне приставать.
Получив от меня заверение в том, что я никогда больше филосо-

фией заниматься не буду, он сказал: «Хорошо!» и поставил «отлично». Дипломированным философом я поехал в Германию с твердым намерением продолжить там свое образование.

* * *

Прошло тридцать пять лет после окончания войны. Однажды у меня зазвонил телефон: «С вами будет говорить Калинин», — сказала телефонистка. Я понимал, что речь идет о городе (так определенное время называлась Тверь) и старался сообразить, кому я там мог понадобиться. После обмена приветствиями незнакомый голос представился:

— Говорит Михаил Семенович Подгурский. Вам мое имя что-нибудь говорит?

— К сожалению, нет.

— Вы меня не помните?

— Увы, нет.

— Это Вы написали слова к походному маршу 19-ой гвардейской стрелковой дивизии?

...Комиссар спросил меня: «Ты пишешь стихи?». — «Нет». Я стихов не писал. «Даже в школе?», — допытывался комиссар. — «Только эпиграммы на учителей». — «Этого достаточно, Пушкина нам все равно не найти». Комиссар по любому поводу вспоминал Пушкина. В пехотном училище в Катта-Кургане мы призывали к другому. К окрикам старшины: «Как стоишь? Подтяни живот, это тебе не в университете, здесь думать нужно!». К команде: «Хазы!», которую подавал замкомроты, когда ему казалось, что мы плохо держим шаг; по этой команде приходилось надевать противогаз и маршировать дальше по катта-курганской жаре с липким резиновым компрессом на лице. А тут вдруг — Пушкин. Когда мы прибыли на Волховский фронт, комиссар Хаджинов ознакомил нас с боевой задачей: идем на прорыв блокады Ленинграда, и вдруг прокричал из «Медного всадника»:

Красуйся град Петров и стой

Неколебимо, как Россия.

Батальонный комиссар Пантелей Михайлович Хаджинов был высокообразованным человеком, до войны он работал в издательстве, которое ныне называется «Наука». Пушкинские стихи он вспоминал по любому поводу и старался бойцам привить любовь к Пушкину. Любимой присказкой комиссара была пуш-

кинская строка: «Пуля легче лихорадки». Вне строя он командовал: «Равнение на Пушкина!». Комиссар задумал дать полку походную песню и безуспешно искал автора (В бумагах комиссара Хаджинова значилось, что он по национальности грек. По этой причине его убрали с передовой и назначали политработником в тыл. Тем самым спасли ему жизнь — его преемник погиб под Великими Луками, — но она оказалась тяжелой. Вскоре после войны его разбил паралич, я навестил Хаджинова в Москве, он лежал в постели, не мог говорить — все это было следствием контузии, полученной на фронте).

В поход на Великие Луки зимой 1942 года мы пошли без песни. Шли по ночам в валенках по снегу, растянувшись длинной вереницей, 300 километров — от Селижарова (где формировались) до Великих Лук. Здесь меня ранило. В госпитале я сочинил слова песни, которую хотел иметь Хаджинов. Но я не знал, что их положили на музыку, что возник марш...

...Я признался Подгурскому в авторстве (добавив, что не помню как следует текста). Он признался в соавторстве: он сочинил музыку. И песню пели на фронте, пели после войны и теперь поют, когда встречаются ветераны. А меня он разыскивал много лет.

Подгурский рассказывает в своих воспоминаниях: «Происходило это так. В конце лета 1943 года 39-ая армия, в составе которой была и наша 19-ая гвардейская стрелковая дивизия, прорвала сильно укрепленную оборону гитлеровцев на реке Царевич и, ведя тяжелые наступательные бои, продвигалась на Запад. В ночь на 29 сентября наша дивизия в тесном взаимодействии с 17-ой гвардейской дивизией освободила город Рудню, превращенный фашистами в сильнейший узел обороны, закрывавший Советской армии путь в Белоруссию.

В Рудне мы не задержались, а взламывая оборону противника, вступили на белорусскую землю и остановились только на подступах к Витебску. Там наступила передышка. Некоторые части вели разведку боем, нащупывая главные узлы сопротивления и систему обороны фашистских войск. Дивизия, получив наименование «Руднянской», отдыхала, пополняла свой состав и готовилась к грядущим боям.

Как-то ко мне в блиндаж зашел старший лейтенант из полтотдела дивизии по фамилии Гулыга. Он часто печатал свои стихи и заметки в дивизионных и армейских газетах. Арсений Владимирович предложил мне написать песню о боевом пути нашей

Девятнадцатой. Стихи он уже написал, а мне предстояло написать музыку. Командир дивизии полковник Цукерев, поддержавший эту идею, дал распоряжение разведчикам обеспечить меня трофейным аккордеоном. И вот в землянке под Витебском в феврале 1944 года родился «Марш руднянцев». Первое прослушивание новой песни состоялось в землянке начальника клуба дивизии гвардии капитана Першина».

Я этого не помню. Но фамилия Першина кое-что проясняет: возможно, я передал начальнику клуба слова песни, а он нашел композитора. А, может быть, прав Подгурский, и все было, как он рассказывает. Так или иначе, но гвардейский марш возник, звучал на полях Белоруссии и Пруссии. И на сопках Маньчжурии: дивизия принимала участие и в войне с Японией. Ее полное наименование гласит: 19-ая гвардейская Руднянско-Хинганская ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия. Подгурскому я бесконечно благодарен, что он свел меня с моей молодостью. И с фронтовыми товарищами.

Встреча состоялась в 28-ой средней школе, что в Москве на Красной Пресне. Повод – десятилетний юбилей школьного поискового отряда, который собирает сведения о ветеранах 19-ой гвардейской, материалы о ее боевых делах. Бог мой, кого я вижу! Володя Государенко, бывший студент ИФЛИ, боевой офицер 54-го стрелкового полка. Помнишь, Володя, мы спали на снегу, положили на лапник мою шинель и накрывшись твоей?

А вот Вяземский, начальник штаба дивизии. Я помню его полковником, стройным, черноволосым, с усиками. Сейчас он – убеленный сединами генерал. Из его рук я получил гвардейский знак, меня ранило, когда мы выполняли его приказ.

...4 января 1943 года. Под Новый год Михаил Иванович Калинин поздравил страну с освобождением Великих Лук. Но в городе еще идет бой, немцы пытаются прорваться к осажденному гарнизону. Наша дивизия – на внешней стороне кольца. Утро начинается с немецкой артподготовки. Потом – немецкая атака. Командир полка и комиссар выбыли из строя. Полком командует начальник штаба Дмитриев. Собственно, чем он командует? Кучка штабных офицеров и солдат жметя к железнодорожной насыпи. Дальше отходить нельзя: по ту сторону насыпи – уже штаб дивизии. Вяземский приказывает вернуться в первоначальное наше расположение – Печище (немцы там не закрепились, прошли стороной, к городу) и выяснить обстановку в батальоне (в полку остался один батальон, связь с ним была потеряна).

Дмитриев посылает в батальон меня. Дает сержанта и трех солдат. С утра падал снег, а тут настоящий буран. Ушли мы недалеко и попали под минометный огонь. Откуда стреляют, не видно: кругом белым-бело. Мины мелкие, рвутся, как ручные гранаты. Разрыв, черное пятно на снегу и сразу его заносит. Сержант увидел блиндаж, вернее, щель, прикрытую хворостом, и прыгнул туда первым. Я – за ним, за мной – остальные. Тут нас и накрыло. Разрыв над самой головой, сильный удар по ноге, отвратительный запах сгоревшей взрывчатки. Тишина. Сержант спрашивает: «Кто живой?» Я говорю: «Я, меня только палкой по ноге ударило». Рядом мычит контуженный. Два крайних – убиты. Мы выбрались из блиндажа, пробежали несколько шагов и упали в снег в ложинке. В валенке у меня тепло и мокро, дальше идти не могу: меня не ударило, а ранило. У сержанта был индивидуальный пакет, и он меня перевязал. Лежим на снегу. Вдруг вкатываются к нам двое – связные из батальона, ищут штаб полка. Сержант повел их к Дмитрию. А мы с контуженым заковыляли к железной дороге, там был полковой перевязочный пункт...

...Нас приглашают в зал. Начинается торжественная часть. Вносят пионерское знамя и знамя Девятнадцатой дивизии. Приветствия, речи, награды, подарки. В заключение звучит гвардейский марш. Поют школьники, поют ветераны.

Идем, руднянцы, мы сплоченными рядами.
Нас ждут суровые сраженья впереди.
Несем дивизии прославленное знамя
И знаки «Гвардия» у смелых на груди.
И врагу никогда
Не вернуться туда,
Где ступала гвардейца нога.
В сердце месть затая,
Девятнадцатая
Била и бьет врага.
Прошли мы Волхов и дрались под Ленинградом,
Прорыв к Синявину есть дело наших рук.
В разрывах бомб и мин, под пулеметным градом
Мы немцев гнали прочь от стен Великих Лук.
Мы не забудем никогда реку Царевич,
Тот нескончаемый кровопролитный бой,
Когда в атаке смертью храбрых пал Киреев
И взвился красный флаг над Руднею родной.

Я впервые слышу эту песню. Текст неказист, но он мой, я узнаю его. Сомнения вызывает только третий куплет. Не то, чтобы я забыл реку Царевич, не помнил Киреева, командира 61-го полка; он сменил убитого под Великими Луками Токмакова, сам героически погиб на пути к Рудне (посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза), на его место был назначен Трушин, убитый в Восточной Пруссии (тоже посмертно Герой Советского Союза). Просто мне кажется, что первоначально третий куплет выглядел иначе. Зато вдруг в памяти встает куплет четвертый, которого не знает Подгурский:

Салют гремит в Москве, — подыдем выше знамя,
Сражайся яростней гвардеец-исполнин.
А Белоруссия уже лежит за нами,
Вперед на Пруссию и дальше на Берлин!

До Берлина мы не дошли. Война для нас закончилась под Кенигсбергом.

В конце войны

Война закончилась для меня в ночь на 14 апреля 1945 года. Немецкий антифашист ефрейтор Круммель и я, капитан Советской армии, стояли на центральной площади городка Фишгаузен (севернее Кенигсберга). Улицы были пусты. Передовые части ушли дальше к Пилау, а тылы не подтянулись; населения пряталось по подвалам, может быть, его здесь и вовсе не было. Город горел.

Помню немецкую самоходку, уткнувшуюся пушкой в магазинную витрину. Помню раненую лошадь, ноги которой застряли в канализационном колодце. Делать здесь нам было нечего. Я показал Круммелю в ту сторону, откуда мы пришли. Он схватил меня за руку:

— Геноссе капитан, немцы!

Навстречу нам из дыма и пламени выполз танк. Мы бросились в дверь магазина, витрину которого раздавила подбитая самоходка и легли на пол. Обгоняя его, пронеслись два бронетранспортера, ехали машины и повозки, бежали солдаты. Все это двигалось в сторону моря: остатки разбитой армии пытались уйти от плена. Мы слышали топот сапог, крики, ругань.

Когда шум снаружи смолк, мы вышли из укрытия. Быстрым шагом проулками и задворками выбрались на окраину. Начинало светать. Мы прошли еще несколько километров. Здесь было уже совсем тихо. Вошли в одинокий дом у дороги, нашли там наших связистов, легли на пол и заснули.

* * *

Мы не виделись тридцать лет. Я бывал в ГДР, но трудно найти человека, когда известна только фамилия и ты не знаешь ни его имени, ни где он работает, ни когда он родился. Круммель, как потом выяснилось, бывал в нашей стране, но он не помнил даже моей фамилии. На этот раз я заранее обратился за помощью в Союз писателей ГДР.

Не стану рассказывать о перипетиях поисков. Были они не просты. НО... «Ищите, да обрящете». И вот мы сидим вместе и не узнаем друг друга: время сделало свое дело. Выручают фотографии тех лет и общность воспоминаний.

Круммель попал в плен, точнее, перешел на сторону Красной армии, еще точнее, переехал вместе со штабной машиной, которую обслуживал, в самом начале войны. Ранее политически нейтральный, бездумно проделавший почти бескровную кампанию во Франции, он впервые задумался о судьбе своего народа, когда Гитлер напал на СССР. Он понимал, что в этой войне поражение Германии неизбежно. В плену он стал антифашистом. Участвовал в создании Национального комитета «Свободная Германия» и вошел в его состав. Вскоре его послали уполномоченным на Северо-Западный фронт. Ходил в немецкий тыл к партизанам, разбрасывал листовки Национального комитета, вел на переднем крае передачи для немецких солдат через громкоговорящую установку. Когда была создана антифашистская школа 1-го Прибалтийского фронта, стал одним из ее немецких преподавателей. Школу укомплектовали сравнительно новыми военнопленными, изъявившими желание активно участвовать в борьбе с гитлеризмом. У каждого за плечами были многие месяцы войны, поэтому в боевой подготовке они не нуждались. Главное внимание уделялось политическому образованию.

Дело было под Кенигсбергом. Наши войска готовились к штурму осажденного города. Под покровом темноты сосредоточивались невиданные массы боевой техники. Днем все это мас-

кировалось в лесах, и только разбитое вдрызг шоссе, на котором не осталось ни кусочка асфальта, свидетельствовало о том, что происходит здесь по ночам. Немцы знали, что их ждет, и укрепляли оборону; возникали новые минные поля, противотанковые заграждения, ряды проволоки. Нашим разведчикам все труднее становилось приводить «языков».

В этих условиях и было решено на участке 39-ой армии использовать немецких антифашистов. Боевое задание гласило: активными действиями спасти жизнь возможно большему числу немецких солдат, в случае необходимости применить оружие. Командиром отряда был назначен ефрейтор Круммель. В одну из мартовских ночей в немецкой форме с оружием в руках отряд покинул нашу передовую. Круммель шел впереди с ударной группой, за ней — два взвода. Луна спряталась в облаках, опустился туман. Время от времени посылали вперед саперов, но ни мин, ни проволоки не было. Связь с командованием поддерживали по радию. Через полтора часа стало ясно, что отряд движется по нейтральной полосе вдоль немецких и советских окопов. Приказано было вернуться назад.

Неудача не обескуражила. Было только очевидно, что Круммель в командиры не годится. Он прекрасный товарищ, политически безупречен, но командовать должен офицер. Даже если у ефрейтора в помощниках маршалы и генералы, ничего путного не получится. Командиром отряда был назначен лейтенант Альфред Петер.

В ночь на 22 марта в районе станции Гольдшмиде 58 антифашистов (вооружение — 47 автоматов, 11 винтовок, 40 ручных гранат) снова вышли в нейтральную зону. Круммель в этой операции не участвовал. Но у него сохранилось донесение Лейтенанта Петера. Оно лежит сейчас передо мной, и, сопоставляя воспоминания участников и свои собственные, я выправляю по ним неточности памяти.

А память воссоздает необычную картину: из трех «студебеккеров» выпрыгивают солдаты в касках и обмундировании вермахта. Рослые парни с немецкими автоматами и немецкими гранатами, и это не бутафория, а до переднего края рукой подать. Но дело происходит в конце войны, не под Москвой, а под Кенигсбергом. Это понимают и наши разведчики, рядом с которыми я стою, они в курсе дела, держатся спокойно, хотя и настороженно. Петер негромко подает команду и выстраивает антифашистов.

Дальше его рассказ. Отряд двигался в следующем порядке: впереди два сапера, затем группа прорыва под командованием фельдфебеля Борнмана, командир роты со связными и за ним два взвода. Винтовочный и пулеметный огонь, осветительные ракеты заставляли двигаться крайне медленно и на узком участке. Русский разведчик вывел антифашистов за линию боевого охранения, показал, где находятся немецкие огневые точки. «Легавшее перед нами темное поле, — пишет Петер, — давало прекрасные возможности для сближения. Двигаясь змейкой, сюда быстро подтянулись оба взвода. В 300 метрах от нас виден был отдельно стоящий дом. Я отдал приказ командиру ударной группы фельдфебелю Борнману использовать этот дом в качестве ориентира для дальнейшего продвижения. Прошло примерно час — полтора, пока Борнман со своей группой достиг передовых позиций. Находясь примерно в 20 м от немецких окопов, Борнман принял решение обнаружить себя». По его распоряжению находившийся впереди сапер крикнул три раза:

— Эй, часовые!

Наконец, раздался ответ:

— Да, в чем дело?

Тогда группа Борнмана поднялась с земли. Заговорили громко и наперебой:

— Слава Богу, вышли к своим!

— Ребята, не стреляйте!

— Где тут у вас проход?

Проход показали, и антифашисты спустились в окоп. Перед ними был пулеметный расчет — унтер-офицер и два солдата.

— Кто вы такие? Откуда? — спросил унтер-офицер.

— Возвращаемся из глубокой разведки и заблудились к чертям. Нам нужно к майору Нахт из боевой группы Финкеля, — ответил Борнман. — Какой сегодня пароль?

Пулеметчики пароля не знали. Борнман попросил закурить. Его и несколько человек проводили в блиндаж унтер-офицер и один из солдат. Там хозяев блиндажа обезоружили. Когда Борнман вышел наружу, второй солдат, остававшийся у пулемета был также обезоружен. Борнман не медля отправил связного к Петеру с донесением об успехе.

«Получив донесение, — пишет Петер, — я понял, что наступил подходящий момент для того, чтобы ввести в немецкие позиции оба взвода. Боевая задача и способ ее осуществления были известны всем участникам операции. Первый взвод под коман-

дованием унтер-офицера Кунце должен был, войдя в образовавшуюся брешь, двигаться направо, насколько возможно с учетом конкретной ситуации. Второй взвод под командованием унтер-офицера Лау имел аналогичную задачу в левом направлении. Кроме того, каждому взводу надлежало выделить по одному отделению для обеспечения флангов продвигающейся вперед группы Борнмана. После того как оба взвода вошли в прорыв, группа Борнмана двинулась в сопровождении пленного пулеметчика к командному пункту роты».

Наступило решающее мгновение. Унтер-офицер Штробель и оберфельдфебель Майснер с автоматами наперевес вошли в блиндаж командира роты обер-лейтенанта Грюнвальда. За столом сидели два солдата, на нарах лежали еще пять человек. Штробель был известен своим бесстрашием и немногословием. Он приветствовал сидевших возгласом «Хайль» и умолк. Дальнейшие переговоры вел Майснер, выполнявший в ударной группе политические функции.

С нар поднялся командир роты и взволнованно спросил:

— В чем дело? Что вам здесь нужно?

— Господин обер-лейтенант, мы военнопленные, участники движения «Свободная Германия». Мы пришли сюда, чтобы спасти вашу жизнь и жизнь ваших людей.

— Каким образом? Что вы хотите с нами сделать?

— Отвести вас к русским. Война проиграна. Мы хотим прекратить кровопролитие.

— И направляете на меня автомат?

— Другого способа нет.

Обер-лейтенант Грюнвальд стоял, опустив голову и засунув руки в карманы. В блиндаж вошел Борнман. Штробель разбудил спящих и поставил их у двери. Внезапно зазвонил телефон. Грюнвальд взял трубку, на него уставились два автомата.

— Так точно, я отправил их в три ноль-ноль.

Трубка легла на место.

Майснер: Господин обер-лейтенант, на каком расстоянии находится командный пункт батальона? Сколько там человек?

Грюнвальд: Метров 500-600. Число людей обычное.

Майснер: Вы не могли бы позвонить командиру батальона и вызвать его сюда? Он придет?

Грюнвальд: Я думаю, что придет. Позвонить ему?

В это время Борнману доложили, что сбегал один из обзороженных часовых. Борнман дал приказ к отступлению. Из блиндажа вынесли боевые трофеи — автоматы, карабины, гранаты, полевую сумку обер-лейтенанта, его бинокль, схемы позиций, секретные приказы... Был еще один трофей, не упомянутый в донесении Петера (здесь уже память дополняет документ), — плоские настольные часы. Война есть война. Штробель сунул их в карман шинели, покидая блиндаж. Я знаю об этом потому, что потом он подарил их мне. Долгие годы после войны они стояли у меня на письменном столе, напоминая об отчаянном парне из окрестностей Вены, которому не довелось дожить до конца войны...

Вверх поднялись две зеленые ракеты. Это означало: задание выполнен, начал отход. При свете увидели, что в тыл убегает немецкий солдат, его окликнули, он не остановился, его застрелили. Наткнулись на фельдфебеля, который сначала оказал сопротивление, а затем с криком бросился бежать. По нему также открыли огонь. Воспользовавшись суматохой, обер-лейтенант Грюнвальд скрылся. Оба взвода успешно выполнили свою задачу, продвинувшись метров на 400 каждый в свою сторону. Были взяты пленные и трофеи. Первым вернулся Кунце. Петер начал общий отход, оставив до возвращения Лау и Борнмана в месте прорыва четырех человек во главе с ефрейтором Клайном. На Клайне была форма фельдфебеля, и это сыграло решающую роль в том, что произошло далее.

Многие из участников этой операции занимали крупные военные и гражданские посты в ГДР. Найти Клайна не представляло труда: в семидесятые годы он был заместителем министра культуры. Я работал тогда над статьей «Искусство без морали», и мне нужно было увидеть нацистскую кинохронику. Клайн направил меня в фильмархив, а вечером в гостинице мы предались воспоминаниям. Клайн начал войну штурманом пикирующего бомбардировщика «Ю-88». В декабре 1941 года их сбили. Пилоту удалось посадить самолет; увидев подбегающих русских, он застрелился. Клайн хотел последовать его примеру, но, к счастью, его опередил меткий выстрел русского офицера. Пуля попала в правую руку, пистолет упал. Через полтора года Клайн этой рукой подписал коллективное заявление ста немецких военнопленных, просивших советское командование отправить их на фронт для борьбы с фашизмом. Клайн прекрасно помнит операцию Петера и рассказал мне самые интересные детали.

Едва Клайн с тремя антифашистами занял указанную ему позицию, как увидел, что к нему приближается немецкое подразделение. Он решил перехватить инициативу и крикнул:

– Стой, кто идет? Пароль!?

Вперед вышел унтер-офицер и сказал что-то, что Клайн не расслышал. В свою очередь задал вопрос: – Где командир взвода?

Клайн ответил, что он и есть командир взвода. Унтер-офицер подошел ближе и представился:

– Унтер-офицер Кнооп из саперной роты. Мы должны здесь работать.

Клайн пожал ему руку и представился в свою очередь:

– Фельдфебель Клайн из Национального комитета «Свободная Германия».

– Какая Германия?

– Свободная.

– Вы что, оттуда? – Кнооп показал в сторону русских позиций.

– Именно. Неужели вам не надоела война?

– Бог мой, конечно, но...

– Никаких «но»!

Продолжая правой рукой держать руку унтер-офицера Клайн левой выхватил из его кобуры пистолет. Шесть оторопевших солдат молча наблюдали за происходящим. Клайн каждому из них пожал руку и у каждого отобрал оружие. Его фельдфебельские погоны действовали гипнотически. Были, конечно, и три винтовки, направленные на саперов. Но главную роль, считает Клайн, все же сыграли погоны старшего по воинскому чину.

Вскоре подошел второй взвод и группа прорыва. Антифашисты покинули немецкие окопы. Отход прикрывали Штробель и Борнман.

Успех превзошел все ожидания: 35 пленных! И это в условиях стабильной обороны. Захвачено два пулемета, выведено из строя – три, разгромлен командный пункт роты, доставлены важные документы. Оголены позиции противника на расстоянии около километра. В его ряды внесено замешательство, посеяна подозрительность. В ходе операции было убито четыре человека. Потери антифашистов – трое легко раненых. Раньше на нас, офицеров, занимавшихся работой среди войск противника, наши товарищи смотрели с некоторой долей снисходительного пренебрежения, считали, что мы занимаемся бесполезным делом. Теперь наши акции резко поднялись. Нам издали улыбались, нас спрашивали о подробностях и дальнейших планах. Мы, разумеется, отмалчивались и отшучивались. Между тем в нашей армии создавалась по примеру фронта своя небольшая антифашистская школа. Начальником школы был назначен майор Ко-

чорадзе. Мне предстояло доставить из фронтowej школы преподавателя и трех «обстрелянных» антифашистов, участников операции Петера.

На старой, выдавшей виды полуторке я пересек Восточную Пруссию от Кенигсберга до литовской границы. За Неманом в глухой лесной деревушке Наткишки размещалась «Антифашуле». Там меня ждали. Представили мне Круммеля, который должен был вести занятия, и трех антифашистов – ядро будущей школы. Старшим стал Штробель, взявший в плен командира роты, его заместителем – Буш, как звали третьего – молоденького ефрейтора, – не помню. Антифашисты устроились в кузове, я рядом с шофером, и мы тронулись в путь.

Для армейской школы был отведен дом лесника вдали от населенных пунктов и коммуникаций. Дорогу к дому перекрыли шлагбаумом. Поставили щит с надписью: «Проезд запрещен». В доме уже хозяйничал Фомичев – нестроевой солдат. Он привез продукты и готовил завтрак. Антифашисты угостили меня трофейным кофе (из запасов обер-лейтенанта Грюнвальда). Здесь впервые я услышал подробный рассказ об их ночном поиске.

Рассказывал Буш, голубоглазый блондин, сын богатого коммерсанта. В плен он попал в январе 1943 года в Великих Луках, был радистом в штабе окруженного гарнизона, в последний день осады лег к пулемету, стрелял, пока не кончились патроны. Я спросил, что привело его в ряды движения «Свободная Германия».

– Избыток патриотизма. Гитлер поставил Германию на край пропасти. Надо спасти нацию...

Штробель помалкивал, но на прощание подарил мне настольные часы Грюнвальда. К вечеру прибыл Кочорадзе с новичками-пленными, главным образом из числа тех, что привел Петер. Школа открылась.

Занятия продолжались всего несколько дней. В апреле начался штурм Кенигсберга. В ночь перед наступлением школа получила боевое задание. Кочорадзе находился в окопе боевого охранения. Круммель пошел со всеми. Штробель повторил удавшийся однажды прием. Он подполз вплотную к немецкому пулемету и окликнул часового. Тот ответил. Приказав всем лежать, Штробель поднялся, прыгнул в окоп и начал разговаривать с пулеметчиками. До Круммеля доносились отдельные слова. затем раздались выстрелы, и по антифашистам стал бить пулемет. Два человека получили ранения. Буш скомандовал отступление.

О том, что произошло в окопе, Круммель узнал много лет спустя от одного из очевидцев. У пулемета находились два молодых солдата, только что призванных в армию. Из тех немногих слов, что произнес Штробель, им стало ясно, что есть возможность покончить с войной, и они были готовы ею воспользоваться. Но тут подошел унтер-офицер. Это был НСФО («национал-социалистишер фюрунгофицер»). Так назывались политофицеры гитлеровской армии; в конце войны функции НСФО возлагались на строевых командиров и унтер-офицеров). Он застрелил Штробеля и приказал открыть огонь...

...Наступление развивалось успешно. 9 апреля пал Кенигсберг. Бои шли на Земландском полуострове. 39-я армия приближалась к Фишгаузену. Перед антифашистской школой была поставлена задача проникнуть в расположение немецких войск. Советские разведчики должны были указать наиболее безопасный путь. Круммель помнит, как в блиндаже, только что обитом у немцев, Кочорадзе, командир разведотделения и командир антифашистов Буш, склонившись над картой, обсуждали план действий. Круммель стоял в дверях и курил. Он услышал за своей спиной резкий щелчок. Вслед за мыслью – «Взрыватель» – раздался грохот. В блиндаже взорвалась мина замедленного действия. Разведчики вынесли раненого командира, затем вышел Кочорадзе. «Перевяжите Буша», – сказал он. Буша вынесли, но он был без сознания и умирал. Кочорадзе попросил Круммеля посмотреть, что с его рукой. Она была в крови и не сгибалась. Другая рука тоже была в крови. И обе ноги. Дальше идти он не мог; разведчики понесли его к волокуше. Кочорадзе более года лежал в госпитале. Демобилизовался, защитил диссертацию о Гёте, работал директором Института иностранных языков в Тбилиси. Я навещал его, когда бывал в столице Грузии. К сожалению, он рано умер от ботулизма.

В тот день я вернулся в политотдел поздней ночью. Я возил на аэродром листовки (наши самолеты сбрасывали их вместе с бомбами). Машина, на которой я приехал к летчикам, сломалась, предстоял долгий ремонт, и я решил добираться назад на попутном транспорте. Так я оказался в Кенигсберге. Недоучившийся студент-философ я знал, что здесь похоронен Кант. И я отыскал его могилу. Среди обломков зданий, у стены полуразрушенного собора, стояло строгое надгробие с надписью: «Иммануил Кант». Рядом чья-то рука вывела мелом по-русски: «Теперь-то ты видишь, старик, что мир материален». Мне, как и

автору озорной эпитафии, было тогда невдомек, что Кант, собственно, и не отрицал материальности мира. В ту пору это было простительно...

Только я уснул, как меня разбудили: Кочорадзе тяжело ранен, мне приказано принять школу. Действовать в соответствии с обстановкой. После взятия Фишгаузена ознакомиться с положением в городе.

Штабной «виллис» доставил меня к месту назначения. По телефону я доложил о себе командиру дивизии. Генерал тут же распорядился:

— У меня тут в тылу идет стрельба. Нельзя ли послать твоих молодчиков сказать фрицам, чтобы кончали базар? Воевать осталось несколько часов. Гарантируем, мол, жизнь, питание и прочее.

Круммель вызвался вести школу, он даже раздобыл где-то немецкую солдатскую форму (обычно он носил русскую гимнастерку без погон), но я его дальше передовой не пустил. Наших восемь человек мы разбили на две группы, придали каждой пленных из только что окруженной части. Они пошли вперед, выкрикивая имена своих командиров и товарищей. Стрельба стала постепенно затихать. Задание было выполнено, но антифашисты назад не вернулись: их отправили в тыл с теми, кто сдался в плен.

Вместе с Круммелем я пошел на КП дивизии. Генерала там уже не было. Я попросил передать ему о выполнении приказа и получил в ответ, что могу «загорать». Надо было наконец выпасться. Но меня снова разбудили. Старший лейтенант, адъютант командира дивизии, сказал, что Фишгаузен взят левым соседом, дивизия повернула к северу, опять оставив в тылу окруженных немцев, и «хозяин» хочет повторить утренний эксперимент, используя для этого только что взятых пленных.

Пленных было человек двадцать. Когда я завел речь о том, что от них требуется, они наотрез отказались. Вернуться в этот ад? Ни за что на свете. Я понял, что мне их не убедить и пошел за советом к Круммелю.

— Геноссе капитан, скажите им, что с ними будет говорить немецкий офицер. Обер-лейтенант.

Я вышел на улицу, подозвал пленного унтер-офицера и приказал ему построить людей. С ними будет говорить немецкий офицер. Обер-лейтенант.

Круммель вышел, грудь колесом. Солдатские погоны он снял, а по покрою и материалу солдатская и офицерская форма в вермахте не отличались. Унтер-офицер скомандовал: «Смирно!» – строй окаменел. Круммель молча и не спеша прошел вдоль строя, останавливая взгляд на каждом, кто, по его мнению, недостаточно окаменел, и тот каменел еще больше. Прошло минуты две-три, пока он подал команду «Вольно!» Цик-цак. Четверть шага вперед, руки за спину, строй по-прежнему как струнка – так выполнялась у немцев эта команда.

Разговор Круммеля с пленными был коротким. Последовала новая команда унтер-офицера. Ряды сдвоились. Поворот направо и – шагом марш выполнять волю советского генерала.

Чем пронял их Круммель? Припоминается мне пламенная речь с аргументами «Свободной Германии»: надо спасать нацию, каждый неубитый немец – участник будущего возрождения и т.д. Круммель уверяет, что речи не было. Был приказ «обер-лейтенанта», который не мог не выполнить унтер-офицер, которому не могли не подчиниться солдаты. Устав продолжал действовать и в плену...

Дело было сделано. Мы с Круммелем направились в сторону Фишгаузена. город был пуст. Город горел. Здесь мы столкнулись с немцами, пытавшимися прорваться к осажденному Пилау. Здесь для нас закончилась война.

Берлин. Встречи с Бушем

В ноябре 1945 года я получил новое – весьма необычное – назначение. Должность моя называлась референт по театрам Отдела культуры Управления военного коменданта города Берлина.

После краткой аудиенции в Карлхорсте у майора Александра Львовича Дымшица, руководителя Отдела культуры СВАГ (Советской военной администрации в Германии), я направился в центр на Луизенштрассе, где находилась главная военная комендатура. В Берлин я прибыл накануне вечером, с вокзала сразу поехал в Карлхорст – район, как и другие окраины, сравнительно не пострадавший от военных действий. В темноте трудно было оценить масштабы разрушений. Теперь же, при свете дня, моим глазам представилась гнетущая картина.

Автомобиль медленно движется по узкой, расчищенной для проезда дороге мимо сложенных в штабеля кирпичей или нагромождения обломков и нетронутых руин, постоянно сворачивая, объезжая завалы. Франкфуртскую аллею — основную магистраль юго-востока — мы пересекаем что-то около десяти раз (пройдет еще полтора года, прежде чем она станет доступной для прямого движения!). И все же это не мертвый город. Жизнь продолжается. По тротуарам бредут прохожие и изредка навстречу идут машины — военные грузовики или потрепанные лимузины с желтым кругом на кузове, меткой гражданского транспорта. На стенах еще можно прочить полузатертые геббельсовские лозунги: «Тсс, враг подслушивает!», «Смерть большевикам!», «Берлин останется немецким!». А рядом свежей краской, огромными буквами — новое, антифашистское: «Через борьбу к победе!». Трудно было поверить, что после такой катастрофы в Германии есть силы, которые знают, что надо вести борьбу и уверены в грядущем успехе.

Но вот мы в центре. Фридрихштрассе, Карлштрассе, Луизенштрассе — оазис уцелевших кварталов. В городской комендатуре на Луизенштрассе представляюсь своему непосредственному начальнику майору Мосякову, который ведает культурными делами в масштабе сектора оккупации Берлина. Высокий приветливый блондин, Александр Григорьевич вводит меня в круг обязанностей и дает первое «боевое» задание отправиться на премьеру пьесы Роберта Ардри «Скала грома» в театр имени Геббеля.

...Театр расположен на территории, оккупированной американцами. У Потсдамерплатц нас встречает огромный щит с надписью на четырех языках: «Вы въезжаете в американский сектор». Но никакой разницы с советским и английским сектором, который мы только что пересекли, заметить нельзя: те же развалины, та же фанера в окнах вместо стекол.

Однако театр отремонтирован и хорошо освещен, но в зрительном зале холодно. Большинство присутствующих в пальто. Мы оставляем шинели в гардеробе; впрочем, в этом нет особого геройства: нас предупредили и под формой надето шерстяное белье.

Гонг. Гаснет свет, подымается занавес. На сцене — в разрезе башня маяка, установленного на Скале грома — пустынном острове озера Мичиган. Здесь никто не живет, кроме смотрителя маяка Чарльстона. Раз в месяц сюда прилетает инспектор, чтобы проверить документацию и доставить продовольствие. Вот и сей-

час на сцене двое — инспектор и летчик; зрителя не видно. Постепенно мы узнаем, что это — необычный человек. В недавнем прошлом талантливый журналист, всегда находившийся в гуще мировых событий, но затем изверившийся во всем, он поселился на Скале грома и ничего не желает знать о том, что происходит вокруг. Поэтому он не спешит встретить инспектора и занят наверху своим обычным делом. Но вот он спускается по лестнице...

...Когда актер, игравший зрителя маяка, вышел на авансцену, в зале раздались аплодисменты. Кто-то за моей спиной прошептал: «Эрнст Буш».

Буш? Это имя было мне знакомо. Эрнст Буш выступал по московскому радио; «Марш левой, два, три; марш левой два, три», — учили мы в школе и пели на демонстрациях; на фронте наша звуковещательная станция заводила пластинки с песнями Буша для немецких солдат, стремясь пробудить у них чувство классовой солидарности. Но ведь он погиб в Испании! Я заглядываю в программу, там черным по белому стоит его имя. Неужели это тот самый Эрнст Буш?

...Тем временем на сцене инспектор безуспешно пытается пробудить у Чарльстона интерес к политике, к судьбам мира и человечества (действие в спектакле происходит в августе 1939 года, накануне начала второй мировой войны). Летчик Стритер, давний приятель Чарльстона, сообщает ему о своем решении уехать в Китай, сражаться с японцами; он зовет с собой Чарльстона: ему нужен бортстрелок, на которого можно положиться. Чарльстон отказывается: он не трус, но считает бесперспективной любую борьбу. Перед его глазами пример Испании; там он принимал участие в гражданской войне и чем все это кончилось? Он горел тогда энтузиазмом, он пел вместе со всеми:

Die Heiman ist weit
Und wir sind bereit...
(Родной край вдали,
Но мы начеку...)

...Эту песню я знаю; она называется «Колонна Тельмана». И голос узнаю, так петь может только Эрнст Буш. Но я никогда не знал, что Буш — драматический актер. Да еще какой!...

...Стритер с сожалением смотрит на своего приятеля. Как вообще он может жить здесь в полном одиночестве? Одиночестве? Чарльстон таинственно улыбается. Он подводит летчика к стене, показывает ему мемориальную доску, установленную в память о затонувшем здесь в середине прошлого века корабле

«Великие озера». Все находившиеся на борту погибли — капитан, команда и шестьдесят пассажиров-иммигрантов. Их имена выбиты на доске. Вот среди этих людей живет Чарльстон. Стритер думает, что его приятель просто пьян: вдвоем они только что осушили бутылку виски. Безнадежно махнув рукой, летчик идет к самолету: уже садится солнце, пора улетать.

Затих вдали шум самолета, сгущаются сумерки. Чарльстон сидит, оставившись на бутылку виски, молча курит. Вдруг откудова-то сверху раздаются тяжелые шаги: по винтовой лестнице вниз идет человек в одежде моряка прошлого столетия. Это капитан парусника «Великие озера». Как ни в чем не бывало он подходит к Чарльстону и здоровается.

...Без антракта начинается второе действие. Теперь рядом с Чарльстоном уже не только капитан, но и погибшие вместе с ним пассажиры. И хотя они полупризрачны (появляясь только при вспышке маяка), их поступки и заботы вполне реальны — они претерпели беды в Европе и теперь ищут пристанища в Америке. Чарльстон слушает их исповеди и с высоты XX столетия понимает, что их беды и треволения, казавшиеся им в те времена неразрешимыми, преходящи и разрешимы. И получается, что его собственное разочарование в жизни столь же беспочвенно, как и у его собеседников. Теперь отшельника Скалы грома волнует уже другая проблема: если прогресс неумолимо прокладывает себе дорогу, стоит ли напрягать силы, терпеть лишения, подвергаться унижениям, жертвовать жизнью ради того, что все равно проложит себе путь? Для Чарльстона этот вопрос приобретает практическое значение: приближается утро того дня, когда снова прилетит инспектор. Прошел месяц, как он виделся со Стритером. Что с ним теперь? Летчик снова появляется на сцене, но теперь в воображении Чарльстона: он погиб, при встрече с японским бомбардировщиком; стрелок-китаец оказался недостаточно расторопным. Окажись на его месте Чарльстон, этого наверняка бы не произошло: он отличный пулеметчик.

Здесь уже собственно дан ответ на вопрос о личной позиции. История идет своим чередом, но не помимо людей. Овладение той или иной конкретной ситуацией целиком в руках человека. Чтобы решить задачу, надо решать ее. У Чарльстона созревает решение бороться.

...Уже утро. В лучах света погас маяк. Прилетел инспектор, который весьма кстати привез приказ об увольнении Чарльстона: ему не нужно будет подавать заявление. В черном костюме, в белой рубашке без галстука, с небольшим чемоданом в руках он

покидает сцену. Так уходят на призывной пункт. И эта ассоциация не случайна: наступило 1 сентября 1939 года. На Скале грома уже известно: гитлеровские танки перешли польскую границу, дальнейший путь Чарльстона лежит через поля сражений с фашизмом.

Спектакль произвел на меня неизгладимое впечатление. Сейчас, много лет спустя я помню его в деталях, помню мерцающее освещение сцены, одухотворенное волевое лицо Буша, железную логику его рассуждений, постепенно шаг за шагом отвоевывающих позиции для жизнеутверждающего видения мира. Эта логика нужна была и миллионам немцев, в отчаянии взрывающихся на руины родных городов. Как часто впоследствии я вспоминал эту логику, когда уже в иных ситуациях мне приходилось сталкиваться с проблемой смысла и цены человеческой деятельности.

Через несколько дней я снова был в театре имени Геббеля. И передо мной снова прошли мучительные искания моего современника, честного американского парня журналиста Чарльстона. После спектакля меня провели за кулисы и познакомили с Бушем.

— Здравствуйте, товарищ, — довольно четко произнес он по-русски.

— Вы знаете русский язык?

Буш отрицательно покачал головой. За свою бытность в Советском Союзе он выучил всего лишь несколько слов, знал по-русски последнюю строфу песни «Болотные солдаты» и мог безупречно произнести фразу, которой, по-видимому, в Москве ему часто приходилось пользоваться: «Ленинградского пива, пожалуйста».

Довольно быстро мы подружились. Участник войны в Испании, узник гитлеровского застенка, освобожденный Советской армией, Буш казался мне олицетворением антифашистской судьбы. Борец-художник, он излучал совершенно непередаваемое в словах обаяние: его открытая простая манера общения буквально притягивала окружающих. С нами, советскими офицерами, он держался как единомышленник, как равный. И мы часто прибегали к его советам.

Когда возникла идея возрождения в Советском секторе «Народной сцены» («Фольксбюне»), то именно Эрнст подал мысль о том, как решить проблему помещения. О реставрации какого-нибудь разрушенного здания в ту пору еще не могло быть и речи.

«Надо найти кинозал со сценой», — сказал Буш. Подходящим оказался «Пратер» на Кастаниеналлее. 30 мая 1946 года там открылся театр «Фольксбюне», первоначально как филиал театра имени Геббеля; во главе его стоял Карл Гейнц Мартин.

Первое время в «Фольксбюне» шла «Скала грома». Но Мартин быстро готовил «На дне» Горького. Через четыре недели состоялась премьера. Буш играл Сатина. Берлин видел в этой роли Станиславского. Буш, однако, не стремился его повторить. Он вкладывал в образ свое понимание. Его Сатин — босяк-мечтатель, босяк-трибун. Буш, по сути дела, решал ту же философскую проблему, что стояла перед ним и в «Скале грома»: как жить человеку — в мире иллюзий, или в мире правды, за которую надо бороться.

Все, кто знал Эрнста Буша — друзья и почитатели таланта, радовались его успехам на драматическом поприще. Но мы понимали, что подлинное призвание Буша — боевая антифашистская песня. Здесь он уникален. И мы старались сделать все, чтобы он снова пел для широкой аудитории. Это было, однако, не так просто, ибо в результате ранения, полученного еще в 1943 году при бомбежке тюрьмы, у Буша была парализована часть лица. Голос сохранил прежнюю силу и чистоту, но певец не мог полностью использовать свою выразительную мимику. Не было уверенности и в благожелательном приеме у публики: талант Буша созрел в эмиграции, на родине его почти не знали; в душе у многих еще сидел яд фашистской пропаганды, дух скептицизма, усталости и разочарования. Буш пел в узком кругу, по радио, но не решался выйти на эстраду.

Впервые это произошло 30 мая 1946 года, в день, когда распахнул двери «Фольксбюне». Открытие нового театра было обставлено со всей торжественностью. Обер-бургомистр Берлина доктор Вернер произнес, как всегда, импозантную речь и передал театр руководителю Мартину. С приветствием «Народной сцены» выступили композитор Эрих Вайнерт, писатели Вилли Бредель, Фридрих Вольф. Затем на сцену вышел Эрнст Буш. В притихшем зале прозвучала «Песня безработного». Рядом с певцом на сцене стоял пастор Карл Клейншмидт; борец с фашизмом и узник концлагеря, он говорил о творчестве Буша, о его судьбе. С Бушем-певцом знакомила берлинцев и статья Александра Дымшица, опубликованная в тот же день в газете «Теглихе рундшау».

Газета советской военной администрации напечатала и отклик на концерт. Илья Гольферт из Шпандау писала, что прежде имя Буша для молодежи ничего не значило, но он так передает в песне собственную судьбу и судьбу своего поколения, что никого не может оставить равнодушным.

В июне 1946 года Буша принял военный комендант Советского сектора оккупации Берлина генерал-майор Котиков. Я привез Эрнста на Луизенштрассе и мы без проволочек проследовали в кабинет генерала. Могучего роста, увенчанный выющейся седой шевелюрой советский военачальник вышел из-за стола, протянул немецкому антифашисту обе руки и усадил рядом с собой на диване.

— Как ты живешь, Буш?

Генерал напомнил о приближении 18 июля — дня, когда исполнялось десять лет со дня начала гражданской войны в Испании. Сейчас, сказал он, в Берлине свыше пятисот бывший бойцов интернациональных бригад. Что, если к памятной дате подарить каждому из них набор пластинок с песнями Буша?

У Эрнста загорелись глаза: возродить начатое им еще до войны производство антифашистских пластинок было его заветной мечтой. Он часто говорил об этом, и генерал, по-видимому, был в курсе дела.

Через несколько дней Буш уже репетировал с хором театра имени Геббеля в Доме радио на Мазуреналлее. Но дело не ладилось: не было подходящих микрофонов. Бушу не нравилась акустика, музыканты играли не так, как надо.

Однажды в моем кабинете раздался телефонный звонок. В трубке клокотал разъяренный голос моего друга:

— Слушай, Гулыга, у тебя есть с собой пистолет?

— Что случилось?

— Приезжай немедленно на Мазуреналлее, но только захвати побольше патронов.

Через полчаса я был в Доме радио. В зале, где работал Буш, царил растерянность: он рвал и метал по поводу какой-то неполадки. Вдруг Эрнст замолчал, красное дотоле его лицо побледнело; другие уже давно молчали, и в наступившей тишине было только слышно, как сидевший в небрежной позе перед роялем пианист что-то негромко наигрывает двумя пальцами.

— Ты знаешь, что он играет?

Я прислушался, мелькнула смутная догадка, но я лишь вопросительно поглядел на Буша. Он кивнул головой:

– Да, ты не ошибся. «Хорст Вессель». Этому подлецу все равно, что тарабанить – фашистский гимн или пролетарскую песню. Так работать нельзя. Их всех надо перестрелять...

На следующее утро состоялось совещание у руководителя радиовещания Ганса Мале. Присутствовало также несколько офицеров из Отдела культуры. Говорили о том, что Бушу нужно обеспечить во что бы то не стало высокое качество, что его песня должна звучать иначе, чем оперная ария. В конце концов дело сдвинулось с мертвой точки. Вскоре были получены первые приличные записи трех его песен: «Песня о солидарности», «Колонна Тельмана», «Баллада XI бригады».

Тем временем наступило 18 июля. В самом большом зале тогдашнего Берлина – варьете «Паласт» – был устроен юбилейный митинг. Короткие выступления участников гражданской войны. Затем Буш в черном костюме и белой рубашке без галстука (точь-в-точь как в финале «Скалы грома»). В руках – губная гармоника. Смолкает приветственная овация. Буш подносит гармонику ко рту, слегка намечает мелодию. Певец еще молчит, но в зале – такого я еще никогда не слышал, – в зале рождается песня: «Die Heimat ist weit». В «Паласте» собрались антифашисты, для которых эта песня была частью жизни, программой борьбы; им не нужно было объяснять, кто такой Буш, в чем смысл его искусства; они пришли не на концерт, а на политическое собрание, поэтому и запели первыми. Но вот выходит хор, в дело включается Буш, и под куполом зала в полную силу звучит его замечательный голос.

...12 августа 1946 года советская военная администрация выдала Бушу официальную лицензию на создание фирмы грамзаписи «Современная песня». Предстояло наладить производство. Это было, пожалуй, труднее, чем организовать записи. Две существовавшие ранее в Германии фабрики – в Эренсфридерсдорфе и Бабельсберге – были разрушены, уцелевшее оборудование частично демонтировали оккупационные власти, частично припрятали бывшие хозяева, куда-то исчезли и запасы сырья. Предстояло решить задачу из области детектива. Рождались планы привлечения криминальной полиции. Но помог случай.

Как-то раз в комендатуре появился человек, заявивший, что представляет группу заинтересованных лиц, которые готовы «для господ советских офицеров» наладить производство пластинок Вертинского, если будет дано соответствующее разрешение и гарантирована сохранность предприятия. Он оставил комплект образцов и свой адрес. В тот вечер я дежурил в комендатуре и до поздней ночи слушал шансонье, которым в юности увлекалась моя покойная матушка. Она рассказывала мне, что Вертинский выступал в костюме Пьеро; лицо, скрытое под густым слоем белил, оставалось непричастным к происходящему, но зато руки артиста работали с удивительной выразительностью... Слушая напевы из далекого прошлого, я пытался представить себе дореволюционный Петербург... Но каждому времени свои песни. Однако, вернувшись после войны из эмиграции в Россию, Вертинский снова входил в моду...

Итак, в нашем распоряжении был след, который привел и к спрятанным машинам, и к остаткам сырья. К сожалению, сырья было немного. Фабрика в Эренсфридерсдорфе, начавшая производство, вскоре снова оказалась перед угрозой закрытия. Тогда был найден следующий выход. Фирме «Современная песня» было разрешено производить пластинки, рассчитанные на более широкий спрос: серьезную музыку (серия «Этерна») и современную танцевальную музыку (серия «Амига»). За каждую приобретенную пластинку «Амига» покупатель должен был сдать две старых. В 1948 году должна была вступить в строй фабрика в Бабельсберге и продукция возрости вдвое. Но меня к этому времени в Берлине уже не было. Я уехал на родину, получив в подарок комплект записей песен Буша. В альбоме было пять пластинок; на обложке изображена разорванная цепь, а дарственная надпись гласила: «Капитану Гульге, инициатору этой серии, лишившей меня покой, тем не менее в знак дружбы. Эрнст Буш».

Берлин. К проблеме денацификации

Читатель может справедливо заметить, что судьба Буша характерна лишь для малой толики немецкого народа, для тех, кто не принял фашизм, боролся с ним, ушел в эмиграцию или оказался за решеткой. Большинство немцев поступило иначе, большинство пошло за Гитлером, участвовало в стройках, которые

организовал фюрер, участвовало в его войне. И жертвы, понесенные немецким народом, воспринимались как должное, как нечто неизбежное. Мой друг Олег Жагар, который так же, как и я, служил в советской военной администрации, но только в Потсдаме, жил в доме, хозяйка которого – фрау Медем – произвела на свет и воспитала восемь сыновей. Все восемь погибли на войне. Но никогда фрау Медем не сказала ничего дурного о Гитлере.

Гитлер, придя к власти, уничтожил безработицу, поднял материальный уровень жизни народа, возродил немецкую армию, раздвинул немецкие границы. Впервые Австрия и Германия слились в одну Великую Германию (*Grossdeutschland*). Помню, как в годы войны меня поражали те сведения, которые мне сообщали пленные, о том, что рядовой солдат получает денежное пособие 75 марок ежемесячно, на которые может существовать безбедно его семья. Немцы, потерпевшие поражение, жили лучше, чем мы – их победители. Это было, пожалуй, самое сильное впечатление, которое я вынес из послевоенного Берлина. Немцы не просили милостыню. Если кто-то приходил как нищий, то просил он не хлеб, не деньги, а чашечку кофе – настоящего кофе из молотых зерен (*Bohnenkafee*).

Победители должны были убедить немцев в том, что их благополучие при Гитлере было прозрачным и преступным, оно покоилось на ограблении и подавлении других народов. Оно могло привести к гибели всего немецкого народа (как погибли все сыновья фрау Медем). Нужно было наказать военных преступников и устранить из жизни народа тех лиц, которые запятнали себя своей связью с нацизмом. Это называлось денацификацией.

О моей деятельности на ниве денацификации немецких работников культуры я поведаю, опираясь на книгу Джорджа Клера «Берлинские дни. 1946-1947» (*George Clare. Berlin Days. 1946-1947. London, 1989*). В межсоюзный подкомитет по денацификации входили майор Кей Сили (Англия), майор Ральф Браун (США), капитан Мишель Боке (Франция). Советский Союз представлял автор этих строк. Заседания проходили в английском секторе на Шлютерштрассе. Секретарем комиссии был сержант Джордж Клер, ныне известный английский публицист. Он подарил мне свою книгу в Берлине в дни празднования 50-летия Победы над фашизмом, извинившись за то, что перепутал мое

имя (назвав меня в тексте Александром). К сожалению, это не единственная погрешность. В книге есть и другие неточности, которые мне придется исправлять по ходу цитирования.

Итак, подкомитет по денацификации. Характеризуя членов подкомитета, начальник Клера майор Сили якобы сказал обо мне: «Наш советский коллега капитан Арсений Гулыга свободно говорит по-немецки и немного по-английски, хотя я подозреваю, что на самом деле он знает английский лучше, чем хочет показать. Так что следите за тем, что говорите. Вообще-то должен сказать, что для русского он довольно легок в общении и в целом с ним можно работать...». Все мои западные коллеги были сотрудниками секретных служб и видели во мне такового, поэтому первоначально относились ко мне с осторожностью. Но почувствовав во мне человека, не вовлеченного в тайные дела, стали относиться ко мне с большим доверием. Клер пишет о том, как его шеф готовил очередное заседание:

— ...У Гулыги только что родился первый ребенок, мальчик. Мишель, Ральф и я скинулись и купили приданое.

Сили встал, подошел к большому шкафу и вынул какой-то сверток.

— Вот, возьмите. Я принесу завтра бутылку шампанского, а вы по моему знаку внесете это на подносе...

Когда я вышел из его кабинета, наша немецкая сотрудница фройлен Розе увидела сверток у меня в руках.

— У нас тоже есть кое-что для молодого отца, — сказала она. — Вот, посмотрите.

Какой-то художник из немцев нарисовал поздравительную открытку. На ней был изображен радостный улыбающийся младенец в косоворотке, лежащий на карте Берлина. На обороте было написано по-русски и по-немецки:

— Сердечный привет новому берлинцу от старых берлинцев со Шлютерштрассе».

Здесь уместно небольшое уточнение: у меня родилась дочь Елена (а не сын), ныне поэтесса и переводчица. Следовательно, на открытке не было никакой косоворотки. Изображен был младенец, которого приветствовали представители трех оккупационных держав — Джон Буль, остробородый дядюшка Сэм и прекрасная Марианна-Франция. Недоразумение возникло, видимо, потому, что преподнесли мне приданое голубого цвета. Сили извинялся, что хозяйственные трудности послевоенного Берли-

на не позволили приобрести нечто розовое, подобающее девочке. Но все это мелочь, как и то, что Клер мои погоны назвал серебряными, а звездочки золотыми: все было наоборот.

«Когда на следующее утро я вошел в кабинет Сили с подносом в руках, все сидели на диванчике и в креслах вокруг кофейного столика.

— Разрешите вам представить сержанта Клера, джентельмены, — проговорил Сили. — Он недавно прибыл в мое распоряжение. Он будет вести наши протоколы. Возражений нет? Хорошо. Прежде чем приступить к повестке дня, я хотел бы обратить ваше внимание на одно необыкновенное обстоятельство. Из компетентных источников в советском генштабе стало известно, что население Советского Союза продолжает расти. Недавно был зафиксирован очередной прирост... — Он сделал многозначительную паузу. — ...за счет новорожденного Гульги! Поздравляем Вас и Вашу жену, капитан! Разрешите преподнести Вам небольшой подарок от нас троих».

Вручив сверток Гульге, Сили сказал мне:

— Открывайте бутылку, сержант. Пора смочить младенцу ножки.

Я наполнил бокалы. Пока Сили говорил, Гульга покраснел до корней своих густых соломенных волос, но залпом осушив бокал с шампанским, он с улыбкой на своем широком славянском лице проговорил:

— Что же, майор, ваши сведения верны, ничего не скажешь, — он подмигнул нам. — Так что я могу только от себя и от своей жены сказать вам: «Очень спасибо». Как это мило с вашей стороны! Можно посмотреть?

Он развернул сверток, и мы увидели распашонки, чепчики, панталончики и вязаные башмаки. Все стали охать и ахать, как молодые мамыши, над каждой вещичкой. Наконец, я совершенно серьезно спросил Сили:

— Простите, сэр, а это заносить в протокол?

Все засмеялись.

— Только попробуйте, сержант, — ответил Сили (я только что получил звание сержанта), — и завтра вы опять станете старшим солдатом.

— Хороший парень ваш сержант, Кей, — сказал Ральф Браун. — Пора начинать, а то мы не успеем закончить до обеда.

— Ты, Ральф, только о еде и думаешь, — поддел его Буке. Но вообще-то Браун, здоровенный парень, был прав.

— Не знаю, похвала это или оскорбление в устах француза, — заметил Браун. — Но я хочу напомнить, что Кей заказал столик в «Эмбасси» на час тридцать, так что нам пора начинать.

Собственно, он и должен был распоряжаться. Все комиссии союзной комендатуры поочередно возглавлялись представителем одной из четырех сторон; через месяц председательство переходило к следующему. В тот месяц была очередь американцев, поэтому нашим начальством был Браун.

— Так, — начал он, — первый пункт нашей повестки дня это, конечно, Фуртвенглер. Хотя говорить здесь особо не о чем. Он подал на денацификацию, и нам нужно просто дождаться решения немецкой судебной палаты.

— А сколько времени это займет? — спросил Гулыга.

— Спросите у Кея, — ответил Браун. — Немецкая судебная палата собирается здесь, у него.

— Я говорил со Шмидтом, — сказал Сили. — Они разберутся с Фуртвенглером не раньше осени. И Алекс Фогель, их председатель, тоже так считает.

— Это не годится, — вмешался Гулыга. — Смешно заставлять всемирно известного дирижера стоять в очереди вместе со всеми. И вообще, только зря шум подняли...

Я не мог понять, что его больше задело — сама волокита или намек Сили на то, что даже немецкий коммунист Фогель не спешил засвидетельствовать невиновность Фуртвенглера.

— Извините, капитан, — возразил Браун. — Но здесь я не согласен. Здесь вступает в силу четырехсторонний принцип, директива Контрольного совета, под которой расписался ваш маршал Жуков. Единственно, что мы можем, чтобы Сили попросил герра Шмидта ускорить разбирательство. Он, естественно, будет убеждать нас, что это невозможно по целому ряду причин. Но попробовать всегда можно.

Гулыга пожал плечами.

— Кстати, капитан, сказал Сили, — что относится к государственному советнику Фуртвенглеру, то относится и к государственному советнику Грюндгенсу. А ведь он находится в вашем секторе. Денацификацию не прошел, да еще репетирует первый послевоенный спектакль в вашем Немецком театре.

— Вы же знаете, что ни тот, ни другой нацистами не были, — заметил Гулыга.

— Возможно, — сказал Браун, — но это должны объявить не мы, а Немецкая судебная палата. Мы можем думать об этих двоих что угодно, однако нас связывает директива.

— Я протестую, — сказал Гулыга. — Майор Сили опять притягивает Грюндгенса. У нас его нет на повестке дня, и к тому же, что происходит в советском секторе, не касается никого, кроме советских властей. Так что я не собираюсь это обсуждать.

— Как же так, капитан, — возразил Браун, — разве вы не знаете, что директива действует не только по всему Берлину, но и по всей Германии? Великий немецкий артист и великий немецкий дирижер оказались в одной лодке, и я не понимаю, почему этот вопрос нельзя обсуждать на нашей комиссии.

— Я отказываюсь говорить о Грюндгенсе, мистер Браун, — сказал Гулыга. — Я не имею на это разрешения и сказать ничего не могу. Вы знаете, что я всегда, насколько это возможно, готов идти вам навстречу. Директиву эту я знаю, однако у меня есть еще и указания. Вы же не станете требовать, чтобы я их нарушал!

Это было смело. Интересно, стал бы он действовать так же открыто, если бы здесь был кто-нибудь из немцев?

— Ладно, капитан. Я предлагаю вот что, — сказал Сили. — Давайте запишем, что в ходе дискуссии возник вопрос о Грюндгенсе, что, по вашему мнению, наш подкомитет не должен им заниматься, по крайней мере, на данном этапе, что другие его члены с вами не согласились, и поэтому мы решили потребовать разъяснений от Комитета по культуре, или, если он даст указание, от еще более высокой инстанции.

Прежде чем Гулыга успел ответить, вмешался Браун.

— Нет, Кей, — сказал он, — это не годится. Если мы начнем апеллировать к вышестоящей инстанции, они сразу поинтересуются: а мы-то здесь для чего? Мы должны не вопросы задавать, а выдавать решения. Я предлагаю зафиксировать наши разногласия и попросить капитана Гулыгу передать нашу точку зрения на дело Грюндгенса его начальству, а потом ознакомить нас с их ответом. Комитет по культуре узнает об этом из нашего протокола. К нему всегда можно обратиться, если советский ответ будет отрицательным.

Гулыга кивнул. Сили на минуту задумался, потом сказал:

— Да, наверное, так будет лучше. Как вы считаете, Мишель?

— Мне предложение Ральфа нравится, — отозвался Боке. — Капитан Гулыга должен поговорить об этом с майором Дымшицем и с полковником Тюльпановым, а уж потом мы можем дальше это обдумывать.

Сили повернулся ко мне:

— Вы записали это так, как говорил мистер Браун? Вообще-то записывать точь-в-точь не обязательно. Я вам лучше продиктую, что должно быть в протоколе.

Когда это было сделано, Браун сказал Гулыге:

— Я-то считаю, что у Грюндгенса не должно быть проблем с денацификацией. Во всяком случае, таких проблем, как у него были с вашими инстанциями, капитан.

К видимому замешательству Гулыги Браун намекнул на трагикомическое языковое недоразумение, которое привело к аресту Грюндгенса органами МВД вскоре после войны, в результате чего он провел девять месяцев в советском лагере. В качестве генерального директора Прусских государственных театров Грюндгенс носил звание генерал-интенданта, аналогичное генералу интендантской службы в Красной армии. Русские военные, которые допрашивали Грюндгенса, были уверены, что схватили одного из высших чинов вермахта, кого-то вроде Людендорфа».

Спутать генерал-интенданта с генералом интендантской службы невозможно. Сравнение с Людендорфом здесь просто ни к чему. Советские оккупационные власти прекрасно знали, кто такой Грюндгенс, знали его близость к главарям нацистского райха. А когда выяснились дополнительные обстоятельства, о которых речь впереди, то проявили удивительную гибкость в быстром возвращении Грюндгенса на немецкую сцену. В отличие от американцев, которые создавали формальные препоны, и немцев-антифашистов, которые также не спешили с реабилитацией Грюндгенса.

Я впервые услышал имя Грюндгенса в Германии в декабре 1945 года вот при каких обстоятельствах. Будучи в гостях у Эрнста Буша, я услышал от него следующее:

— Скажи, если бы ты угодил в тюрьму и тебе грозила бы смертная казнь, и один порядочный человек спас бы тебе жизнь, а затем времена переменились, и этот человек без особых причин угодил бы за решетку, считал бы ты себя обязанным заступиться за него?

— О ком ты говоришь?

— О Густаве Грюндгенсе.

— Кто такой Грюндгенс?

— Ты не знаешь? Это наш, ну, как бы тебе объяснить... Качалов что ли. Большой художник и хороший человек. Мы знаем друг друга вот уже скоро четверть века. Когда наци привезли меня в Берлин и готовили надо мной суд, кстати, тогда госу-

дарственный советник и генерал-интендант, человек, которому было что терять, не побоялся дать письменное заявление о том, что я якобы совершенно не причастен к политике. Более того, Грюндгенс нанял самых лучших адвокатов, которые доказывали суду, что чрезвычайные законы, карающие немцев смертной казнью за коммунистическую пропаганду, на меня не распространяются, ибо я лишен германского подданства еще в 1937 году, когда этих законов не существовало. Только благодаря этому я остался в живых. А сейчас ваши органы безопасности арестовали Грюндгенса. Какие бы посты он при Гитлере ни занимал, я твердо знаю: этот человек – не фашист.

– Все, что ты мне рассказал, нужно изложить на бумаге, а мы передадим ее куда следует.

– Ты думаешь, это ему поможет?

– Безусловно.

– Дымшиц того же мнения, – сказал Буш.

И я понял, что он не с одним мной делился своими заботами. Соответствующая бумага вскоре была составлена и возымела действие. Грюндгенс вышел на свободу и вступил в труппу Немецкого театра. 3 мая 1946 года он уже играл главную роль в пьесе «Сноб» Штернгайма. Когда поднялся занавес и на сцене предстал, потупив взор, Кристиан Маске – Грюндгенс, раздалась буря аплодисментов. Это было не только приветствие любимому актеру, но и знак благодарности советским военным властям за акт гуманности и великодушия.

Теперь о Фуртвенглере. Я слышал это имя еще на школьной скамье (но никогда не думал, что буду сидеть с великим дирижером за одним столом и пить за его здоровье).

Однажды меня вызвали к начальству и спросили, знаю ли я, кто такой Фуртвенглер? Я ответил утвердительно. Знаю ли я, кто такой Зауэрбрух? Это имя было в комендатуре у всех на устах: знаменитый немецкий хирург спас жизнь одному нашему офицеру, угодившему под грузовик. Мне было приказано отправиться к Зауэрбруху и расспросить его относительно политических взглядов Фуртвенглера.

– Есть сведения, что Зауэрбрух выписывал ложные бюллетени Фуртвенглера, чтобы тот мог уклоняться от участия в нацистских празднествах. Не вздумайте задавать вопрос прямо, это оскорбит врачебную этику профессора, будьте дипломатичны и постарайтесь разузнать все это косвенным образом.

На следующий день я был в кабинете Зауэрбруха. Я передал ему цветы и поблагодарил за удачную операцию моего коллеги по комендатуре, а затем завел разговор о Фуртвенглера. Никакая дипломатия здесь не понадобилась. Зауэрбрух сказал, что Фуртвенглер не имел ничего общего с правящей здесь нацистской кликой. Он крайне неохотно дирижировал в присутствии руководителей райха.

— Мне приходилось придумывать ему различные недомогания, которыми он якобы страдал, чтобы он мог отказаться дирижировать на нацистских праздниках. Немецкие инстанции, ведающие денацификацией, собираются рассмотреть его дело только к концу года. Это несправедливо. Они путают культуру с политикой, это просто бессмысленная волокита. Если вы можете покончить с ней, берлинцы вам скажут спасибо.

Я обещал Зауэрбруху, что концерт Фуртвенглера состоится еще весной. Так оно и случилось. В день приезда Фуртвенглера в Берлин (он после войны находился в Швейцарии) наша комендатура устроила в доме советской культуры, который готовился к открытию, неофициальный обед в его честь, на котором присутствовал молодой скрипач Иегуди Менухин, мой начальник Мосяков и я. Упоминаю об этом обеде, потому что здесь мне пришлось в голову, как решить волновавшую меня проблему. Меня смущало то обстоятельство, что я не мог достойно ответить на гостеприимство моих коллег по подкомитету. Я дважды обедал у французов, дважды у англичан, дважды у американцев. Мои коллеги ждали ответного приглашения, но я не мог позвать их в нашу офицерскую столовую по причине ее неприглядности. Кормили сытно, но однообразно, выбора блюд не было и на третье всегда — компот из сухофруктов. И вот я снова получаю приглашение от англичан, чувствую себя неловко, отказываюсь и возникает курьезное недоразумение, которое Клер трактует чуть ли ни как начало холодной войны. «...мы начали ощущать ужесточение советской политики. Оно становилось заметным на всех уровнях четырехстороннего сотрудничества. Первым признаком перемены было то, что, когда мы пригласили Гульгу пообедать в клубе, он, который раньше всегда с радостью принимал такие приглашения, что-то промямлил насчет своей разбитой машины. Ни я, ни Кей тогда не поняли, что у Гульги трудности не в автомобиле, а дипломатические. Кей принялся убеждать его, что за ним заедут, а вечером отвезут домой, и Гульга, наконец, сказал, что поедет.

Прибыв в назначенное время в советский штаб, мы разыскали здание, где жил Гулыга. Используя весь свой русский словарь (я уже три месяца занимался), я попросил часового сообщить Гулыге, что мы его ждем. Через некоторое время вышел какой-то офицер и по-немецки сказал нам, что Гулыга на совещании и, к сожалению, поехать не сможет. Мы не знали тогда, что это «начало конца».

На самом деле «конца» еще не было. Начало «холодной войны» мы ощутили в 1948 году прежде всего на себе. Нас подвергли дополнительной проверке. Заставили заполнять пухлые анкеты под названием «Выездное дело», где нужно было рассказать не только о себе, но и о всех своих родственниках, имели ли они связь с границей, находились ли на оккупированной территории и т.д. Не прошедших проверку отправляли домой. Одни уезжали обычным способом, как повезло мне, получившему две недели на сборы. Других отправляли «экстренным» образом, как выпало на долю начальника Дома советской культуры майору В.Полтавцеву. К нему зашел в кабинет особист и предложил позвонить жене, чтобы та не волновалась. Особист отвез Полтавцева на аэродром и посадил в самолет, улетающий в Москву. В столице, однако, никто его не встречал, и он сам явился в военный отдел кадров за новым назначением. Третий, самый худший вариант — арест и высылка по этапу. Таких случаев было немного.

Что касается описанного Клером эпизода, он произошел весной 1946 года, когда отношения с союзниками были самыми безоблачными. Просто я был в тупике относительно того, как ответить радушием на радушие и счел за благо не принимать больше приглашений от моих коллег.

И вот на обеде в честь Фуртвенглера меня осенило: Дом советской культуры — подходящее место для приема союзных офицеров. Сюда я, кстати, скоро перешел работать. Получив благословение начальства, я позвал своих знакомых по подкомитету на торжественный обед, который Клер описывает как апофеоз обжорства.

«Гулыга встретил нас у входа, показал нам убранство первого этажа. Когда мы выразили безграничное восхищение увиденным, он провел нас по широкой и красивой лестнице вверх на второй этаж. Здесь мы прошли в круглую комнату, где ждали нас директор и его переводчик. Директор — плотный и несколько неопределенного вида человек, а черноволосяя переводчица с

неправдоподобно худошавым и интеллигентным лицом была очень выразительна. После взаимных представлений два старых немецких официанта в безукоризненно чистых белых пиджаках бесшумно вошли с серебряными подносами, на которых стояли бокалы, наполненные крымским шампанским. С маленькими гитлеровскими усиками на изможденных и морщинистых лицах эта курьезная пара выглядела, как бывшие гауляйтеры, недавно выпущенные из русских лагерей для интернированных.

Сама комната со светлыми деревянными панелями и открытым большим французским окном на балкон, окруженный расписанной черным и золотом металлической балюстрадой, выглядела по-прусски строгой в духе фридриховской эпохи. Но круглый стол в середине комнаты с дамасской скатертью и салфетками, вытканными золотом, уставленный дорогим старинным фарфором из берлинских фарфоровых мастерских (когда другие беседовали между собой, я быстро перевернул тарелку для хлеба и увидел знаменитую марку), смущающий блеск серебра и строй кристально чистых бокалов различных форм и размеров — все это казалось меньшим из-за большой серебряной чаши с фруктами в середине — были ближе к стилю Романовых, чем Гогенцоллернов. На какой-то момент мне показалось, что все это великолепие — мираж (из-за того, что коммунизм, как известно, верит в равенство). Но когда директор поднял бокал с первым тостом (за ним последовало много других) и вместо того, чтобы сказать: «Господа, за царя!» молвил: «Господа, за нашу дружбу!», я перестал удивляться.

Мы сели. Браун сидел справа от меня, а Кей слева. Переводчица, которая в это время бегло говорила на французском, немецком и английском с правильными ударениями, сидела между Кеем и ее начальником. Мишель был следующий за ним, а Гулыга замыкал круг. Один официант поставил две больших кружки пенящегося пива на стол, а тем временем другой наполнил наши стопки водкой. Хлебница с хлебом и булками от самого белого до темно-коричневого передавалась по кругу. Официанты ушли в буфетную и вернулись с салатами — свекольным, картофельным, помидорным, огуречным и луковым; графины с различными напитками также стояли на столе. Потом они удалились, чтобы принести огромные подносы с морскими деликатесами — сельдью копченой и под соусом, анчоусами, заливным карпом и форелью. Чаша, наполненная до краев охлажденной льдом икрой, стояла в центре подноса и вокруг нее по

краям лежали ломтики лосося и копченой осетрины. «Хорошо, — подумал я. — щедрый рыбный обед мне не помешает». И наполнил свою тарелку. Когда мы окончили и тарелки опустели, принесены были новые, я ждал какой-нибудь русский пудинг на десерт.

Но вместо десерта были внесены новые подносы с заливным, гарнированными вареными яйцами а ля рюсс, холодным мясом, колбасами, жареным цыпленком, жирной свининой и паштетами.

Это все выглядело столь соблазнительно, что я не мог удержаться, но когда я опустошил свою тарелку, я сказал Кею: «Я не могу съесть что-либо еще, как же вы едите?»

Переводчица услышала нас и сказала: «Я надеюсь, что это неправда, мистер Клер. Все, что вы съели до этого, было только «zakuski», наша русская традиция. Мы только начали. И вы не отказывайтесь от еды, иначе вы оскорбите чувства хозяев. Подумайте о своей империи, ведь она не была построена слабаками. Разве сейчас это так?»

Я имел смелость ей ответить: «Если бы мой желудок мог вместить что-нибудь еще, я бы, конечно, продолжал бы. Но, увы, я не могу». Но все-таки, чтобы не казаться невежливым, я все же попробовал борщ, съел чуть-чуть бефстроганов с рисом, прикоснулся к апельсиновому крему, отпил вина и с помутневшей головой и болью в желудке категорически восстал, когда они предложили нам шоколадный торт с кофе. Но здесь я был уже не один. Наш начальник-директор, Мишель, Кей и Гулыга также отказались, но выглядевшая истощенной женщина и не выглядевший истощенным Ральф Браун съели по огромному куску...».

Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть меню обеда, описанное Клером, боюсь, однако, что здесь не обошлось без определенных преувеличений. Тем более, что за обед я расплачивался сам и такое изобилие было мне не по карману. Относительно крымского шампанского и икры могу сказать точно: их не было.

С Клером я встретился полвека спустя после описываемых событий на конференции, организованной французским культурным центром в Берлине. Он рассказал мне, что Сили и Брауна нет больше в живых. Судьба Боке ему неизвестна. Жена Клера говорила мне, что он прожужжал ей все уши о капитане Гулыге как о «хорошем русском», положительном герое в противоположность отрицательным — тем, с кем ему пришлось столкнуться позже. Я думаю, что речь идет не о моих личных качествах, а

о том, что я предстал перед ним в послевоенные дни как один из первых русских, живым олицетворением одержанной над фашизмом победы. Позже ему пришлось иметь дело с носителями «холодной войны». Он радовался встрече со мной не только как свиданию со своей юностью. В нем все еще светилось чувство благодарности за спасение русскими Европы от Гитлера.

* * *

Говорят, что война есть продолжение политики иными средствами. При этом, однако, забывают уточнить, что эти средства аморальны: убивать человека противоречит христианской морали. Это положение можно и перевернуть обратно, сказать, что политика есть продолжение войны. Политик хитрит, обманывает, торгуется, угрожает. Все это в достаточной степени не соответствует моральным заповедям, и, хотя Кант мечтал о слиянии политики и морали, но предложенное им средство — гласность, как нам теперь ясно, также не выдерживает критики. Современные средства массовой информации служат целям манипуляции сознанием, оболванивания людей. Это четвертая власть.

Денацификация Германии была продолжением войны с Германией. Главарей нацизма казнили, иных сажали в тюрьму и в лагерь, «давали сроки» (узников потом Аденауэр обменивал у нас на трубы), лишали работы по специальности. Все это проводилось в достаточной мере зачастую формально, без учета личного участия того или иного человека в фашистских преступлениях. Мартин Хайдеггер до последнего момента исправно платил членские взносы в НСДАП, но оставался и остается крупнейшим мыслителем современности, учение которого не имеет ничего общего с фашистскими бреднями. Поэтому взирая сегодня с полувековой высоты на прошедшие события, я не могу с уверенностью сказать, что денацификация осуществлялась всегда справедливо. Подчас она вызывала недовольство у немцев, которые именовали ее дегерманизацией. Конечно, коллективная вина существует. Немецкий народ расплатился за эту вину, потеряв поражение во второй мировой войне; нес эту вину в виде репараций, которые были наложены на страну, в виде потери исконных территорий и других ущемлений. Но вина не передается по наследству, она не должна простираться на жизнь последующих поколений (как это происходит сегодня, когда немец-

кий народ продолжают упрекать в особой немецкой вине, когда Германия все еще лишена возможности участвовать на равных в ряде международных организаций).

Даже сам Нюрнбергский процесс не вполне отвечал правовым требованиям. И прежде всего вставал знаменитый вопрос, а судьи кто? Фашистов судили люди, которые сами были повинны в уничтожении безвинных. Вспомним сталинские лагеря, они ничем не отличались от фашистских лагерей смерти. Вспомним Катынь. Американцы – инициаторы процесса и исполнители смертного приговора – совершили самое страшное преступление против человечества: они создали атомную бомбу, они дважды бросили ее на мирные города, при этом погибли сотни тысяч жителей. Англо-американские бомбардировки Дрездена и Кеннигсберга, где погибло людей не меньше, чем в Хиросиме. У англичан было еще одно темное «мокрое» дело: выдача Сталину десятков тысяч казаков с семьями, ушедших вместе с немцами от советского режима. Об этом мало что известно, но то, что известно, покрыло позором английскую армию, которая обманым путем обезоружила казаков и передала их советским властям на несправедливую расправу.

Конечно, я далек от мысли, что Гитлер и его присные не заслуживали казни. Просто не надо выдавать обычный акт возмездия за высшее торжество правосознания. Еще в древние времена, когда одно племя покоряло другое, побежденным вождям отрезали головы и выставляли их напоказ, это было в порядке вещей. Нечто подобное произошло в 1945-1946 годах: нацистских вождей вздернули на виселице, а затем казненных тщательным образом сфотографировали; их изображения появились во всех газетах. Нюрнбергский процесс ничем не отличался от традиционных актов возмездия. Поэтому зря говорят об его уникальности, о том, что впервые виновники войны были наказаны.

Что касается денацификации, то есть чистки немецкого народа от остатков фашизма, то здесь тоже не следует предаваться иллюзиям и думать, что все прошло безукоризненно. Сошлюсь на литературный источник – роман Эрнста фон Заломона «Анкета», одной из крупнейших книжных сенсаций, как сказано в аннотации. (У нас, она, к сожалению, совершенно не известна). После войны американские оккупационные власти для проверки лояльности требовали от немцев заполнить анкету, состоящую из 131-го пункта. Заломон ответил на них столь обстоя-

тельно и живо, что получился автобиографический роман. Книга о том, как живет человек в состоянии унижения, национального и личного.

Выходец из прусской офицерской семьи, он в двадцатые годы примыкал к правым экстремистам, служил в контрреволюционной бригаде Эрхардта. За причастность к террористическому акту, в результате которого погиб министр Веймарского правительства Ратенау, отсидел пять лет в тюрьме. Выйдя на волю, поумнел и «завязал» с политическим бандитизмом. Он мог бы стать героем у нацистов, но гитлеровский переворот воспринял как национальную трагедию. Его брат вступил в коммунистическую партию, и Заломон пишет с уважением о коммунистах как о единственно последовательных борцах против фашизма.

Июль 1934 года. Наступает «ночь длинных ножей», когда Гитлер перерезал своих соперников по партии. Под угрозой жизнь не только левых, но и многих правых деятелей, в том числе Эрхардта. Заломон помогает ему бежать за границу. Сам он остается на родине. В обществе иностранных журналистов, собравшихся в ресторане, он слушает речь Гитлера по радио, в которой фюрер обрушился с бранью на Рема и других своих бывших сотоварищей, перебитых, по его словам, за то, что они были гомосексуалистами и готовили против него заговор с помощью из-за рубежа.

«Я быстро соображал, что мне сказать потом этим иностранцам, этим господам, которые информированы о фактах лучше меня и сидят с каменными лицами. Человек, говоривший по радио, довел меня до того, что в ярости за позор моей родины я стал задыхаться. Эти люди вокруг были мои враги, по отношению к ним мне не оставалось выбора, несмотря ни на что, вопреки всему я выбирал мою страну, где такое оказалось возможным — непостижимое, ужасающее оправдание непостижимого, ужасающего насилия. Я ненавидел этих людей, свидетелей моего унижения, которое невозможно было вынести, я желал им, восседавшим здесь в моральном спокойствии, такого человека на шею. Пусть и у них задрожат колени, пусть и они ежедневно, ежечасно будут стоять перед альтернативой, вести себя как идиоты или как трусы. Я скажу англичанам о кровавой истории их королей, об Ирландии, о концентрационных лагерях в бурскую войну, я напомню французам Робеспьера, расстрел герцога Энгиенского и приказ Наполеона «предать Андре Хофера военно-

му суду, приговорить к смерти и расстрелять». Я укажу американцам на истребление индейцев, обращение с неграми, хозяйничанье гангстеров в Чикаго».

С американскими войсками он столкнулся в 1945 году. Грабежи, изнасилования — это были не слухи, а факты, дела, творимые по преимуществу «эмпи» — военной полицией. Жена Заломона Илле, еврейка, впервые после тридцать третьего года вздохнувшая спокойно, утешает его, говорит, что это отдельные эксцессы, кошмар позади, наступил правопорядок; если кто рано утром постучит в дверь, так только молочник.

Утром их арестовали. Обвинение — «биг наци», «крупный нацист». В комендатуре его избивают, калечат, в соседней комнате шестеро солдат насилюют его жену. И физически, и морально он раздавлен. «Испокон века законом и достоинством мужчины было защищать женщину. Я мог защищать Илле в течение десяти лет. А теперь не смог защитить... Я ничего не сделал, я струсил. Снова возникла ужасающая альтернатива последних двенадцати лет, вести себя как идиот или трус. До сегодняшнего дня Илле могла еще меня уважать. Теперь нет. Она забудет, а я — нет».

Я не хочу сказать, что советские войска, особенно в ходе военных действий не совершали правонарушений и актов вандализма. Были грабежи, бессмысленное уничтожение имущества. Причем многое объяснялось тем, что советские войска пришли из разграбленной немцами страны, чего не знали англичане и американцы. Но у американцев и у англичан в отношении к немцам были свои особенности. В их администрации было много немецких евреев, и теперь они всячески старались показать свое превосходство над арийцами, охотно подвергая немцев унижению, чего не делали русские. К тому же в нашей администрации было много образованных германистов, которые понимали значение немецкой культуры, стремились усвоить ее и создать условия для ее дальнейшего развития. Когда война докатилась до Германии, то немцы больше всего страшились русских, полагая, что именно от них следует ждать страшной мести. Но на деле оказалось все не так страшно: русские не смотрели на немцев как на «недочеловеков» и не видели в каждом «фрице» фашиста, как это делали наши союзники и вернувшиеся в Германию эмигранты.

Полвека спустя после победы многие забывают о том, кто одержал победу в войне с фашизмом, кто раздавил гитлеризм. Приходится слышать, что Отечественная война была всего лишь столкновением двух фашизмов — коричневого и красного, схватка Гитлера со Сталиным, не более того. Полвека назад все молились на русских. Сегодня от имени русского народа иные готовы приносить извинения немцам за то, что их побили в войне, которую они же сами и начали. Коммунизм принес много страданий русскому народу, но все же его нелепо сравнивать с фашизмом. Гитлеризм — это идеология превосходства одного народа над всеми остальными, коммунизм — мечта об осуществлении земного рая для всех. Именно поэтому русский народ пошел за коммунистами, веря в то, что русская идея о всеобщем благе будет достигнута таким путем. Путь оказался тупиковым, но все же он — иной, чем миф нацизма.

Гитлер начал войну, мы защищались, коммунисты были первыми среди тех, кто защищал родину. В школе нам слишком долго внушали: Запад на пороге революции, чуть-что и рухнет господство капитала. Когда началась война, мы, студенты-философы, ждали восстания немецкого пролетариата. Нам как раз читался курс новейшей истории, и преподаватель, приходя на лекции, каждый раз сообщал все новые и новые симптомы революционной ситуации в Германии. И подсчитывал, когда истощатся запасы нефти у Гитлера и станут его танки. А немцы к тому времени уже заняли Смоленск.

Разворачивалась беспрецедентная битва народов. На нас шли обманутые социальной демагогией немцы, румыны, финны, венгры. Спротивлялись великороссы и другие народы нашей страны. Ко всем им был обращен лозунг: «Родина-мать зовет!» Главная ударная сила агрессии — немцы, поэтому: «Убей немца!» «Сколько раз увидишь его, столько раз его и убей!» (Речь, разумеется, шла о немцах с оружием в руках, военнопленные не могли пожаловаться на плохое обращение).

Мы победили под патриотическими лозунгами. Сталин, пусть злодей из злодеев, но верно понял, что грядущая схватка будет борьбой народов. И готовил русский народ к Отечественной войне. Еще до войны в школу вернулось преподавание истории, до этого было только обществоведение. Патриотическая тема снова зазвучала в искусстве и литературе. Фильм «Александр Невский» выглядит сегодня бутафорским. Но в то время он переживался как откровение. «Вставайте, люди русские!» — звучало с экрана;

до этого мы пели «Заводы, вставайте!», а патриотизм рассматривался как ругательное слово, к нему прочно приклеили прилагательное «квасной».

Вставайте, люди русские! Этот призыв звучит и сегодня как призыв к борьбе с иноземным проникновением, мирным, но не менее опасным, чем гитлеровские танки; проникновением, которое грозит нам утратой национальной самобытности, всего того, что выстрадал за всю свою многовековую историю русский народ. Нынешняя демократизация выглядит как дерусификация и американизация страны. Выход из этой ситуации мне представляется таким же, какой нашел немецкий народ в 1945 году. Я люблю немецкую культуру. У меня много друзей-немцев. Мне горько вспоминать, что воевали наши народы. Были немцы, которые сражались в наших рядах (я знаю это не из литературы), но и они выступали под национальными лозунгами. Сейчас мы – добрые соседи, и мне радостно думать об этом. Народ может себя опозорить. Может и искупить вину. И заново прославить себя. Я верю в национальное возрождение и воссоединение русского народа мирным путем, как это произошло в Германии.

И последнее обстоятельство. Говорят о вине русского народа перед другими. Это навет, на самом деле вины никакой нет, есть беда. Беда русских – в готовности к самопожертвованию, к самобичеванию и даже самооплевыванию. Пользуясь этим, пришельцы («из космоса» ли?), не имеющие здесь корней, поносят русских за то, что они – народ рабов, но одновременно и угнетателей. Самое печальное, что мы, русские, чуть ли не готовы согласиться с тем, что мы – страна негодяев и дураков. В этих условиях настоятельно необходимо возродить нашу национальную память, вернуть почтение к нашему великому прошлому, реабилитировать честно прожитую жизнь каждого из нас. Это задача не только историка, но и мемуариста.

ВОСПОМИНАНИЯ О НАЧАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГОДОВ

Мы отпраздновали пятьдесят третью годовщину победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Но мои воспоминания восходят к самому раннему ее периоду — к ее началу. У меня есть и особые основания выступить в этой книге — книге, написанной сотрудниками Института философии РАН именно с воспоминаниями. Дело в том, что сегодня я единственный сотрудник Института, который начал войну и провел первые ее месяцы в составе подразделения, сформированного в Институте.

В конце июня 1941 года в Институте философии состоялось общее собрание, на котором было объявлено, что желающие мужчины могут вступить в Народное ополчение. Насколько я помню, подавляющее большинство мужчин в тот же день сделало это и только старшие по возрасту и чинам сотрудники либо были отозваны в распоряжение ЦК ВКП(б) — директор Института П.Ф.Юдин, его заместитель П.Н.Федосеев, либо образовали группу Института, несколько позже отправленную в эвакуацию в г.Алма-Ата — В.Ф.Берестнев, Б.Э.Быховский, О.В.Трахтенберг и некоторые другие, кто именно — я не помню. Нашелся, правда, один «рядовой» научный сотрудник, который публично, на том самом собрании, заявил, что на войну не пойдет, т.к. его теоретические работы имеют большее значение, нежели то, что он сможет сделать на войне. Сейчас представляется, что это заявление имело известный смысл, но тогда это казалось антипатриотическим предательством, сотрудник был заклеен, но, насколько помню, продолжал работать и в период войны, и после ее окончания.

В первые дни июля все мы, добровольцы, собрались в школе № 57 на улице Маркса и Энгельса (она и сейчас существует), в ее спортивном зале, откуда были отправлены в другую школу, находящуюся в одном из арбатских переулков. В ночь с 3 на 4 июля из этой школы мы отправились пешим строем по можайскому шоссе на формирование. Мы шли с привалами чуть ли ни всю ночь, пока не достигли, видимо, заранее намеченной позиции в подмосковном лесу. Здесь мы построили шалаши и поселились в них. Вскоре было объявлено, что мы образуем артиллерийское подразделение 76-миллиметровых пушек в составе 3-го полка 21 дивизии народного ополчения Киевского района г.Москвы. Мы были отданы под начало молоденького, лет 19-20 лейтенанта, только что закончившего военное училище. Это было странное зрелище: группа уже не молодых и дипломированных людей – кандидат химических наук Б.М.Кедров, кандидаты философских наук М.М.Григорьян, З.А.Каменский, Л.А.Коган, Б.Г.Софронов, П.С.Трофимов, будущий ученый секретарь Института философии П.Е.Вышинский, научные сотрудники А.А.Макаровский, М.Х.Рабинович, докторант А.Я.Зись и другие – и 20-тилетний лейтенант, даже и свое дело знавший лишь в учебном порядке. Мало того, что он был весьма смущен различием возраста и ментальности своей и своих подчиненных. Дело осложнялось еще и тем, что он не мог нас толком учить и тому, что знал, т.к. пушек-то у нас не было и мы под его руководством мастерили из лесных кустов и прутьев некоторое карикатурное подобие орудий. Тем не менее в июльской справке я уже числился «военнообязанным младшего начальствующего состава, временно исполняющим обязанности командира орудия», хотя я такового не только не изучил, но и не видел, кроме как на военных парадах или в Кремле – царь-пушку (впрочем, в сентябрьской справке я уже именовался «красноармейцем». что и соответствовало действительности).

Уже в самом начале нашей лесной жизни произошел некоторый отсев сотрудников из нашей дивизии. Л.А.Коган и некоторые другие были направлены в истребительный батальон Киевского района, а П.С.Трофимов и Б.Г.Софронов освобождены от службы по состоянию здоровья.

В наше подразделение входили не только сотрудники Института философии. В то время в теперешнем помещении на Волхонке 14 размещались также и некоторые другие академические институты – истории, экономики, этнографии. И так как

Народное ополчение формировалось по производственно-территориальному принципу, то все добровольцы, вошедшие в ополченческую дивизию Киевского района из нашего общего дома включались в одну воинскую часть. В ней оказались некоторые крупные ученые — весьма немногочисленные в те времена доктора наук, например, в недавнем времени директор Института экономики Б.Л.Маркус (снятый с этой должности незадолго до начала войны за какую-то идеологическую провинность), крупнейший международник-экономист М.Рубинштейн. Во главе политического руководства дивизии оказались ведущие сотрудники Института экономики И.А.Анчишкин — в качестве комиссара, С.М.Абалин — в качестве начальника политотдела, Е.Л.Маневич — его заместители по комсомольской работе. Впоследствии начальником политотдела и комиссаром дивизии был Д.Т.Шепилов, приобретший политическую известность после войны. Но эти политические руководители располагались где-то в недостижимом для нас далеке, в штабе дивизии, а вот Б.Л.Маркус и М.Рубинштейн стали нашими однополчанами. Летом 1941 года, когда ополченческие дивизии перешли в регулярную армию, наша дивизия была преобразована в 173-ю, а полк — в 1315. Еще позже, когда меня уже в дивизии не было, дивизия стала 73-й Черниговской гвардейской. Теперь нас называют ветеранами 21-173-73 дивизии.

Сейчас ясно видно, что идея формирования дивизий народного ополчения, составленных в значительной степени из студентов, преподавателей, научных работников, служащих, была нерациональной. Зачем было нужно в начале войны, когда людские резервы были огромны и не могли быть ею востребованы в первые месяцы, собирать дипломированную интеллигенцию, с ее низкой физической подготовкой и отсутствием специально-военного опыта? Какой смысл был в том, чтобы учить какую-то ее часть артиллерийскому делу, которым — это сразу же стало ясно — ученые не овладеют в короткое время настолько, чтобы представить собой минимально боеспособную единицу? Да и как можно было учить их, если, как я уже сказал, не было самой материальной части, которой они должны были воевать? Вскоре это поняли и «наверху», и ополчение переформировали, влив его в регулярные части. Но прежде, чем это произошло некоторые из ополченческих дивизий (особенно, как тогда рассказывали,

Краснопресненского района, в которую входил Московский Университет, Консерватория, Союз писателей) были сильно потрепаны, чуть ли не в большинстве истреблены.

В этой трагедии выявляется и тот смысл ситуации начала войны, что страна не была к ней готова¹. И если я говорю обо всем этом, то для того, чтобы внести сведения и впечатление, сложившиеся «внизу» в доказательство этого факта, который, все же, некоторые авторы и военные историки официального направления сталинских времен отрицали.

Прожив некоторое время в подмосковном лесу, мы были переброшены, уже автотранспортом, на Запад, тоже в лес. Несколько раз наша дислокация изменялась; подразделение по-прежнему молодыми людьми, мы постепенно растворялись в их массе. И здесь началось – и не только для меня – чрезвычайно тяжелое испытание. Известно, что артиллерийская позиция должна быть подготовлена соответствующими земляными работами. И каждый раз, когда мы переезжали с одного места на другое, позиции надо было рыть заново. На каком-то этапе этих переездов мы были обмундированы и получили пушки. И в этом акте вновь нашла отражение трагичность ситуации первых месяцев войны. Нас вооружили пушками... французского производства 1916 года, т.е. участницами первой мировой войны, и с ними мы вступили в первые бои, о которых я скажу ниже. Теперь уже приходилось рыть не игрушечные, а настоящие позиции, и делать это нам, белоручкам, привыкшим держать в руках не саперные лопаты, а перья и сидеть за письменным столом, было ох как трудно! Не выдерживали поясица, ладони, а кое у кого и сердце.

Не помню точно, когда мы «осели» на относительно постоянном расположении где-то недалеко от Смоленска. наступила пора некоторого предгрозового спокойствия. Насколько это было так, видно из одного по-своему знаменательного эпизода моей фронтовой жизни. В одном из писем к жене (она хранит мои письма с

---

¹ Известный автор «Ледокола», В.Суворов утверждает, что СССР не был готов к обороне, но чуть ли не был отмобилизован к нападению на гитлеровскую Германию. Это никак не подтверждается наблюдениями «снизу». Да и вообще думается, что если бы Красная Армия к концу июня 1941 г., как утверждает автор, чуть ли не была готова к наступлению, то эффект неожиданности, которого Гитлер добился, не мог быть осуществлен в такой мере. Красная Армия была бы тогда в состоянии ответить тут же контрнаступлением. В том-то и состояла трагедия начала войны для СССР, что его армия не была готова к серьезным военным операциям, и мы это отчетливо видели.

фронта), датированном 22 сентября 1941 года я пишу, что получил «продовольственно-вещевую посылку, в ней «Эстетику» Гегеля». Да, представьте себе, мы настолько перешли в позиционный резерв, что я просил прислать мне из Москвы эту книгу (*Гегель*. Сочинения. Т. XII) и в сентябре получил ее. Эту книгу, вместе с Стихотворениями в одном томе Б.Пастернака (ленинградское издание 1933 года) я носил в своем вещмешке и привез с фронта домой. Хороша была эта картина: советский солдат бежит в атаку на немцев, а в его мешке лежит том сочинений великого немца!

Но вскоре этому затишью пришел конец...

Наша дивизия входила в то время в резервный Западный фронт, которым командовал маршал Буденный. Именно в составе этого фронта мы приняли свой первый бой. Это было 2 октября 1941 года. Немцы предприняли свое наступление на Москву, закончившееся их разгромом в декабре этого же года. Бой начался утром. Помню солдат, расположившихся по полю в одиночных окопах. Я смотрел на них как на смертников, потому что одного немецкого танка было достаточно, чтобы уничтожить их, плохо вооруженных. Прорвав основной фронт, немцы обрушились на резервный. Мы не могли оказать серьезного сопротивления со своими пушками времен первой мировой войны. Полк наш и вся дивизия были рассечены надвое, большая часть оказалась в окружении, а другая стала отступать в район юго-западнее Москвы. Я на грузовике с командиром и несколькими бойцами оказался во второй группе, и в десятых числах октября мы прибыли в Москву. К концу месяца благополучно вышла из окружения и основная часть дивизии.

Попав в Москву в это время, я был свидетелем «знаменитой» московской паники, кульминация которой пришлась на 16 октября. Предприятия и учреждения, опасаясь падения Москвы, не успев эвакуироваться в плановом порядке, теперь уезжали почти стихийно, кто как мог, а люди, почему либо отставшие от своих учреждений, уходили из Москвы пешком, двигаясь на Восток, к Нижнему, совсем как в 1812 году. В городе начиналось мародерство, грабили спиртово-водочные предприятия, магазины. Я сам был участником следующего события. В солдатской форме я шел по улице Грановского из Института, со стороны тогдашних улиц Фрунзе и Герцена. С левой стороны по ходу моего движения находилась мастерская по пошиву мужского нижнего белья. Когда я поравнялся с дверьми этого заведения, меня окликнула его сотрудница и предложила взять — разумеется,

бесплатно, — теплые белье и теплые же портянки (вероятно, мастерская работала на войну), приговаривая, что лучше пусть это белье будет у советского солдата, нежели у немца, — так она была уверена, что немцы войдут в Москву. Она меня убедила, я взял то, и другое, и они сослужили мне добрую службу.

В панике, хаотично эвакуировались остальные члены моего семейства — мать, брат (студент ИФЛИ, которого на войну не взяли не только как студента, но и как сына репрессированного отца. Как мы узнали много позже, в это время его уже не было в живых), сестра с мужем и трехлетним сыном.

Дивизия наша воссоединялась и формировалась заново в подмосковной Кашире, куда и я отправился с товарищами. Здесь следует сказать о том, как к этому времени сложилась военная ситуация под Москвой. Должен оговориться при этом, что я воспроизвожу ее по собственным воспоминаниям и тогдашней своей осведомленности, которую я, рядовой красноармеец имел, не обладая никакой специальной информацией. Немцы наступали на Москву и хотели в ноябре войти в нее с Запада и Юга. Именно с юга на Москву шли соединения генерала Гудериана (не знаю так ли это, в последнем издании БСЭ об этом не говорится, но тогда утверждали, что Гудериан в 20-е годы учился в советской военной академии). Он намеревался идти на Москву по линии Тула-Серпухов. Однако, под Тулой он встретил сильное сопротивление и предпринял маневр на Восток, с тем, чтобы идти на Москву не прямо с юга, а с юго-востока, через Каширу. Для воспрепятствования этому маневру под Каширу были переброшены части армии генерала Белова, которой была придана и наша дивизия, и в ее составе — наш полк. Здесь хотелось бы напомнить и отметить, что если на основном западном направлении советское контрнаступление под Москвой началось в первых числах декабря, то изпод Каширы оно началось раньше, в последние дни ноября, и именно с этого времени я принимал непосредственное участие в боях в качестве рядового-красноармейца.

В течение всего дня 29 или 30 ноября мы лежали на снегу (зима 1941-1942 годов была ранней и морозной) и ждали команды. К концу дня она была дана, и мы бросились на деревню, откуда немцы весь день вели ленивый автоматный огонь. Когда мы ворвались в деревню, немцев там уже не было, но были буквально горячие их следы. В избах были брошены котелки с неостывшей еще пищей, походная посуда, всякий скарб, автомашины джипового типа. Это были наши первые трофеи. С этого дня

началось наше контрнаступление. Бои шли за деревни Павловка, Белоутово, Истомино. Я очень сожалею, что после войны так и не удосужился побывать в них, и даже не знаю, сохранились ли они от пожаров войны. В эти дни я был связным при командире роты и обеспечивал связь между ним и командирами взводов, а также батальоном. Функция эта была чрезвычайно опасной. Мне приходилось и днем, и ночью передвигаться под автоматным и артиллерийским огнем. По характеристикам командира роты Нехаева и политрука Пирогова, данным мне на поле боя (оба они впоследствии погибли) и датированным 6-ым декабря, я хорошо справлялся с этими обязанностями. В этих боях 6 декабря я ушиб бедро, сбитый взрывной волной, и 7 декабря был отправлен в военно-полевой госпиталь, где пробыл до 11 числа. Оттуда я уже не попал в свою часть. В то время уследить за передвижениями наступающих подразделений было трудно, если ни невозможно, и меня направили в другой полк.

Это уже была совсем другая армия, молодая и вооруженная (кстати, под Каширой я впервые увидел и услышал «Катюшу» — не песню, а ракетную установку). Так начался заключительный этап моей военной «карьеры». Мы наступали, как я опять-таки сам представляю в направлении Кашира-Серпухов — Таруса, но не заходя в города, а по деревням. Здесь я увидел страшный лик войны. Мы шли по деревням, которые были полностью выжжены. Страшное это зрелище — сгоревший дом, от которого осталась куча пепла и почерневший от пожара остов кирпичной печки с кирпичной же трубой. И еще более страшное — целая деревня таких домов. Ничего живого не оставалось — ни людей, ни скота, ни птицы.

Утром 26 декабря, в наступательном бою я был ранен в кисть левой руки, она превратилась в сплошное кровавое месиво. Если бы немецкий стрелок попал бы на 3-4 сантиметра выше, пуля размозжила бы мою голову. Я остался бы лежать на этой земле. К счастью, у меня был санитарный пакет; я перевязал руку, а перевязку обмотал теплой портянкой, той самой, которую мне вручила работница мастерской по пошиву белья в Москве 16 октября. Был морозный солнечный рождественский день. Я спустился в подвал, где скапливались раненные. Никакой медицинской помощи не было, санинструктора и медсантаб не поспедали за наши наступлением и до передовой еще не дошли. Идти в тыл раненным, способным передвигаться (а в подвале были и раненные, которые передвигаться не могли) было невозможно из

за сильного огня противника. Надо было ждать ночи. Когда стемнело, мы, группа раненых, отправились в тыл, в медсанбат. Там мне оказали первую помощь, а затем отправили в госпиталь, где установили, что я был ранен разрывной пулей. Меня отправили в госпиталь в Серпухов, а оттуда в Москву. В Серпухове мне хотели ампутировать левую кисть, но то ли по техническим, то ли по медицинским соображениям не сделали этого, чего не сделали и в Москве. Прооперировав мою руку, меня погрузили в санитарный поезд. Хотя я и был в тяжелом состоянии (температура поднималась почти до 40 градусов), я чувствовал себя прекрасно — по резкому контрасту с «бытом» последних недель своей жизни, когда приходилось сутками находиться на снегу, иногда вырыв в земле нору и заползать в нее. Не буду рассказывать о том, в каком состоянии были наше белье и наши тела — это нетрудно себе представить, если иметь в виду, что неделями мы не имели возможности хоть как-нибудь помыться (кстати, вспомню здесь с величайшей благодарностью русские деревенские бани, которыми мы пользовались, продвигаясь из Москвы на Запад в июле-августе). И вот в санитарном поезде, — разумеется после санобработки в госпитале — меня, как находящегося в тяжелом состоянии, поместили в «люльку» специального теплого, светлого вагона, где за мной ухаживали, кормили, поили, мыли. На 10-е сутки нас высадили в г.Самарканде.

Собственно говоря, мои воспоминания об участии в военных действиях на этом и заканчиваются. В госпиталях (двух) я пробыл более 5-ти месяцев, после чего был отправлен в Москву. В Москве я прошел надлежащий контроль, признан инвалидом и снят с воинского учета. В октябре 1942 года я вернулся на работу в Институт философии. О том, как протекала моя дальнейшая жизнь во время войны — отчасти (применительно к институтской, деловой жизни) рассказал в воспоминаниях о тех годах (см. *Каменский З.А. Из истории изучения русской философской мысли в 40-х гг. XX века // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1992. Вып. X.*)

Из рассказанного видно, что сотрудники Института философии приняли непосредственное участие в войне, и притом в самые тяжелые месяцы обороны Москвы и в период контрнаступления под Москвой. И задумываясь над вопросом, который теперь часто обсуждается, и не только специалистами, — вопрос о том, когда произошел решающий перелом в ходе войны, я думаю, вопреки многим другим мнениям (называют сражение

под Сталинградом, на Курской дуге), что этот перелом произошел именно в сражениях под Москвой. Вся стратегия Гитлера имела шансом своей реализации блиц-победу. Нужно было молниеносно, до зимы взять Москву, пока не отмобилизовалась огромная и могучая страна, потенциальная мощь которой была несравненно выше немецкой. Поэтому, с стратегической точки зрения решающим моментом, определившим поражение Германии в этой войне, надо считать время, когда был сорван именно этот план – молниеносность победы. И сорван он был под Москвой. Когда к середине декабря выяснилось, что Москва взята не будет, когда Красная Армия под Москвой сперва выдержала натиск, а затем перешла в контрнаступление, стало ясно, что война немцами проиграна, как ни тяжки были те испытания, которые еще предстояли Советскому Союзу до изгнания врага и полной победы. И вот именно в этот период войны добровольцы народного ополчения – чтобы ни говорилось о целесообразности их привлечения – и в их числе добровольцы-философы приняли участие в боевых действиях. Позже они «расползлись» по разным соединениям и штабам, потому что стала ясной бессмысленность их использования на передовой, в качестве рядовых. Одних, по возрасту (как, например, упомянутого Б.Маркуса) просто отчислили из армии. Других перевели на политработу, поскольку почти все они были членами партии и имели надлежащую политическую квалификацию. Как ни мала была роль ополченцев в первые месяцы войны, но эти бесконечно малые величины, проинтегрированные в пределах фронта и всей армии, работали на победу, и в частности на победу под Москвой. И если вновь вернуться к вопросу о готовности страны к войне, то приходится сказать, что если армия в первые месяцы и оказалась не подготовленной в должной мере, то духовно народ оказался к ней готовым. Каким бы недовольством в идеологическом, мировоззренческом и экономическом отношениях ни были обуреваемы многие советские граждане, угроза подчинения страны фашизму отодвигала это недовольство в будущее. Она вызывала всеобщее единение, ставшее одним из важнейших факторов нашей Победы. Это обстоятельство очень важно подчеркнуть сейчас, когда некоторые писатели и публицисты представляют нашу предвоенную жизнь так, будто и защищать-то в войне с Гитлером нам было нечего, что к тому времени не только государство, но и общество настолько разложились, что утратило свои творческие потенции. История вообще, история вой-

ны в частности, показали глубокую неправду этого взгляда. Верно, конечно, то, что говорят теперь о терроре политическом, идеологическом, да и о моральном разложении части общества, особенно довольно широкого верхушечного слоя, о несовершенстве экономической системы, о низком уровне благосостояния, о том, что уже перед войной назрела необходимость глубокого преобразования тогдашнего СССР. Но разве эта печальная повесть о разложении страны была всем, что можно было сказать об огромном двухсотмиллионном народе, о его духовности, о его творческой интеллигенции, о его творческом потенциале, в значительной мере реализованном на многочисленных полях общественной жизни? Нужно ли перечислять все то, что, — несмотря на все это разложение, — сделал народ в области материального и духовного производства? Я думаю, что одна из важнейших, актуальнейших задач историков, писателей, публицистов нашего времени состоит в том, чтобы осознать этот парадокс, это противоречие: как народ, пораженный болезнями сталинизма, создавал все то, чем поражает история в 20-40-е годы и как он смог одержать грандиозную победу над гитлеровской Германией.

Когда Гитлер посягнул на нашу страну, захотел завоевать ее и преобразовать по своим расистским и прочим бредовым канонам, тогда и обнаружилось, что народ этого не хочет, что он откладывает на будущее, до лучших времен внутренние проблемы и распри и объединяется в своем противостоянии смертному врагу. Только при условии такого единения СССР мог победить, и, наоборот, то, что он победил, свидетельствует, что именно так думала нация, отвергая претензии тех русских людей, которые посчитали, что пришло время сводить счеты с российской реакцией, сражаясь на стороне фашистской Германии.

И я чувствую сегодня свою причастность к нашей общей Победе, сознание чего и побудило меня написать эти воспоминания.

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫЕ...

Откликаясь на предложение Совета ветеранов Института философии поделиться своими воспоминаниями о Великой Отечественной войне, я прежде всего задумался о том, что эта война стала *главным событием* моей (и всех ее участников) жизни, а Победа, завоеванная в ней, — нашим лучшим, самым волнующим, священным праздником. Война была для нас решающим жизненным испытанием, своего рода пробным камнем или силовым испытательным полем самопознания; она насквозь просвечивала каждого человека, устанавливая, кто он есть на самом деле — «в — себе», «для — себя» и «для — других», какова мера его возможностей, к чему он готов и на что способен. Это был генеральный «гамбургский счет» человеческих достоинств и ценностей, отделяющий видимость от сущности, мнение от истины: все становилось на свое место. Биография каждого из нас четко разделилась на две части: *до* и *после* войны. Само же ее осевое время, сама битва с фашизмом и его военнополитический и моральный разгром возвышаются как высочайший исторический пик, вершина современной эпохи.

Личные воспоминания о войне естественно переплетаются с размышлениями о ней.

Великая Отечественная война 1941-1945 годов не имеет себе равных как по масштабам и напряженности, трагедийности, так и по своему значению в исторических судьбах России. Название *Отечественная* ставит ее в один типологический ряд с антинаполеоновской битвой 1812-го года; действительно, между ними много общего — их освободительный, подлинно народный ха-

раक्टर. Но опасность, угрожавшая нашей Родине в начале 40-х годов XX века не идет ни в какое сравнение с тем, что было когда-то. В наше время речь шла не только о захвате врагом наших территорий и богатств, угрозе государственной независимости; смертельная опасность нависла в первую очередь над народами Советского Союза, самим их существованием и духовной сущностью, культурой, традициями и перспективами. Это была глобальная, всеохватная угроза. Перед русским народом и другими народами Советского Союза впрямую встал вопрос: быть или не быть?

Война пронизала все сферы общественной и личной жизни, радикально перекроила экономику, технологию производства, транспорт, связь. Она целиком подчинила своим нуждам прессу и радио, их общую направленность, стиль и ритм. Она наложила решающий отпечаток на всю систему образования и культуры в целом, настроив их на свою волну, всемерно усиливая их собранность, целеустремленность, боевитость. И главное, что хочется в этой связи подчеркнуть: эта война была не только противоборством разнонаправленной физической энергетики, мощных, предельно милитаризованных научно-технических потенциалов, орудий, бомбардировщиков, танков, подводных лодок, но и, в первую очередь, столкновением живых людей, человеческих умов и воли, величайшей битвой идей, ценностных ориентаций, мировоззрений.

В непримиримой смертельной схватке противостояли друг другу не только различные стратегии и тактики, но и противоположные философские и этические системы взглядов. Они были явлены миру в действии, предельной обнаженности, в максимуме своих возможностей. И в итоге свет победил тьму, правда одолела кривду, добро взяло верх над злом. В этом, в конечном счете, состоит духовный смысл и значение нашей Победы.

Тем обиднее, тем горше, что в последние годы происходит определенная девальвация этого завоевания; о многом стали забывать. Само понятие «ветеран» все больше размывается, многие уже не видят никакой разницы между Великой Отечественной войной и последующими войнами — афганской, чеченской, абхазско-грузинской и т.п. Коренное различие существа этих войн почему-то не принимается во внимание. Дело дошло до того, что ветераны Великой Отечественной зачастую стесняются надевать свои боевые награды даже в праздничные дни, опасаясь, что молодежь этого не поймет, высмеет. Это и неудивительно,

если вспомнить, что еще недавно и в течение длительного времени наши газеты пестрели позорно-циничными объявлениями о покупке орденов, а в центре Москвы, на старом Арбате всюду шла торговля боевыми наградами, полковничьими папахами и генеральскими мундирами. Да и сейчас не продуманной на государственном уровне остается проблема преемственности между старыми наградами, относящимися к периоду Отечественной войны, и новыми, недавно учрежденными. Тут нет никакой системы. Внешне это выглядит так, что новые награды как бы отодвигают на задний план, обесценивают старые. Это несправедливо. Ничего подобного не было в прошлом — с отношением наших предков к бывшим фронтовым заслугам; они продолжали неукоснительно почитать и много лет спустя, вернее, всегда. Солдатский «Георгий» периода Первой мировой войны сохранил свой авторитет и поныне. А Военная галерея Зимнего дворца, созданная некогда в честь героев Отечественной войны 1812 года, навечно хранит память об их живом образе.

Но самым кощунственным и опасным является бурный рост национализма и ксенофобии, распространение нацистских взглядов среди части нашей молодежи, открытое бравирование свастикой и другой фашистской символикой, издание неонацистской прессы, вооружение этих группировок. Судебные инстанции на находят юридических оснований для пресечения этой деятельности, ссылаясь на отсутствие однозначного формального определения того, что такое фашизм. И это в стране, внесшей ценою неисчислимых собственных потерь основной вклад в разгром фашизма. В стране, претендующей на демократизм.

Кое-кто не стыдится ставить под сомнение саму необходимость и целесообразность этого разгрома, полагая, видимо, что под пятой фашизма ему жилось бы лучше. Но это значит кощунственно перечеркивать героический подвиг нашего народа, нанести смертельное оскорбление участникам борьбы с фашистским злом, миллионам жертв фашистской агрессии, плюнуть всем нам в душу. При всем, совершенно обоснованном критическом отношении к темным, мрачным сторонам нашей предвоенной и послевоенной жизни нельзя плевать в свое прошлое, на историю своего народа, какой бы драматичной она ни была. *Это — тяжкий грех.*

Учитывая все это, нужно решительно возразить против участвовавших в последнее время попыток пересмотреть, «критически» переоценить характер той войны со стороны Советского

Союза, лишить ее значения Отечественной, освободительной, справедливой. Нередко приходится слышать, что социалистическая идеология, существовавшая в советском обществе, и так называемая национал-социалистическая, вернее сказать, фашистская идеология гитлеровской Германии выступали во время Отечественной войны на равных; советская идеология и сталинизм трактуются как абсолютно тождественные понятия. Но это не так. Тут требуется объективный, дифференцированный, конкретно-исторический подход. То, что помечают суммарным обозначением «советская идеология», не было чем-то однозначным и неизменным. За одну эту, достаточно размытую, скобку включаются самые разные явления — не только официальные постулаты правящей номенклатуры, но и далеко выходящие за рамки официальной идеологии идеи демократического патриотизма, общечеловеческие ценности, национальные культурно-исторические традиции. Культура — более широкое и смыслоемкое понятие, чем идеология. Да и советская идеология в собственном смысле слова не была сама себе равной, она проделала сложную эволюцию, развиваясь весьма неравномерно. В период Великой Отечественной войны в ней проявились, в соответствии с тогдашними условиями, и некоторые новые черты: гораздо большее внимание к национальным традициям русского и других народов, более гибкое, толерантное отношение к религии и т.д. Причем этот сдвиг не был односторонне инициирован сверху, он диктовался прежде всего интересами и умонастроением народа.

Нельзя механически отождествлять духовное вооружение советского народа, его сложноструктурный и динамичный менталитет со сталинизмом. Спору нет, Сталин имел огромное влияние на все сферы советской жизни. Его установки, призывы и инвективы были общеобязательны. И, тем не менее, они не исчерпывают всей картины умственного и духовно-нравственного состояния советского общества во время войны. Тут было немало существенных «разночтений» и нюансов. Достаточно сказать, что хотя лозунг «за Сталина!» усиленно насаждался пропагандой, в реальной практике солдаты редко вспоминали о «вожде и учителе» и в бой шли не за кого-то над ними стоящего, а за свою Родину, своих близких и сограждан, свои кровные интересы.

Между сталинизмом и гитлеризмом действительно есть связь, они сближаются по многим параметрам. И тот, и другой представляют крайнюю степень агрессивности, человеконенавистни-

чества, разнузданной социальной демагогии, цинизма, вседозволенности. За тем и другим — ГУЛАГи и Освенцимы, море крови, миллионы невинно убиенных, униженных и оскорбленных. Неслучайно Сталин и Гитлер в течение долгого времени с интересом (и не без взаимной симпатии) приглядывались друг к другу и в какой-то мере верили один другому. Свою веру в немецкого фюрера Сталин сохранил, судя по всему, до самого начала войны, слепо полагаясь на его коварные заверения о дружбе. Это «взаимопонимание» имело давние корни. «Муссолини, — писал в 1926 г. правовед Е.Пашуканис, — заимствовал опыт большевизма». В одной из статей фашистского дуче проводилась параллель между «большевистским и фашистским экспериментом», доказывавшими, по мнению автора, что можно управлять государством помимо и против либеральной доктрины.

Истории известны и конкретные шаги по сближению сталинского и немецко-фашистского руководства: договоры 1939 г. о ненападении и дружбе с нацистской Германией, сталинский тост за «фюрера», утверждения Молотова в докладе «О внешней политике Советского Союза» 31 октября 1939 г. о том, что Германия стремится к миру, что преступно вести войну за уничтожение гитлеризма и т.п.

Это не дает, однако, оснований брать за одну скобку сталинскую политику и реальный спектр умонастроений советского общества. Лучшие его силы были настроены против фашизма. Наш народ был убежденным противником войны, но после того, как нацисты обрушились на нас всей своей мощью и над страной нависла смертельная опасность, советский народ все более осознавал необходимость непримиримой борьбы за освобождение своей Родины — до полной победы над врагом.

В связи с этим уместно внести некоторую коррекцию в известный афоризм Клаузевица о войне как продолжении политики. Этот тезис предусматривал влияние на войну «сверху», со стороны государственной власти. Но определенная детерминация событий осуществляется и «снизу». Если государственная политика обуславливает при известных условиях развязывание войн, то в дальнейшем их течении и особенно, когда идет длительная борьба, втягивающая в свою орбиту многомиллионные массы, всевозрастающее значение в ней приобретают такие факторы, как характерологические особенности народа, его духовный потенциал, его адаптационный ресурс, заложенный в национальном генофонде, выдержка, терпение масс. Все это накладывает

дывает свой отпечаток на характер войны, подход к ней, способность ее участников выдерживать колоссальные стрессовые перегрузки. В освободительной войне, наряду с государственной политикой, активно проявляет себя и то, что можно условно назвать политикой «снизу», умонастроение и спонтанное волеизлияние непосредственных участников войны, нравственно-психологические возможности и устремления народа, его любовь к своей Родине, готовность к самопожертвованию, вера в Победу. В нашей Отечественной войне, в ее самые критические, судьбоносные моменты в полной мере срабатывал спасительный корневой инстинкт национального самосохранения. Народ в полной мере ощутил свою кровную связь с матерью-Родиной. Он как бы брал свою судьбу в собственные руки.

Важнейшим фактором завоевания Победы в Великой Отечественной войне был русский патриотизм и патриотические чувства других народов, участвовавших в борьбе с фашизмом. Это был демократический, народный патриотизм, не противопоставлявший одни нации другим (как то делал германский фашизм), а опиравшийся на их равноправие. Этот патриотизм принципиально отличался от агрессивного национализма, национального эгоизма и шовинизма. Сила его была так велика, что он перешагнул через государственные границы и воодушевлял российскую диаспору, проживающую в других странах, в особенности представителей первой, послеоктябрьской эмиграции. Немало выходцев из России участвовало в движении антифашистского Сопротивления во Франции, Италии, Испании. Не остались в стороне от этого порыва и некоторые старые русские философы. Одним из них был выдающийся мыслитель религиозно-экзистенциалистского направления, высланный в 1922 г. из России, — Н.А.Бердяев. Он не хотел покидать свою страну, а став эмигрантом, не отрекся от нее. И когда гитлеровцы, оккупировавшие Францию, начали склонять его к сотрудничеству, Бердяев решительно отверг их домогательства. В своих воспоминаниях от пишет: «Вторжение немцев в Русскую землю потрясло глубины моего существа. Моя Россия подверглась смертельной опасности, она могла быть расчленена и порабощена. Немцы заняли Украину и дошли до Кавказа. Поведение их в оккупированных частях России было зверское, они обращались с русскими как с низшей расой. Это слишком хорошо известно. Было время, когда можно было думать, что немцы победят. Я все время верил в непобедимость России. Но опасность для России переживалась очень

мучительно. Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной армии. Я делил людей на желающих победы России и желающих победы Германии. Со второй категорией людей я не соглашался встречаться, считая их изменниками. В русской среде в Париже были элементы, которые ждали от Гитлера освобождения России от большевиков. Это вызывало во мне глубокое чувство отвращения. Я всегда, еще со времени моей высылки из России в 1922 году, имел международную ориентацию советскую и всякую интервенцию считал преступной. Я никогда не поклонялся силе, но силу, которая была проявлена Красной армией в защите России я считал providенциальной. Я верил в великую миссию России. В Париже было очень тяжело. Начались аресты друзей и некоторые друзья, депортированные в Германию в качестве политических, погибли там в очень трагической обстановке. У меня несколько раз были представители гестапо и расспрашивали меня о характере моей деятельности... Нужно пережить судьбу русского народа как свою собственную судьбу. Я не могу поставить себя вне судьбы своего народа» (*Николай Бердяев. Самопознание (Опыт философской автобиографии)*). Париж, 1949. С. 357-358).

Если таков был патриотизм изгнанника Бердяева, то само собою понятно, каких высот героического самопожертвования достигал он у наших воинов и тружеников тыла.

Глубокое возмущение вызывают поэтому псевдоисторические писания тех, кто берет на себя роль третьей стороны между Советским Союзом и гитлеровской Германией, верховного трибунала истории, изображал дело так, что инициатором войны был не Гитлер, не фашистская Германия, а Советский Союз. Это противоречит фактам истории. Мы естественно бесконечно далеки от желания как-то «обелить» Сталина: его преступления перед народом не подлежат никакой индальгенции. Но то обстоятельство, что у Сталина и его ближайших сподвижников вызревали замыслы превентивной войны, еще не говорит об их практической подготовленности, реальной готовности к реализации этих идей. Если Сталиным и вынашивались подобные планы, то отсюда никак не следует, что наш народ и армия были о них осведомлены и несут за это какую-либо ответственность — юридическую или моральную. Совершенно очевидно обратное. И, наконец, главное: наличие таких превентивных идей неравнозначно прямым военным действиям. О чем бы тайно ни совеща-

лись Сталин и его сподвижники, какие бы взгляды они ни высказывали относительно желательного момента начала войны, в действительности эту войну развязали и осуществили своим нападением на Советский Союз немецкие фашисты. Реабилитировать их, переложив вину на наш народ, никому не удастся.

Освободительная война против фашизма была не сталинской, а общенародной, и именно наш народ, его армия определили характер войны как великой и справедливой со стороны Советского Союза. Поэтому мы вправе всегда гордиться своей Победой в этой войне, мы должны свято чтить память ее самоотверженных участников, ее героев и видеть в этой Победе апофеоз деятельного добра в его всегдашней титанической борьбе со злом.

* * *

Моя фронтовая судьба связана с 1-ой Ударной армией. Всю войну я провел на Западном, Северо-Западном и прибалтийских фронтах. Первые полгода был рядовым. 7-го июля 1941 г. ушел из Института философии в Народное ополчение.

Свою трудовую жизнь начал рано — с 16 лет. Простояв несколько месяцев в очереди на Бирже труда подростков, стал в 1928 г. подручным стерженщика в литейном цеху Чугуно-литейного завода в Одессе. Потом — учеба на экономическом факультете в философском отделении 9-тимесячных курсов по подготовке преподавателей вузов, работа ассистентом по диамату в Вечернем индустриальном институте, Университете, других вузах. И, наконец, по окончании трехгодичной учебы в аспирантуре философского факультета МИФЛИ (и защиты кандидатской диссертации) я был принят в 1937 г. в Институт философии.

Институт только еще начинал тогда свою деятельность в качестве учреждения Академии наук (до этого он входил в состав Коммунистической академии). Это был весьма малочисленный коллектив, целиком размещавшийся на одном этаже. Среди тогдашних сотрудников особо запомнились мне знаменитый венгерский эмигрант Георг (Дьердь) Лукач и талантливый литературовед широкого профиля В.Р.Гриб. В Институте только еще начинались докторские защиты, первыми защищали свои диссертации В.Ф.Асмус и Б.Э.Быховский. Я тогда же откликнулся на это событие статьей в журнале «Под знаменем марк-

сизма» (№ 6 за 1940 г.). Работая в секторе истории философии (руководителем которого сначала был В.М.Познер, потом Б.Э.Быховский), я опубликовал перед войной ряд статей о русских мыслителях 40-60- годов XIX в. и несколько глав во II и III томах первой послеоктябрьской (1940-1943 гг.) «Истории философии» (Вольтер, Руссо, Мабли, Морелли, Даламбер, Кондильяк, Сен-Симон). Но когда началась война, все другие интересы были отодвинуты на задний план, и мы, группа философов разных поколений (сюда входили наряду с молодыми – А.Я.Зисем, З.А.Каменским и др. также старшие по возрасту М.М.Григорян, Б.М.Кедров, А.А.Макаровский) записались добровольцами в Ополчение. Несколько дней мы провели на казарменном положении в одной из арбатских школ, потом проходили краткую военную подготовку в подмосковном лесу, где учились уничтожать фашистские танки бутылками с зажигательной смесью. Там же происходила первая разбивка по подразделениям. Меня и еще несколько наших сотрудников – П.А.Каширина, М.Х.Каспарьяна и А.П.Хахулина – направили в Истребительный батальон Киевского района. В его задачу входила охрана Рублевского водохранилища от фашистских диверсий, ночные дозоры, борьба с лазутчиками-парашютистами. Позднее наши блиндажи находились на Поклонной горе и в случае надобности нам предстояло участвовать в уличных боях. Мое первое оружие – винтовка «маузер» № 1238.

Осенью 1941 г. наш батальон (как и другие подобные подразделения) был расформирован и его бойцы вошли в состав регулярных войск. 20-го ноября 1941 г. я был вызван в Главное политуправление, где мне присвоили офицерское звание старшего политрука (одна «шпала», соответствующая капитану) и направили в 1-ю Ударную армию. Это была одна из армий, находившихся в ведении Ставки и предназначенных для действия на главном направлении, прежде всего для начала контрнаступления под Москвой. Она состояла в основном из стрелковых бригад и лыжных батальонов (с артиллерийским и танковым обеспечением) и была укомплектована сибиряками, уральцами, моряками Тихоокеанского флота. В течение нескольких дней шло ее сосредоточение в районе Дмитрова. Но времени для подготовки фактически не оставалось. Хорошо помню, как мы, отрыв окопы, пропускали через свои боевые порядки разрозненные отступающие советские части. Эта радикальная смена на передовой оказалась неожиданной для врага. Он рассчитывал и впредь

иметь дело с измотанными подразделениями, тронутыми синдромом окружения. Но оперативно проведенная перегруппировка поставила немцев перед совершенно новым противником, преисполненным наступательного порыва. Все приходилось как бы начинать заново. В этом большая заслуга Г.К.Жукова.

Впрочем, обстановка оставалась в целом весьма взрывоопасной. Гитлеровцы рвались вперед, действовали уверенно и подчас неординарно. Захватив 28 ноября 1941 г. Яхрому и переодевшись для маскировки в красноармейские полушубки и ушанки (есть предположение, что к этой операции был причастен любимец Гитлера известный диверсант Отто Скорцени), они напали на подрывную команду наших саперов, собиравшихся взорвать яхромский мост. А затем, разминировав мост, переправились с танками на восточный берег канала.

Многие помнят предыдущий прорыв фронта и связанную с ним московскую панику 16-го октября 1941 года, когда в ряде учреждений спешно жгли секретные бумаги, а вокзалы переполнялись отъезжавшей номенклатурой. 19 октября было принято Постановление Государственного комитета обороны, объявлявшее Москву со следующего дня на осадном положении. «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100-120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный комитет обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в г. Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и пригородных районах возложить на коменданта г. Москвы генерал-майора т. Синилова, для чего в распоряжение Комитета предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного Трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный комитет обороны призывает всех трудящихся соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие».

Мало кто знает, однако, какая новая угроза нависла над Москвой в конце ноября 1941 года в связи с яхромским прорывом. Встревоженный Сталины допытывался у Жукова: удастся ли удержать столицу? Перед гитлеровцами открывалась прямая дорога на Москву.

Ее преградила 1-я Ударная. Она с ходу вступила в бой с вражескими танками у деревни Перемилово и в итоге отбросила их. В яростной схватке за Перемилово начальник политотдела 50-й стрелковой бригады С.Е.Стрельцов и начальник ее штаба М.Т.Субботин, находившиеся в боевых порядках 3-го батальона, возглавили атаку. Стрельцов был ранен в голову, но не покинул поле боя. Трудная обстановка сложилась на участке 2-го батальона. Немцы бросили туда 15 танков, которые вели сильный огонь. Наши бойцы вплотную подползали к танкам, забрасывали их гранатами. Смертельно раненный командир батальона Ф.Д.Круглов сказал, обращаясь к комиссару Ф.Я.Грачеву: «Товарищ комиссар, продолжайте бить врага». Это были его последние слова. Грачев принял на себя командование, но и он был вскоре ранен. Героически проявили себя и артиллеристы. Когда немцы, перейдя в контратаку, временно потеснили наш батальон, бойцы 2-й батареи артдивизиона 76-миллиметровых пушек 29-й стрелковой бригады стали бить по врагу прямой наводкой.

Потерпев поражение на восточном берегу канала, немцы пытались перейти к обороне; ее центром на этом направлении стал город Яхрома с близлежащими деревнями Степаново и Языково. Все было использовано противником, чтобы закрепиться на местности: кирпичные фундаменты домов, подвалы, чердаки и земляные сооружения. Но ничто не могло остановить армию, окрыленную первой победой. Наши войска под огнем немецкой артиллерии и минометов форсировали канал и к 16-ти часам 1-го декабря 44 стрелковая бригада завязала бой в деревне Степаново. Наступавшая левее 71-я стрелковая бригада овладела деревнями Языково, Борисово, Соколиково. Некоторые населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

Участвовали в наступлении и работники политотдела армии, находившиеся большей частью в боевых порядках. Нам пришлось выполнять в те дни самые разные задания — вплоть до проверки донесений о захвате тактически важных пунктов: установить на месте, кто там находится — наши или немцы. То было время острейших переживаний: визуального восприятия впрямую движущихся на нас фашистских танков, беспрерывных бомбежек (с включением при пикировании дико воющих сирен для устрашения) и охоты «мессеров» за отдельными людьми. Тогда же состоялись первые встречи с пленными немецкими танкистами и летчиками, которые продолжали верить в свою победу и вели себя вначале очень вызывающе.

1-я Ударная сыграла важнейшую роль в разгроме немцев под Москвой. Действуя на северном фланге Западного фронта, она прошла с тяжелыми боями 150 км и освободила Яхрому, Клин, Солнечногорск — всего свыше 800 населенных пунктов. При этом было нанесено поражение 3-ей и 4-ой танковым немецким группам, уничтожено более 25 000 гитлеровцев, 427 танков и бронетранспортеров, 300 артиллерийских орудий, 600 минометов, 254 пулемета, 545 мотоциклов и свыше 5 000 автомашин. Всюду вдоль дороги видны были осязаемые следы немецкого отступления, — еще невиданного в таком масштабе за время Второй мировой войны. Английский министр иностранных дел Иден находился тогда в Москве. Ему было разрешено, по его просьбе, посетить район боевых действий нашей армии. Именно здесь проходила тогда главная линия всемирной борьбы между добром и злом, между демократией и фашизмом, здесь был ее центр тяжести, здесь творилась мировая история. Иден выглядел довольно экзотично в своей огромной пушистой шапке. Я вспоминаю, как он шел в районе Клина, окруженный группой дипломатов и корреспондентов, и с каким напряженным вниманием выслушивал оценку обстановки, даваемую начальником штаба 1-й Ударной армии генералом Н.Д.Захватаевым. Пораженный и воодушевленный, Иден говорил, что теперь он собственными глазами увидел, что самонадеянный немецкий вермахт может терпеть поражение, отступать, бежать, — миф о фашистской непобедимости рухнул под Москвой.

Так, действуя совместно с другими соединениями, 1-я Ударная полностью оправдала свое грозное наименование. Существовало еще несколько ударных армий, но наша была все же *первой* — таков ее боевой путь, такова ее судьба. Правда, знамя Побе-

ды над Рейхстагом водрузила в 1945 году 3-я Ударная армия, но во главе ее стоял в конце войны наш бывший командующий В.И.Кузнецов, а ее ведущим политработником был Ф.Я.Лисицын — наш первый начальник политотдела армии.

Давая общее определение роли 1-й Ударной в битве под Москвой, Г.К.Жуков впоследствии говорил: «...Подойшла Первая Ударная армия, которой командовал Василий Иванович Кузнецов. Между прочим, в ее составе были три или четыре, я сейчас точно не помню, бригады моряков. Это были мужественные бойцы... Они атаковали противника очень лихо и очень быстро сломали его сопротивление, когда перешли в контрнаступление, особенно в районе Клина — да и в дальнейшем тоже». И далее: «Особенно когда была введена Первая Ударная Кузнецова, нам стало понятно, что мы не должны остановиться на контрударах, а должны немедленно использовать такой благоприятный момент и развернуть контрнаступление, о чем мы и докладывали в Ставку».

На Перемиловской высоте под Москвой до сих пор высится монумент в честь героев 1-ой Ударной армии.

Лисицын, начальник политотдела лыжной бригады Ф.И.Кущепин и другие военкомы, с которыми я тогда встретился, были для меня образцом достойного поведения на фронте — смелости, железной выдержки в самых критических обстоятельствах и способности с полуслова понимать людей переднего края, быть всегда понятными для них. Хочу в этой связи высказать свое огорчение тем, что такой хороший писатель, как В.Астафьев, глубокий знаток и со-страдатель солдатской жизни, не сумел, к сожалению, правильно оценить роль политработников в Отечественной войне, однобоко ее осветил в своем последнем романе «Прокляты и убиты». Были, конечно, и в этой среде скверные люди, но где их не было? В целом же и это фронтовое «сословие» честно выполняло свой долг и достойно уважения. Вообще надо сказать, что практически между фронтовым политработником и строевым командиром не было резкой грани. Недаром в ходе боев были установлены для всех общие звания и знаки отличия. Командиры и политработники нередко заменяли и дополняли друг друга, делая одно общее дело; в ходе войны комиссары военизировались, командиры политизировались. И те, и другие вели за собой бойцов — главных героев фронта. Их не следует поэтому противопоставлять друг другу, это несправедли-

во. Я с большим уважением вспоминаю своих боевых товарищей — Бориса Елисаветского, Михаила Кунина, Михаила Голубчикова, Юлиана Острога, Григория Шабельникова и других.

С годами, по мере отдаления тех грозных лет, возникла тенденция стирать всякое различие между фронтом и тылом. Действительно, они были тесно связаны, нераздельны, люди тыла творили героические дела, многим жертвовали для Победы, а в ряде случаев вели фактически фронтовой образ жизни. Понятие тыла условно в том смысле, что даже определенные участки фронта выступали как своего рода ближний тыл по отношению к окопам переднего края, например, медсанбаты, эвакогоспитали. Это был, тем не менее, самый настоящий фронт, хотя, может быть, и за пределами прямого стрелкового огня (но отнюдь не бомбежек и артобстрелов). Была, однако, существенная разница между фронтом и дальним (подлинным) тылом: она определялась постоянной рискованной атмосферой первого. Действующая армия являлась зоной наибольшего риска. Пребывание там означало постоянную, круглосуточную угрозу для жизни. Любимый момент мог оказаться последним. Нередко приходилось слышать свист пуль и видеть ночами их трассирующий полет, направленный в нашу сторону. Короче сказать, человек, находившийся в действующей армии, ее боевых порядках, никогда не знал, будет ли он жив к вечеру, доживет ли до утра. Все это вырабатывало у людей определенную психологию, акцентируя черты особого, я бы сказал, здорового фатализма, выражаемого поговорками: «будь, что будет», «двум смертям не бывать, а одной не миновать». Этот «толстовский» фатализм, не расслабляющий, а, напротив, укрепляющий и спасительный, я часто наблюдал у солдат; таких людей, готовых ко всему, нельзя было ни сломать, ни запугать. С тех пор я проникся величайшим уважением к русскому солдату. Повергли меня в удивление и преклонение наши фронтовые женщины, они были самоотверженны и бесстрашны; за всю войну я не замечал ни у одной из них депрессивных и, тем более, панических настроений; напротив, они часто показывали нам пример стойкости, выдержки, выполняя свой долг и как санитарки, врачи, связистки, переводчицы и как разведчицы, летчицы. В 1-й Ударной прославились своим героизмом снайперы Наташа Ковшова и Маша Поливанова, они погибли. И притом женщины фронта умели еще сохранять в этих тягчайших условиях свою женственность. Честь им и слава, вечная благодарность нашим фронтовичкам.

На войне человек является таким, каков он есть действительно, со всеми своими (иногда неведомыми ему самому раньше, в мирной жизни) достоинствами и недостатками, без всяких прикрас. Я помню, например, такой факт: ранее неприметный, скромный провинциальный бухгалтер оказывался неожиданно для всех в тех экстремальных условиях беззаветно храбрым и предприимчивым разведчиком, героем.

В январе 1942 г. наша армия была переброшена на Северо-Западный фронт. Первое впечатление, заставившее меня содрогнуться: снежное поле, усеянное трупами наших лыжников-разведчиков. Едва мы успели расположиться в одной из деревень, как в соседний дом, где находилась группа работников штаба, попала бомба, он был буквально стерт с земли. Обстановка на этом фронте определялась во многом тем, что в наше окружение попала очень сильная немецкая 16-я армия, так называемая Демянская группировка. В ряде случаев она прорывала окружение (помнится «Рамушевский коридор») и тогда трудно было понять, кто кого окружает в этой болотисто-лесистой местности. Однажды в полуокружении оказались мы, прекратилось нормальное снабжение армии, мешки с сухарями сбрасывались нам с самолетов, это полуголодное существование тянулось довольно долго. Помню ночи, проведенные в зимнем лесу — иногда в палатках, на снегу, прикрытом хвоей, иногда в старых блиндажах. Мы так тогда промерзли, что это ощущение не забыто и сейчас. Помнится также особенное ощущение полусна-полуяви во время ночных переходов в ходе наступления, когда приходилось спать буквально на ходу. В этом «вечном движении» мне иногда казалось, что я иду по Тверской и с двух сторон сверкают знакомые уличные огни, — это были звезды. Возникали порой и совершенно необычные ощущения: например, во время недолгих передышек-пауз вдруг доносилась из немецких окопов патефонная запись музыки Баха или какого-нибудь другого композитора, вскоре прерываемая очередным артналетом.

Моя 1-я Ударная сражалась в районе Пушкинских гор, возвратила родине оккупированные немцами пушкинские места, содействовала разблокированию Ленинграда и сыграла важнейшую роль в битве за Прибалтику: вынудила к капитуляции Демянскую группировку немцев, состоявшую примерно из 400 000 бойцов, и освободила города Дно, Остров, Тарту, Валга, Рига.

Офицер Поарма должен был совмещать несколько качеств: бойца, инструктора-организатора и пропагандиста. Нам приходилось добираться (иногда ночью и с весьма несовершенными картами) до той или иной дивизии, полка, роты; участвовать в приемке и подготовке пополнения, а затем в его боевых действиях и т.д. Довелось мне быть (для установления связи) и в партизанском отряде. Случались неожиданные встречи. Возвращаясь однажды в свой политотдел, я повстречал в прифронтовом лесу Виктора Николаевича Колбановского, работавшего перед войной вместе со мною в Институте философии. Психолог по профессии, он оказался на фронте начальником эвакуационного госпиталя. Мы с ним несколько лет провоевали в Прибалтийских болотах. Я был, естественно, рад этой встрече. Колбановский был еще на Западном фронте тяжело ранен, но оставался в армии до Победы.

Затяжная война, какой оказалась Великая Отечественная, характерна своей всеохватностью, в ней были фактически представлены все стороны и аспекты жизни — люди не только убивали и гибли, но и влюблялись, женились, интересовались мировыми событиями, читали газеты, сотрудничали в своей фронтовой печати. В нашей армейской газете «На разгром врага» работали в разное время известные поэты Михаил Светлов и Илья Сельвинский; мне, к сожалению, не довелось с ними тесно общаться; я, проще сказать, постеснялся. Находясь в нашей армии, Светлов написал знаменитое стихотворение «Итальянец».

После окончания войны, осенью 1945 г., нас перебазировали из Прибалтики в Среднеазиатский военный округ, и я мечтал о скором возвращении в Институт философии. Но не тут-то было: в Ташкент пришел вызов и затем назначение на должность старшего преподавателя военной академии — сначала в Калинин (Тверь), а с 1946 г. — в Академию имени Фрунзе. Так я стал «фрунзовцем», проработал в этом военно-учебном заведении 10 лет, ведя полный курс философии на Военно-историческом факультете. То был новый для Академии и весьма своеобразный факультет типа адъюнктуры, куда принимали с законченным высшим образованием. Среди моих слушателей были женщина-танкист — Герой Советского Союза, позднее писательница Ирина Левченко, известный ныне международник Д.М.Проэктор и другие военные историки. Академия Фрунзе представляла собой по масштабам как бы целый город — с образцово налаженными службами, системой управления, собственной типографией и клу-

бом, боевыми традициями. Возглавлялась она обычно бывшими полководцами Отечественной войны (помню, например, в этой роли генерала П.А.Курочкина, командовавшего Северо-Западным фронтом). Редакционно-издательским отделом руководил Петр Григоренко, будущий диссидент. Для меня это было очень трудное время — лекции приходилось читать почти непрерывно (и это сразу после войны, без передышки, без всякой паузы для подготовки). И не только на своем факультете, но и в вечернем университете для преподавателей и на курсах переподготовки командного состава (где мне довелось встретиться с бывшим зам. нач. Поарма, который стал теперь моим слушателем, и с бывшим нач. штаба 1-й Ударной Захватаевым, как председателем экзаменационной комиссии). Такого напряжения я никогда не испытывал. Моя кафедра была многочисленна — это были бывшие преподаватели гражданских вузов с большим житейским опытом, почти все старше меня. Среди них помню Ольгу Лазо — супругу героя гражданской войны Сергея Лазо. После ликвидации в 1956 г. Военно-исторического факультета я был, наконец, демобилизован в звании полковника запаса и вернулся в родной Институт философии.

Затем я входил в Совет ветеранов своей армии и до последнего времени поддерживаю связь с однополчанами. Это мои боевые друзья на всю жизнь

Как ни сурова и жестока была война, то были годы нашей молодости и для ее участников годы чистой совести. Я не припомню за все это время каких-либо серьезных оскорблений и вообще несправедливостей по отношению к себе во время пребывания на фронте. Скрепки фронтового братства пересиливали все невзгоды. Все еще было тогда у нас впереди, все казалось возможным, и горячо верилось в лучшую жизнь после Победы.

ВОСПОМИНАНИЯ

Вспоминать что-либо хотя и приятно, но не всегда легко. Тем более, что прошло почти полстолетия. Но начнем, однако, с самого начала. О том, что война с Германией будет, мы знали чуть ли не с плененок, особенно после прихода Гитлера к власти.

Исторически так сложилось, что Германия всегда была нашим врагом. Вспомните уничтожение славянских племен на Лабе (ныне Эльбе), в Прибалтике, Пруссии, Польше и других регионах.

Мой отец, Коробков Федор Петрович, перед началом Первой мировой войны был солдатом какого-то гвардии «ея величества» полка. С первых дней на передовой. Получил несколько ранений, попал под газовую атаку, был взят в плен и познал все прелести тогдашнего немецкого «рая». Пытался трижды бежать, но неудачно. В Россию вернулся в 1918 г. Пошел в Красную Армию, в которой воевал до конца гражданской войны.

После появления меня на «этот свет» (в Лотошине, ныне райцентре Московской области), я с семьей жил на Украине, где выучился украинскому языку, в Сибири (на Алтае, близ г. Бийска) и в других местах нашей родины, куда отца посылали на работу. Вернувшись в Москву окончил семилетку; в 1938 г. был принят в Четвертую специальную артиллерийскую школу. Тогда такие спецшколы были созданы во многих местах — артиллерийские, военно-воздушные, военно-морские — в Москве, Ленинграде, Киеве и др. городах. Пахло войной. Нужны были командиры. Старых «офицеров» и полководцев Сталин уничтожил, сохранились лишь немногие. «Дрессировали» нас серьезно. Помимо общеобразовательных предметов мы овладевали артилле-

рийским делом — каждый год летние полевые лагеря. Короче, почти всю артиллерийскую выучку мы получили еще до начала войны. Могли владеть любым известным в то время оружием.

В *апреле* 1941 г. нас досрочно выпустили из школ и распределили по артиллерийским училищам, которых было немало. Все курсанты этих наборов были выпускниками спецартшкол. Я попал в Ленинградское артиллерийское училище (повышенного типа, ибо вместо двух лет нам предстояло учиться три). Никаких документов (а тогда школьникам уже выдавали аттестаты об окончании средней школы) мы не получили. Пришлось после войны, в 1945 г., немало походить и доказывать, что ты не самозванец и имеешь среднее образование.

В мае 1941 г. училище выехало в летние — полевые — лагеря. Началась привычная жизнь, или как мы ее называли «бодяга» — учебные стрельбы из всех видов оружия, наряды, дежурства (из которых самыми приятными были дежурства по кухне; там мы, а курсант всегда голоден, наедались до следующего дня). Первые недели лагерей были заняты подготовкой к параду — открытию лагеря, который должен был состояться 22 июня 1941 г. Лагерь был, как это называется, «вылизан». Но, вдруг, 21 июня, примерно в 20.00, последовал приказ: все, что есть в лагере (палатки, транспаранты, портреты вождей, а также дорожки и сам парадный плац) замаскировать, срыть с земли, засыпать хвоей и чтобы нас было «не видно и не слышно».

Мы, курсанты, большинству из которых было не больше 17 лет, думали, что начинаются какие-то маневры (ни газет, ни радио у нас не было и в помине), начальству, мол, виднее. Но утром, примерно в 4 часа, на ближайшую ж.д. станцию, в 7-8 км от нас, посыпались бомбы. Хотя обстановка была напряженной, многие думали, что это случайность. Ведь с Германией был подписан пакт о «ненападении». Все надеялись на «бога». Однако в 12 часов последовало выступление Молотова — **ВОЙНА**.

Нас, курсантов, быстро вооружили 45-миллиметровыми противотанковыми пушками и начался наш дрейф на Восток. Сквозь многие препоны и преграды в виде речек, болот и пр., мы дотянулись до р. Луги. А это уже была Ленинградская область. От Луги до Ленинграда около 150 км. Нам приказали подготовить оборонительный рубеж, укрепрайон. Рыли эскарпы и контрэскарпы, орудийные позиции и многое другое. К сожалению, вся эта работа пошла на смарку. Немцы позже прорвали оборону наших войск восточнее и вышли к Ладожскому озеру. Наше учи-

лише вскоре вернули на прежнее место, в т.н. Михайловские казармы, около Литейного моста через Неву. С их крыш мы били по немецким самолетам из зениток и счетверенных пулеметных установок.

Буквально накануне прорыва немцев к ж.д. станции Мга, расположенной на берегу Ладожского озера, с чего и началась блокада Ленинграда, наше училище было передислоцировано в г.Кострому, где нас за короткое время довели до «кондиции». Но да и это было «божьим даром», поскольку другие мои одногодники, призванные в армию в первые же дни войны, не имели никакого представления о ней и большинство из них (1921-1924 гг. рождения) погибли.

В декабре 1941 г. нас срочно выпустили из Училища и направили в различные военные округа. Я попал в группу, откомандированную в Архангельск, после этого в г.Вологду, возле которой почти заново формировалась 24 Железная Самаро-Ульяновская дивизия, которая хоть и с потерями, и немалыми, с честью пробилась из окружения, восточнее Киева еще в сентябре 1941 г.

По завершении формирования дивизию отправили на Калининский фронт. Там я служил командиром огневого взвода батареи, офицером связи между дивизией и корпусом, замкомбатом штабной батареи.

В середине лета 1942 г. нашу дивизию перебросили на юг. Как оказалось – под Сталинград. При подходе к городу нас беспощадно бомбили. Немецкая авиация тогда еще господствовала в воздухе. Недалеко от ст.Иловля наш эшелон остановился. Впереди и сзади горели какие-то другие эшелоны. Наш командир батареи приказал срочно вывести весь личный состав из вагонов и уйти в кукурузу, а ее там были необъятные поля. Едва мы это сделали (пушки с платформ снять не могли – слишком высокими были ж.д. насыпи), как на эшелон налетели Юнкерсы (их было 18 штук – мы пересчитали). В результате от эшелона остались крохи. Пушки перекорежило. Лошади, а у нас была конная тяга, сгорели вместе с дежурными ездовыми. Погибли и пехотинцы, не последовавшие нашему совету.

Но война не только продолжалась – разгоралась. По прибытии в пункт назначения (уже пешим ходом), где-то возле хутора Грачи, мне приказали получить новое вооружение. Дали шесть трехтонных автомобилей (трехтонок), команду солдат и документы. Пушки я получил, но к величайшему разочарованию, это

были сорокопятки. По дороге «домой» меня контузило. Вынырнув откуда-то из облаков на рассвете, Юнкерс сбросил двухсоткилограммовую бомбу. К счастью не попал. Меня же взрывной волной выбросило из кузова, наполненного ящиками со снарядами, на которых после всех забот (не спал двое суток) я решил подремать, и изрядно шарахнуло о землю. В госпиталь я не пошел, хотя и было довольно тяжело. Нужно было доставить технику, да и солдат в дивизионе оставалось слишком мало. Но голова и рука после удара еще долго давали о себе знать.

Главной задачей нашей дивизии, армии да и всего Сталинградского фронта было оттянуть возможно больше сил Паулюса от их главной цели — Сталинграда. Ярче всего мне запомнилось наше наступление на фланг немцев, на населенный пункт Кузьмичи, который сейчас на некоторых картах даже не обозначен. Ровная степь, поросшая нескошенной пшеницей, а урожай в том году был удивительный. В ходе боев у нас были убиты или ранены все командиры орудий. Хорошо, что им заранее была подготовлена замена. Кузьмичи в тот раз мы не взяли, но основную задачу — отвлечение сил противника от Сталинграда — выполнили.

Затем было много схваток с немцами. Одной из наиболее неудачных был ночной бой во время смены батареей огневых позиций. Карт местности мы не имели. В лучшем случае нам давали «сколки» (копии) с карт или присылали проводников, которые знали местность едва ли лучше нас. А ночи были темными. Сталинград горел. Дым даже днем застилал полнеба. Ночами не было видно ни луны, ни звезд. И мы, всей батареей, нарвались на немецкую засаду. Внезапно вспыхнуло несколько осветительных ракет. Мы, полуослепшие, были видны как на ладони. В какие-то несколько минут у нас перебило больше половины бойцов и лошадей. Командир батареи капитан Смолянинов был пересечен автоматной очередью (четыре раны в грудь). Но нам все же удалось отбиться и вывезти все пушки. Вскоре выяснилось, что я остался единственным живым командиром в батарее.

Обстановка была крайне сложной. Голую степь, в которой к концу сентября уже не оставалось почти никакой растительности, немцы непрерывно прочесывали огнем из пулеметов и минометов. Связь с полком постоянно прерывалась. Пищу доставляли лишь раз в сутки по ночам. Но мы непрерывно били по фланговым позициям немцев, хотя и стоило нам это довольно дорого. Между прочим, в августе-октябре, я сам поджег четыре немец-

ких тяжелых танка «Т-IV», действуя, как наводчик, ибо в орудийных расчетах оставалось по 2-3 человека, в большинстве из пополнений, среди которых было мало артиллеристов. Сколько всего наша батарея подбила немецких танков — сказать трудно. В отражении массовых немецких атак участвовало, как правило, несколько батарей, «Катюши» и наши танки (последние насчитывались единицами). Каждый подбитый танк, в подобной ситуации, все командиры батарей считали «своим», поэтому выяснить действительную картину было практически невозможно.

В одном из боев за станцию Котлубань в немецком блиндаже мы взяли три наших снайперских винтовки с немецкими цевсовскими прицелами. Примерно в это же время в нашу батарею, в качестве пополнения, прислали двух немцев. Артиллеристы из них не получились, были слишком хлипкими, но охотниками они были отменными. Я пристрелял снайперки, две вручил им, а третью оставил себе. Они начали свою «охоту». Находясь в противотанковых засадах и я, иногда, находил «свободное» время и подстреливал. Не уверен точно, ведь не проверишь, я подстрелил семь или восемь фрицев. Тут меня Аллах и наказал. Немцы прислали своего снайпера и он меня «усек».

В штабе полка, куда я явился с «фронтной карточкой» санроты о ранении, кроме писаря никого не оказалось. Накануне была бомбежка и все начальство разошлось по своим делам. Так что никаких следов обо мне в полку не осталось. Затем медсанбат, операция, эвакуация по донельзя разбитой дороге в г.Камышин (примерно двести километров на грузовой машине), потом рейс по Волге, на госпитальном судне «Память Гурьянова», во время которого нас два раза пытались утопить, и наконец госпиталь в г.Казани (где нас буквально сжирали клопы). Но все это мелочь.

После выписки из госпиталя меня направили на Центральный фронт сначала в УР (укрепрайон, одна часть которого находилась на Бородинском поле), потом в 38 Гвардейскую дивизию, с которой дошел почти до Бреста. После очередного ранения лежал в Киеве. По выздоровлении попал на I Украинский фронт, которым тогда командовал маршал Ватутин, в 30 Киевско-Житомирскую дивизию. В разные времена форсировал Днепр, Днестр, Припять, Стрый и многие другие реки. Пришлось «переваливать» и через Карпаты, уже в составе 4 Украинского фронта, в который передали нашу дивизию. «Закончил» войну в Чехословакии под г.Кошица в конце декабря 1944 г. с двумя осколка-

ми в живот. Всего за время войны был четыре раза ранен, дважды контужен, ведь противотанковая артиллерия это не курорт. Было много тяжелых боев, отступлений, наступлений и просто обычной фронтовой жизни. Но главным в моей фронтовой биографии были бои под Сталинградом, во время которых я стал настоящим солдатом.

Однако и на войне случались комические происшествия. Например, еще в 1942 г. на Калининском фронте. Однажды командиры артполка выехали выбирать новые позиции для батарей, это называлось командирской разведкой. Как я уже упоминал, у нас была конная тяга. Но ездить на лошади в седле я еще не умел (в артучилище мы пользовались автомашинами и тракторными тягачами). И вот, на одном перегоне, моего коня «понесло». Вместе с несколькими другими еще не оперившимися лейтенантами, командирами взводов, мы галопом обогнали командира полка со всей его «свитой». Это было ЧП – нарушение субординации и т.д. Потом, при другом подобном же выезде, помня мое лихачество, мне дали какую-то полудохлую клячу, которая пала подо мной, пройдя несколько километров. Поскольку в то время со снабжением продовольствием на нашем фронте было туго и наблюдались случаи забоя лошадей для «подкрепления» кухни, был издан строжайший приказ о расследовании каждого случая падежа коней. Когда со мной произошел этот «казус», то потребовалось свидетельство ветеринара, что виновник происшествия не я. Но пока искали подобного специалиста, от павшей лошади остались «рожки да ножки». Неподалеку стояла какая-то воинская часть и ее солдаты быстро раскромсали моего «буцефала», не оставив даже копыт, а только хвост да гриву. Меня тихо предупредили, что если и не возьмешь потери, то возможен трибунал. Что мне оставалось делать? Я взял с собой трех ездовых, а солдаты ко мне относились неплохо, и пошел на «поиск». Побродив довольно долго по окрестностям, мы на лесной полянке наткнулись на табунок лошадей. Среди них выделялся вороной жеребец, который нам очень понравился и которого мы, по глупости, сразу же обратали – благо, что не было никакой охраны. Вернувшись в часть, я доложил, что «распоряжение» выполнено. Но на следующий день по полку пополз слух: у командира дивизиона «увели» коня. Мне что-то стало нехорошо на желудке. Вскоре у нашей коновязи появились коноводы комдива и с торжеством забрали взятого мной «языка». Последовал вызов к командиру дивизиона. Речь его, сами понимаете, была

«образной». На мое счастье там же присутствовал комиссар нашей дивизии. Он что-то читал. Но, краем глаза, я увидел, что он тихо «ржет». На этом инцидент завершился, хотя я надолго попал в разряд «трудноисправимых».

В июне 1945 г., отлежав в госпитале почти семь месяцев (в г.Дзауджикау, ныне снова Владикавказе), я был уволен в «отставку», как инвалид Отечественной войны. Началась моя «штатская» жизнь, от которой, признаться, я уже отвык. Но надо было что-то делать — не ходить же все время по кабакам. Окончил Московский институт востоковедения, который какие-то идиоты прикрыли в 1954 г., работал в разных организациях, но более четверти века провел в Институте философии АН СССР.

В 1987 г., 23 февраля, включив телевизор, я услышал передачу о боях под Сталинградом. Их участник, Ламкин Владимир Ильич, посетивший незадолго до этого памятные места, между прочим сказал, что там погибли несколько его однокашников, выпускников 3 Ленинградского артиллерийского училища, в том числе лейтенант Александр Коробков. Я связался с Гостелерадио, в котором работал некоторое время, узнал кто выступал, его телефон и позвонил. «Что же это ты похоронил меня раньше времени? — спросил я. После этого В.И.Ламкин связался с другими бывшими курсантами нашего Училища, служившими в одном взводе, оказавшимися в Москве. Мы встретились и славно провели вечер за «рюмкой чая», «бойцы вспоминали минувшие дни...».

Прошло полстолетия после окончания этой страшной войны. Многих уже нет. Старые раны иногда дают о себе знать. До сих пор, по ночам, снятся жестокие схватки, полузабытые лица друзей и солдат. Но забывать о прошлом нельзя, если забудешь оно вернется к тебе или твоим потомкам в еще более неприглядном виде.

Вот, пожалуй, и все. Ведь это не мемуары какого-нибудь маршала, а лишь некоторые воспоминания рядового участника Великой войны.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: МИФЫ И РЕАЛИИ

Восточный фронт представлял для военно-политического руководства фашистской Германии зону особых интересов. Ставились цели не просто военного разгрома Советского Союза, а ликвидации на его территории любой формы национальной государственности¹. Более того, речь шла о превращении всей Восточной Европы (за исключением земель непосредственно присоединенных к Германскому рейху) в немецкие колониальные провинции. На практике это означало истребление, порабощение и переселение миллионов людей. Согласно генеральному плану «Ост» предполагалось в течение 30 лет на «освобожденные» в Восточной Европе земли поселить 10 млн. немцев, а оставшихся местных жителей (по расчетам гитлеровцев около 14 млн. человек) постепенно онемечить.

Таковы изуверские планы немецкого фашизма, на фоне которых особенно рельефно выступает историческая значимость Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Если сбросить идеологические шоры и непредвзято обратиться к истории, как это сделали, например, в 40-х годах патристические слои первой волны русской эмиграции, то объективно вытекает вывод: май 1945 — детище Октября 1917 года. Советская власть в невиданно короткий срок превратила отсталую Россию (более 80 процентов населения было неграмотно) в индустриальную державу. Был создан военно-технический и экономический потенциалы, которые несмотря на все территориальные, материально-сырьевые, технические и человеческие поте-

ри в первые годы войны, смог противостоять военно-техническому и экономическому потенциалу Германии и оккупированных ею европейских стран.

Да, можно было предотвратить тяжкие военные поражения 1941 и 1942 годов. Встретить фашистскую военную машину хотя бы приблизительно так, как это произошло в 1943 году на Курской дуге. Великая Победа досталась ценой огромных жертв. И когда слышишь сентенции «новых русских» о напрасности жертв и ненужности победы, невольно задумываешься над тем, появился ли бы вообще каждый из них на свет в случае победы гитлеровцев и дожил бы до наших дней — раз уже появился, не говоря о том, пил ли или нет сейчас «баварское пиво». Утрата исторической памяти — свидетельство распада личности и не только личности, но и связей поколений, без чего социум теряет свою историческую устойчивость. «Иван, не помнящий родства» — всегда представлял отрицательным персонажем русского народного творчества.

Ратного же и трудового героизма в грозные дни нашему народу не занимать. Те, кто сейчас изображают Советский Союз «империей зла», должны поклониться советскому, в первую очередь, русскому народу, его патриотизму и мужеству, который несмотря на тяжкие испытания и трудности выстоял и победил. Надругательством над памятью мертвых выглядит в наши дни и попытки вновь явленных «редакторов истории» замолчать роль Коммунистической партии. Коммунисты были самой самоотверженной частью народа. В боях за Родину отдали свою жизнь во имя победы более 3-х млн. коммунистов (численность компартии перед войной — около 4-х млн. человек, в то же время в члены партии вступило 3,6 млн. человек, в кандидаты — 5,3 млн. Они имели только одну привилегию: быть там, где труднее всего, первыми подниматься на пулеметы. Хотим мы этого или нет, но реалии жизни не подвластны мифам.

Вместе с тем, мы погрешили бы против правды, если бы не сказали и другое: в предвоенные годы у многих наших сограждан накопилось чувство обиды на советскую власть (последствия гражданской войны, раскулачивания, массовых репрессий, косивших, прежде всего, самих коммунистов, и др.). Однако государственный патриотизм, издревле присущий нашим соотечественникам, отодвинул эти обиды на задний план. Перед лицом

вражеского нашествия народ встал непреступной стеной. Произошло признание советской власти как общенародной, общенациональной ценности.

Конечно, и в годы Отечественной войны не обошлось без шкурников, трусов и предателей. Наиболее известным из числа российских коллаборационистов был генерал А.А.Власов, командующий сформированной в 1944 году под покровительством Гимmlера Русской освободительной армии (РОА)². Власовым двигали совсем не идейные соображения борьбы со сталинским режимом — миф, который совсем недавно пытались навязать общественному мнению наши ангажированные средства массовой информации, а страх отвечать за судьбу брошенной им в критический момент 2-й ударной армии Волховского фронта и добровольную сдачу в плен. Власов не стал и не мог стать политической фигурой: все его действия находились под жестким контролем фашистского военнополитического руководства. РОА же соответственно — не было самостоятельным военным формированием. С самого начала гитлеровцы уготовили ей позорную роль и не менее позорную судьбу.

РОА не связывала какая-то общая идея. Ее контингент был весьма разнородным. Он состоял: из идейных противников советской власти, в первую очередь активных участников белого движения; «перебежчиков», уверовавших в непобедимость вермахта и готовых служить «новому порядку»; откровенных уголовников — грабителей и насильников; физически и морально сломленных голодом и истязаниями бывших советских военнопленных, представлявших большинство личного состава РОА.

Многие из таких «добровольцев» рассчитывали на то, чтобы выжить и при первом удобном случае перейти линию фронта или присоединиться к партизанам. Но гитлеровцы предусматривали все. Они изощренно клеймили «добровольцев» печатью предательства, вовлекая их в различного рода акции, вплоть до кровавых расправ («бригада Каминского», ставшая затем I-й дивизией РОА, участвовала в подавлении Варшавского восстания 1944 года). Не отставала от гитлеровцев и власовская контрразведка, арестовывая и расстреливая всех подозреваемых в симпатиях к советской власти. Сделав неверный шаг, бывшие военнопленные становились жертвой обмана и самообмана.

История не знает сослагательного наклонения. Ее нельзя вернуть: вспять и на чистой доске начать все сначала. Вместе с тем гипотетически можно представить альтернативу Октябрю-

кой революции. Такой альтернативой является по всей видимости не февраль 1917 года, который самой логикой событий подвел к октябрю, а столыпинская реформа. В этом плане в последнее время получило известное распространение мнение, будто столыпинская реформа — при условии победоносного для России завершения первой мировой войны и дальнейшего продолжения начатых П.А.Столыпиным преобразований — за 20-30 лет мирного развития превратила бы Россию в высокоцивилизованное общество Западного типа, способное противостоять традиционному немецкому «натиску на Восток».

Дореволюционная Россия (на психологическом уровне в известной мере и сейчас) оставалась крестьянской страной. И хотя процесс расслоения сельской общины на богатых и бедных уже был в годы столыпинской реформы обыденным явлением, в образе жизни крестьян прочно удерживались общинные начала, сыгравшие в советское время определенную роль в общем восприятии крестьянством идей коллективизации сельского хозяйства. В массовом крестьянском сознании частная собственность на землю (главное в столыпинских экономических преобразованиях) отождествлялась с собственностью помещиков и деревенских «мироедов». Отсюда и крестьянские наказания накануне Октябрьской революции об «отмене навсегда» частной собственности на землю («Земля — ничья: она божья»), положенные в основу эсеровской программы социализации земли, с которой еще не расколовшаяся на «левых» и «правых» партия эсеров выступала на выборах в Учредительное собрание, а затем — знаменитого Декрета о земле второго Всероссийского Съезда Советов. Чтобы всецело капитализировать аграрные отношения в России, надо было до конца сломать и вытравить из сознания крестьян общинный уклад жизни. При всех мыслимых идеальных условиях (на что уже обращалось внимание) для этого в самом лучшем случае потребовался бы гораздо больший срок, чем 20-30 лет. Даже в абстракции считать, что за такое короткое время Россия поднялась бы в своем развитии на уровень, скажем, Франции представляется весьма спорным утверждением.

Вызывают возражения и рассуждения, будто приход Гитлера к власти представляет собой ответ на вызов «советского коммунизма». Фашизм утвердился в Германии на волне реваншизма, порожденного Версальским мирным договором. Гитлер был нужен рурским магнатам и прусским юнкерам, чтобы решать гер-

манские проблемы за счет народов других стран, в первую очередь России. На почве германского милитаризма могли взойти лишь семена расизма.

Антикоммунистическую карту разыгрывали в то время с А.Гитлером Н.Чемберлен и Э.Даладье. Чем закончилась эта игра, хорошо известно. При тогдашнем раскладе внешнеполитических сил развязывание второй мировой войны приняло неотвратимый характер. Однако ее итоги, не будь такого противника фашизма, как Советский Союз, могли иметь иные, катастрофические для судеб человеческой цивилизации последствия. Не исключено, что современный «новый мировой порядок», образно говоря, вращался бы на оси Берлин-Токио.

Победа над фашизмом в Великой Отечественной войне превратила Советский Союз в Великую мировую державу, одного из учредителей Организации Объединенных Наций, постоянного члена ее Совета безопасности. В послевоенные годы был достигнут военно-стратегический паритет СССР и США, утвердилось своеобразное биополярное равновесие международных отношений, другими словами – мирное существование двух мировых систем: капитализма и социализма. Обратной стороной этого мирного существования всегда выступала холодная война. В этой войне, продолжавшейся почти 50 лет, Советский Союз потерпел поражение. Плоды победы в Великой Отечественной войне оказались фактически сведены на нет. Не останавливаясь специально на причинах поражения, отмечу лишь то, что ссылка на несостоятельность социалистической идеи ничего не объясняет. Она вполне вписывается в мифотворческий ряд.

Сознаем мы это или нет, но ростки новых, строго говоря уже некапиталистических в классическом смысле слова, отношений все больше дают о себе знать в современном мире. Не случайно специалисты считают, например, что экономику Финляндии надо сейчас определять как экономику народно-трудовую, более социалистическую, чем капиталистическую. Социализация экономики выступает в наше время атрибутивной характеристикой всех развитых стран. Оно включает в себя государственное регулирование и в некоторых аспектах – планирование экономического роста; государственное перераспределение национального дохода, учитывающее в известной мере интересы трудовых слоев населения; индивидуальное предпринимательство с использованием кооперации; коллективное предпринимательство, ориентированное не только на традиционные

трудовые кооперативы, но и новые формы самоуправления, основанного на новых формах трудовой коллективной собственности (федерация кооперативов, закрытые акционерные общества работников). Я уже не говорю о том, что каждый пятый человек на Земле (учитывая Китай) живет и трудится в условиях социалистического строительства.

В холодной войне потерпел поражение не социализм вообще. Потерпела поражение сложившаяся в нашей стране законсервированная авторитарная форма строительства социализма, с ее жестко централизованной мобилизационной экономикой, с отчуждением человека от собственности и власти. В свое время мобилизационная экономика сыграла у нас положительную роль в ускорении развития, а затем (после Великой Отечественной войны) восстановления народного хозяйства. Но в силу уравниловки, отсутствия эффективных стимулов труда она оказалась нежизнеспособной в обстановке мирного сосуществования и соревнования противоположных общественных систем. Было проиграно сражение с развитыми капиталистическими странами за права, свободы и благосостояние человека. Кульминацией этого процесса оказалась бездарная перестройка, открывшая шлюзы развала страны.

Поражение одной из двух супердержав в холодной войне стало дестабилизирующим фактором международной жизни. Оно наложило негативный отпечаток на региональные и глобальные процессы. Биполярная реальность международной жизни, позволявшая оценивать возникающие социальные коллизии с различных политических позиций, уступила место монополярной реальности, что усилило и обострило конфликтность вновь образованного мирового порядка, односторонне определяемого теперь интересами США.

Каковы же глубинные причины военных столкновений новейшей истории – двух «горячих» и одной «холодной» мировых войн?

Хорошо известен вывод о том, что мировые войны порождаются монополистической стадией развития капитализма. Однако как объяснить вооруженные столкновения между социалистическими странами (СССР-КНР, КНР-СРВ)? Есть ли гарантии того, что нечто подобное не окажется в будущем спусковым механизмом мировых потрясений? В современном мире имеются, следовательно, более общие причины, грозящие превратить локальные конфликты в мировые и объяснить такие причины, видимо, нельзя только специфическими противоречиями капита-

лизма. Суть проблемы заключается, с моей точки зрения, в следующем: в технико-технологическом плане капитализм и социализм, несмотря на все свои социальные различия, являются двумя моделями индустриального общества. Их развитие продолжает оставаться естественноисторическим процессом, основу которого составляют имманентные взаимодействия общественного производства, производства и потребления материальных жизненных средств, где опосредствующим звеном, доминантой и двигателем происходящих изменений выступает безграничный рост человеческих потребностей.

Неконтролируемый рост материальных и, особенно в наше время, престижных материальных потребностей с естественной необходимостью вызывает количественное и качественное расширение общественного производства, а значит и расширение производственного потребления природных сырьевых и энергетических ресурсов. В условиях поделенного между государствами мира это и порождает стремление к его переделу, создание нового мирового порядка. В конечном счете и первая и вторая мировые войны были связаны с борьбой за источники сырья и рынки сбыта. Победители в холодной войне также надеются на подобный передел за счет природных богатств России и других стран СНГ. Отсюда и навязываемые нам структурные изменения народного хозяйства, ориентированные на ресурсодобывающие отрасли, т.е. структурирование нашей экономики по типу экономики развивающихся стран.

«Золотой миллиард». Так определяют на Западе благосостояние населения развитых стран, процветание которых зависит и от такого фактора, как неэквивалентное присвоение ими природных и трудовых ресурсов развивающихся стран. Нынешний мировой порядок исходит из разделения народов на богатые и бедные. Но это ведет и не может не вести к новому мировому потрясению. Есть здесь и другая сторона проблемы. На основе современной индустриальной технологии жизненные стандарты «золотого миллиарда» в принципе недостижимы для всего человечества. Даже приближение к ним чревато многократным увеличением социогенной нагрузки на природную среду, что неотвратимо привело бы к глобальному экологическому кризису, а вместе с ним, если не к полной гибели, то по крайней мере — к физической, духовной и социальной деградации человеческого рода.

Горизонты будущего открывает человечеству переход от индустриального к постиндустриальному (информационному, информационно-экологическому) развитию, неотделимому по своей сути от универсального развития человека. Господствующая в индустриальном обществе тенденция безграничного роста материальных потребностей людей должна уступить свое место процессу сознательного формирования их разумных материальных потребностей, определяемых параметрами допустимого социогенного давления на природную среду, требованиями устойчивого состояния системы «природа-общество». Возвышение человеческих потребностей представляется в постиндустриальном обществе как возвышение информационно-духовного начала всех сфер человеческой деятельности, формирование своеобразного социокультурного «синкретизма». Каким бы термином ни обозначать постиндустриальное общество, оно, видимо, должно реализовать принцип: свободное развитие каждого – условие свободного развития всех.

Человеческая цивилизация переживает переломный момент своего развития. Суть этого перелома заключается в том, чтобы утвердить в общественной жизни приоритет информационно-духовных начал, преобразовать на этой основе технологию общественного производства и систему общественных отношений. Только совместные действия всех ответственных политических сил, их общий разум и воля могут отвратить вселенскую катастрофу, сохранить достижения мировой культуры, открыв первые страницы нового этапа человеческой цивилизации.

---

¹ См.: Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Документальная экспозиция. Берлин, «Аргон». 1992. (на русск. яз.).

² См.: *Колесник А.* РОА – власовская армия. Судебное дело генерала А.А.Власова. Харьков «Простор». 1990.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ

Вторая мировой война, принеся нечислимые бедствия и страдания народам многих стран мира, была порождена империализмом, резким обострением присущих ему противоречий. Ведущую роль в подготовке и развязывании этой войны сыграл фашизм, в котором наиболее полно отражалась агрессивная сущность империализма, люта я ненависть к демократии и социализму, к Советскому Союзу. Фашизм явился концентрированным проявлением политической реакции по всем линиям.

Потерпевший поражение в первой мировой войне германский империализм возродил и расширил свою военно-экономическую базу при активном содействии США, Англии и Франции. Фашистские партии, прежде всего в Германии и Италии, обрушили свой удар на революционные и демократические силы, подчинили все росту милитаризма, подготовили страны к захватническим войнам. Германия, Италия и Япония открыто провозгласили своей целью захват чужих территорий, порабощение и истребление целых народов, установление «нового» порядка на планете Земля. Политика попустительства западных держав благоприятствовала агрессорам. Усиление германского национализма привело к крайней неустойчивости межнациональных границ в Центральной и Восточной Европе.

Первые захватнические действия европейских фашистских государств начались с нападения Италии на Эфиопию в 1935 г. затем весной 1938 г. Германия осуществила аншлюс Австрии. Военное вмешательство Германии и Италии в гражданскую вой-

ну в Испании способствовало победе фашистских сил и установлению франкистской диктатуры в Испании. К октябрю 1938 г. гитлеровские войска заняли Судетскую область, в середине марта — всю Чехословакию.

В 1938 г., когда гитлеровские войска двинулись в направлении заселенных немцами территорий Чехии, сразу не обнаружилось, что не только немецкое население Чехословакии, но и венгерское меньшинство, более того, значительная часть словацкого населения не испытывала чувства солидарности с чехословацким государством. Явные признаки отсутствия солидарности сыграли свою роль и в том, что западные державы согласились на раздел исторической Чехии на две части на основании этнического принципа. Однако Мюнхенский договор означал не просто раздел этой страны, а ее полное подчинение имперской Германии. Через полгода после этих событий последовала оккупация всей Чехии. Чехи с горечью ощущали (и с полным на то основанием), что Европа оставила их на произвол судьбы, а национальные меньшинства нанесли им удар в спину.

Продуктом политического сознания в Центральной и Юго-Восточной Европе, формировавшемся под воздействием страха за свое существование, было и то, что внешняя политика этих стран в период между двумя мировыми войнами в конечном счете определялась не принципами, душевным складом народа и даже не общественными интересами, а исключительно той позицией, которую эти страны занимали в территориальных спорах.

В 1938 г. территориальные притязания заставили Польшу двигаться в одном направлении с Германией несмотря на то, что ее интересы диктовали прямо противоположное; территориальные устремления заставили Италию в 1940 г. вступить в войну; территориальные проблемы стали причиной того, что Польша в 1941 г. оказалась среди стран фашистской коалиции; также территориальные претензии привели к тому, что Венгрия и Болгария, несмотря на их твердое решение не выступать на стороне неправых сил, в решающий момент все же вступили в войну на стороне Германии. Особенно показателен случай Болгарии. Действительно, трудно было бы утверждать, что Болгарию заставил встать на сторону Германии ее империализм, а сербов привел в стан Малой Антанты их демократизм: внешнеполитическая позиция этих двух балканских стран с аналогичной структурой хозяйства и общественным укладом также определялась территориальными конфликтами. Этим и объясняется тот факт, что

Болгария, традиционно пользовавшаяся поддержкой России, в решающий момент все же устремилась в том направлении, где надеялась удовлетворить свои территориальные притязания.

1 сентября 1939 г. без объявления войны Гитлер напал на Польшу. В апреле 1940 г. немецкая армия оккупирует Данию и Францию. Осенью 1940 г. Гитлер добился усиления влияния Германии в государствах Юго-Восточной Европы с целью овладения Балканами и обеспечения южного фланга своих войск при нападении на Советский Союз. В ноябре этого же года к тройственному пакту (Германия, Италия, Япония) присоединилась хортистская Венгрия и королевская Румыния, а в марте 1941 г. монархическая Болгария. Вслед за этим немецкие войска вступили на территории этих государств.

6 апреля 1941 г. фашистские страны без объявления войны совершили внезапное нападение на Югославию, в котором участвовала 51 дивизия, из них 24 — немецкие, 22 — итальянские, 5 — венгерские. Одновременно с вторжением немецких войск немецкая авиация (около 500 бомбардировщиков и 250 истребителей) утром 6 апреля совершила разбойничий налет на Белград.

В результате апрельской войны Югославия была поделена между фашистскими агрессорами. Словения — между Германией, Италией и Венгрией, Сербию и Банат захватила Германия, отдав пограничные районы Болгарии, большую часть Далмации, Черногорию, Косово и Метохию оккупировала Италия; Бачку, Баранью и часть территории захватила хортистская Венгрия; Македонию поделили между собой фашистские Италия и царская Болгария. Оккупационные власти создавали политические организации квислинговского характера. 10 апреля 1941 г. фашистские агенты в Загребе провозгласили усташское независимое государство.

Католики хорваты, вчерашние соседи сербов, уничтожили различными способами сотни тысяч мирных сербских жителей. Несмотря на то, что усташская Хорватия поддерживала тесные связи с Ватиканом, откуда непосредственно получали высочайшее благословение на свои дела, на службе этого государства состояли и многие мусульмане (независимая держава хорватская включала в себя Боснию и большую часть Сербии, образовав таким образом Великую Хорватию). Различающиеся по вере хорваты и мусульмане были едины в своем стремлении уничтожать православных сербов. Только в концлагере Ясеновац было уничтожено около 900 тыс. сербов. Сербскому народу тогда был на-

вязан «новый порядок», как и сейчас Запад навязывает ему уже свой «порядок». А Европа, особенно Германия, всегда со страхом смотрела на возможность объединения сербов, особенно на восстановление сербского государства в границах царя Душана. Это означало бы для немцев закрытие пути на гигантский азиатско-африканский рынок (а сегодня – путь к нефтяным запасам Востока). Ведь Балканы – кратчайший путь между Западом и Востоком.

Война показала, что классовая солидарность с немецкими трудящимися в годы войны невозможна, значительная часть немецких рабочих была одурманена фашистскими идеями, а разгром социал-демократической и коммунистической партий Германии не позволял надеяться на ослабление фашистской государственной машины, разложение немецкой армии.

В освободительной борьбе народов Югославии зародилась армия в составе 800 тыс. бойцов, которая в течение четырех лет приковывала к себе несколько десятков вражеских дивизий, столь необходимых Гитлеру на других фронтах мировой войны. В реальной обстановке на первый план вышла идея национального достоинства, государственности и единства всех славянских народов. Рост самосознания народа проявился в массовом героизме на фронте и в тылу, в подлинном патриотизме и интернационализме.

Приведу один пример. 13 июля 1941 г. вспыхнуло вооруженное восстание в Черногории. В воззвании Комитета КП Черногории говорилось: «К национальной свободе можно придти лишь в содружестве со всеми поработенными народами Югославии и Балкан, только в союзе с великой, могучей и непобедимой страной социализма – Советским Союзом». Итальянское фашистское командование направило в Черногорию сначала четыре, а затем еще две дивизии, участники восстания были подвергнуты варварской бомбардировке, но им не удалось уничтожить партизанское движение. «Ни карательные экспедиции фашистских стервятников, ни сожженные села, ни тяжелые жертвы, ничто не могло сломить боевой дух черногорского народа», – говорилось в воззвании ЦК КПЮ от 7 ноября 1941 г.

1941 г. закончился крупными успехами народно-освободительного движения Югославии, в стране образовался новый театр военных действий. Вооруженные силы освободительного

движения сковывали действия примерно полумиллионной армии оккупантов. Героическая борьба югославских народов против фашистского агрессора последовательно поддерживалась СССР.

Другую политику проводили по отношению к Югославии правительства Англии и США, которые поддерживали эмигрантское королевское правительство. В разгар наступательных операций Красной Армии в июне 1944 г. была осуществлена высадка британских и американских войск на севере Франции. Открылся второй фронт в Европе, которого так долго ожидали народы мира. Гитлеровская Германия была зажата в тисках между двумя фронтами.

Выполнив свою задачу по освобождению оккупированных районов СССР, Красная Армия перенесла свои боевые действия на территории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и помогла народам этих стран освободиться от фашистского ига.

Историческая правда говорит о том, что главная тяжесть войны легла на плечи советского народа и его Красной Армии. Советско-германский фронт в течение всей второй мировой войны был главным и решающим фронтом. Народы Советского Союза, Югославии и других стран высоко ценят вклад США и Англии в общую борьбу против агрессивных фашистских государств. Они хотят, чтобы во всех странах объективно оценивалась решающая роль Красной Армии в разгроме общего врага, роль и значение в деле национально-освободительных движений.

В сентябре 1944 г. советские и югославские войска встретились на восточных границах Югославии и в едином строю двинулись на штурм Белграда. В течение более трех лет Красная Армия и НОАЮ как две братские армии героически сражались против общего врага, находясь на значительном расстоянии друг от друга. Теперь, осенью 1944 г. они плечом к плечу громили немецко-фашистских захватчиков. Разрабатывая план штурма Белграда, советское и югославское командования учитывали, что наличными силами окружить город и уничтожить довольно сильный гарнизон врага будет невозможно. Белград и его окрестности обороняла крупная группировка противника. Весь город был заминирован и разделен на ряд зон сопротивления. В основу замысла штурма были положены быстрота и внезапность действия войск. Штурм города объединенными силами требовал координации всех родов войск советских и югославских соеди-

нений. Утром 14 октября на совместном совещании 1-й армейской группы НОАЮ и 4-го гвардейского механизированного корпуса Красной Армии были окончательно согласованы действия советских и югославских войск в наступлении на Белград. Во второй половине дня 14 октября мощный грохот советской артиллерии потряс окрестности Белграда. И как только отзвучал залп «катюш», известивший об окончании артиллерийской подготовки, лавина советских и югославских воинов устремилась на улицы города. Советское командование, чтобы избежать больших разрушений в городе, сохранить жизнь населения, приказало своим войскам крайне осторожно использовать мощную боевую технику. Военный Совет III-го Украинского фронта отдал распоряжение войскам по мере освобождения городских кварталов немедленно приступить к разминированию зданий. Гитлеровцы заминировали все правительственные и административные здания, исторические памятники, водопроводную и канализационную сети, электростанции, порт. В результате умелых самоотверженных действий саперов, осторожного применения боевой техники советские воины спасли от разрушений многие здания, сохранили жизнь тысячам граждан. Жители Белграда все это понимали и сердечно благодарили своих освободителей. На улицах стихийно возникали митинги. Со всех сторон звучали слова благодарности в адрес советского народа, Красной Армии и Народной освободительной Армии.

Отгремели бои за Белград, советские войска уходили на венгерский участок фронта, а югославская армия продолжила преследование и уничтожение фашистских войск, отходивших в Междуречье Дуная и Савы, на Запад.

В Югославии, Польше, во Франции и Греции, в Испании и Чехословакии, Албании и Норвегии, во всех других оккупированных фашистами странах выразителем воли, свободы и национальной независимости были рабочий класс и его коммунистические партии. В составе Народной освободительной армии Югославии действовали 63 особые национальные части (итальянские, болгарские, албанские, австрийские, венгерские, немецкие и др.). Массовым было участие представителей других народов в партизанском движении на оккупированной территории СССР, во Франции и других странах.

Антикапиталистическая и псевдосоциалистическая демагогия фашистов проникла в сознание части рабочего класса, большинства крестьянства, других мелкобуржуазных социальных слоев

Германии. Одурманиванию трудящихся масс способствовали легкие победы Вермахта над странами Европы. Видя огромную популярность социализма, фашисты лицемерно использовали его терминологию в своих целях. Идеологи социал-национализма утверждали, что идеология нацизма якобы уходила своими корнями вглубь духовной истории «народа мыслителей», продолжает и развивает «лучшие» национальные традиции.

С июля 1944 г. по май 1945 г. войска восточноевропейских стран участвовали примерно в 15 крупных операциях Советской Армии. Боевое содружество Советской Армии с армиями восточноевропейских стран росло не только вширь, но и вглубь, что нашло свое выражение в постоянном духовном и политическом сближении. Пройдя плечом к плечу с Советской Армией дорогой победы против гитлеровской Германии, войска восточноевропейских стран стали верной опорой народно-демократической власти. Им принадлежит большая роль в победе над фашистской Германией.

На книжном рынке в пятидесятые годы появился целый поток исследований и мемуаров бывших гитлеровских генералов, в которых пропагандировалась версия, будто выиграть войну Германии, ее генеральному штабу помешал не Советский Союз, а Гитлер. Эта концепция прочно вошла в арсенал западногерманской историографии. В книге генерала Гудериана «Воспоминания солдата» проводится мысль, что немцы могли избежать поражения в войне, что Германия имела отличных генералов, но плохих политических руководителей. На западе в 50-60 гг. господствовала эта концепция бывших генералов и офицеров Вермахта, отмеченная печатью «холодной войны». Она подчеркивала глубину катастрофы, видя в числе виновников лишь одного Гитлера и не упоминая о германском милитаризме и всех других участниках и пособниках гитлеровских преступлений. Генерал Мантефейль, бывший министр финансов Гитлера, призывает к коренному преобразованию всех форм жизни, чтобы обновленная Европа была по настоящему подготовлена к веку «идеологических войн», против наступления с Востока. Такая проповедь антикоммунизма, конечно, не случайна для участников фашистской агрессии. По этому поводу Фромм, философ, социолог, представитель неотрейдицистской школы или «культурного психоанализа» пишет: «Потерпев поражение, Германия воспользовалась мифом о том, будто вторая мировая война была войной против нацистской диктатуры и, избавившись от наиболее яв-

ных и широко известных нацистских лидеров (уплатив значительные суммы в качестве репараций евреям и израильскому правительству), продемонстрировала таким образом, что новая Германия абсолютно отлична от кайзеровской и от гитлеровской. Подлинная ее основа не изменилась»¹.

Фромм пишет, что Германия потерпела поражение главным образом из-за превосходящей мощи Соединенных Штатов. Экономика Германии сильно пострадала, но была быстро восстановлена, и через 5-10 лет после войны страна достигла такой же экономической и военной мощи, какой она располагала до войны. С опаской и подозрением взирают на новую Германию Россия и некоторые западные страны. Это объясняется тем, что Германия дважды нападала на соседей и дважды заново вооружалась, несмотря на поражения. Генералы «новой» Германии – те же самые, что служили Гитлеру, и поневоле приходится ожидать, что эта страна может предпринять третью попытку, на этот раз напав на Россию, чтобы вернуть себе утраченные земли. Речь идет о том, пишет Фромм, что продолжают действовать экономические, социальные и эмоциональные силы, вызвавшие две войны в течение 25 лет и вероятно способные породить еще одну².

Идейную основу планов «Барбаросса» и «Ост» составляло не какое-то недовольство немцев внешней политикой Сталина, а ненависть национально-религиозная. Помощник Геринга статс-секретарь Баккэ в «Заповедях немецкому солдату на Востоке» называл Россию страной «доносов», подкупа и «византизма». Борман в меморандуме чинам СС от декабря 1941 г. утверждал, что национал-социализм и христианские идеи несовместимы, и во исполнение этого нацисты планомерно уничтожали православную церковь и ее культуру. Сам Гитлер признавался Г.Раушнингу: «Я обязан масонству собственным посвящением и идеями, которые я никогда не мог бы получить из других источников».

Истоки противостояния тоже были известны давно. Так русский военный мыслитель, генерал А.М.Золотарев даже в эпоху русско-германского сближения (1894-1908 гг.) предсказывал новый «дранг нах остен» и считал, что Германия будет стремиться к разединению славян, к созданию рядом с могучей Россией другого сильного славянского государства, к созданию такого положения в славянском мире, какое существовало до 1870 г. (до объединения Германии). Это было сказано задолго до планов Розенберга (бывшего кстати российского немца) по расчле-

нению России и созданию «независимой» Украины и Белоруссии. По отношению к бывшей Югославии, как известно, внешняя политика Бонна придерживалась метода двойных стандартов: на словах поддерживала целостность Югославии, на деле стала предводителем разрушения. Поддерживала и защищала не только сепаратистов, но и значительное число террористов. В политическом истаблишменте почти что стало господствующим мнение, будто право на самоопределение, используемое Германией во время присоединения бывшей ГДР, означает право на создание собственного государства. В соответствии с этой теорией в Восточной Европе неминуемо наступает распад старых и возникновение новых государств. Германия поощряет такое развитие событий, руководствуясь собственными интересами. Западные страны, особенно в Европе, испытывают нехватку природных ресурсов, в особенности источников энергии. Нынешняя Германия потеряла почти четверть своих территорий, которые находились в составе Второго и Третьего Рейха. Это окрестности Силезии — Западная и Восточная Пруссия. Германия после объединения отказалась от этих территорий, гарантируя неприкосновенность границ по Одере, хотя в Германии существуют значительные националистические группировки, требующие возврата этих территорий. Германские лидеры кое-чему научились, пишет Фромм. На сей раз они начнут с того, что заключат союз с США, с сильнейшим государством Запада. Прошлое России и десять русско-турецких войн в XVII–XX вв. указывают и другого противника — усиливающуюся Турцию.

В таких условиях России следовало бы более осторожно относиться к системе западных либеральных ценностей и вести собственную независимую внешнюю политику, внимательно следя за всем, что происходит в соседних с нами регионах, чтобы в минуту столкновений не пережить неожиданных и тяжелых разочарований.

В годы минувшей войны сотни миллионов людей оказались в бездне горя и несчастья. Победа над злейшим врагом человечества — фашизмом была подвигом народов, не имевшем себе равных в истории человечества по своим гигантским масштабам и выдающимся последствиям. Говоря о Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков, мы должны рассматривать ее как единое целое и не поддаваться влиянию пропаганды Запада и собственных перевертышей, выхватывающих из войны отдельные операции и даже эпи-

зоды для показа теневых сторон наших деяний. Ни на одном из фронтов во второй мировой войне не было столько продолжительных, непрерывных и ожесточенных военных действий, как на советско-германском фронте. Приняв на себя основной удар гитлеровской Германии и ее союзников, Советский Союз сыграл главную роль в их разгроме. Именно здесь решался исход второй мировой войны. На советско-германском фронте вооруженные силы Германии потеряли десять миллионов, т.е. более 73% убитыми, ранеными и пленными из 13,6 миллионов общих потерь за войну.

В свое время решающую роль советских вооруженных сил в войне признавали и высоко оценивали президент США Ф.Рузвельт и другие руководители государств-союзников по антифашистской войне. Некоторые историки теперь начинают утверждать, что победа над фашизмом имела регрессивное значение, ибо отдала крушение «коммунистического режима». Отсюда оправдание власовцев, бендеровцев и прочих предателей. Что же касается утверждения о «решающей роли западных союзников» в разгроме фашистской Германии, то следует вспомнить следующие факты. Захват Гитлером Рейнской области произошел под протекторатом Англии. Англия способствовала укреплению национал-социалистических главарей, поощряла их территориальные притязания. Было очевидно, что более силен страх перед большевизмом и социализмом, чем какое-нибудь содрогание перед поступками национал-социализма. Этот страх перед большевизмом и Россией привел к измене демократии. Вспомним и такой факт: неприязнь к Российской державе (будь то империя или СССР) как к порождению или отражению «русскости», «русско-православной цивилизации» — неприязнь идейно-психологическая, и часто она рядится в тогу свободомыслия (абсолютизация свободы вообще свойственна западному миру, а также чувство вседозволенности и самоуверенности демократов). Накануне первой мировой войны на грандиозном съезде американских финансовых дельцов в Филадельфии прозвучал призыв «поставить Россию на колени и с помощью вооруженной силы свергнуть «антисемитское» правительство царской России. Отсюда же восприятие России как «империи зла», причем зло в понимании американской политической психологии, как и протестантской, ассоциируется именно с православием. Когда в 1938 г. английский премьер-министр Чемберлен предлагал тайный союз Гитлеру, он называл обе страны «оплотом против сил разрушения,

угрожающих особенно с Востока» и говорил о стабилизации в Европе. (По аналогии в 1994 г. именно США создали мусульманско-хорватскую федерацию для борьбы с республикой Сербской). Разведка ФРГ «испекла» заново в 1990-1994 гг. усташскую Хорватию (подобно гестапо и абверу в 1941-1944 г.). Начиная с 1991 г., со времени разрушения СССР или России в ее естественных границах полоса войн явных и тайных подтачивает сами основы цивилизации, а объединившиеся мировые закулисные силы подрывают все нравственные, духовные и физические силы наций и народов прежнего СССР. Недавнее покорное согласие России на подчинение пока только части российских войск командованию НАТО и американскому генералу, столь контрастирующее с мужеством и стойкостью сербов, остановивших сильнейшего врага (мусульман и хорват), должно, наконец, заставить, задуматься над геополитическими интересами России, над противоречащей им внешнеэкономической демократией.

Линия Коммунистической партии и советского правительства в годы Отечественной войны, направленная на привлечение армий стран Восточной и Юго-Восточной Европы к участию в едином строю с советскими войсками в боевых действиях против гитлеровской армии, непосредственно вытекала из программы оказания помощи поработенным фашизмом народам Европы в их справедливой борьбе за независимость и свободу. В своем стремлении осуществить поставленную цель партия действовала в полном соответствии с принципами пролетарского интернационализма. Ленинское определение сущности пролетарского интернационализма гласит: «Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения революционной борьбы в своей стране, поддержка — пропагандой, сочувствием, материально — такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах»³.

Национально-освободительная борьба народов восточноевропейских стран против фашистских захватчиков, сочетаемая с борьбой за социальное освобождение, носила глубоко революционный характер. Ее всесторонняя поддержка, как раз и явилась со стороны коммунистической партии и Советского правительства проявлением подлинного пролетарского интернационализма, который как учил В.И.Ленин, состоит не в фразах, не в выражении солидарности, не в резолюциях, а на деле⁴.

Процесс организации интернационального боевого сотрудничества армий на советско-германском фронте прошел два этапа. Первый – от нападения гитлеровской Германии на СССР в июне 1941 г. и до начала освобождения советской армией Восточной и Юго-Восточной Европы летом 1944 г., второй – с лета 1944 г. до безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии в мае 1945 года. Своего наивысшего развития боевое содружество достигло на втором этапе. Коммунисты Югославии, Польши, Чехословакии и Болгарии решительно боролись за самое тесное военное сотрудничество всех патриотических сил своих стран с советской армией, рассматривая его как решающее условие скорейшего национального и социального освобождения своих народов.

Мировая война была органическим порождением империализма, свидетельством решительного поворота в сфере политики от демократии к насилию и реакции. «Борьба за рынки, грабеж других стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократию внутри стран, стремление одурачить и перебить пролетариев всех стран, направив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии – таково, – писал В.И. Ленин, – единственное реальное содержание значения войны»⁵. В годы первой мировой войны Ленин придавал особое значение развитию событий в Германии, «в самой империалистической и самой дисциплинированной стране»⁶.

Буржуазная историография не соглашается с ленинской оценкой, полностью отрицает или замалчивает наличие каких-либо агрессивных захватнических целей Германии, отвергает мысль о связи войны и военных целей с интересами монополий и финансового капитала, сводя причины войны к случайностям, к «роковому стечению обстоятельств», к ошибкам и просчетам дипломатов и политических деятелей.

Существенное влияние на формы и характер империалистической внешней политики оказывала националистическая идеология, соображения престижа, социально-империалистические мотивы. Неофашистские силы пытаются откровенно распространить старые реваншистские тезисы об окружении Германии, о стремлении к уничтожению со стороны Антанты, стремлении германского рейха к «обеспечению жизненного пространства».

В немецкой конституции по-прежнему действует 116 статья, определяющая, что германский рейх в правовом отношении существует в границах 1937 года. Из этого можно понять, что для германских правоведов вопрос о границах с Польшей остается открытым.

Идеология фашизма — это иррационализм, расизм и шовинизм, доведенные до истерии. Особое место занимает концепция нации как высшей и вечной реальности, основанной на общности крови и почвы. В соответствии с этой точкой зрения человек является существом агрессивным, жестоким, имеющим звериную сущность. В 1927 г. Гитлер в одной из статей писал, что человек является самым жестоким существом в мире. Он ничего так не хочет, как уничтожить своих врагов. Борьба — это отец всех вещей, лидерство является основным и решающим⁷.

Немецкий расизм достиг кульминации в работе А. Розенберга, ведущего нацистского идеолога «Миф XX века»: голубоглазая белокурая раса предопределила судьбу мира. Новая вера рождается сегодня. Миф крови. Судьбой Европы является Германия как расовое и национальное государство, центральное государство континента. Всеобщее насилие настолько пропитало общество, что стало нормой жизни. В годы второй мировой войны он нашел свое воплощение в лагерях смерти, геноциде, носившем массовый характер. Возникли такие крупные лагеря, как Дахау (возле Мюнхена), Бухенвальд (возле Веймара), Маутхаузен (в Австрии), Освенцим (возле Кракова), Майданек (возле Люблино).

«В самой Германии, — как пишет югославский корреспондент Дж. Милошевич, — власти стараются устранить все, что возможно и что напоминало бы о советском присутствии во второй мировой войне, т.е. немецкое поражение. Несмотря на советско-германский договор, предусматривающий сохранение памятников из военного и поствоенного времени, некоторые из них исчезли в период общественного брожения. В Губене, на крайнем востоке, в первый же день после объединения Германии, исчез советский танк Т-34. В Берлине исчез советский почетный караул возле Памятника славы. Его теперь охраняют немецкие полицейские с собаками»⁸.

Начавшаяся Великая Отечественная война народов Советского Союза против черных сил фашизма коренным образом изменила характер второй мировой войны, вселила надежды на освобождение во все поработанные фашизмом народы, вдох-

новила их на борьбу, активизировала антифашистские силы во всем мире. Она обусловила радикальные перемены и во внутриполитической и военной обстановке в Югославии. Весть о том, что народы Советского Союза поднялись на священную войну против фашизма, прозвучала как сигнал к восстанию. 22 июня 1941 г. ЦК Компартии Югославии обратился к народам своей страны с воззванием. Пробыл решающий час, говорилось в нем, началась решающая битва против злейших врагов рабочего класса. Драгоценная кровь героического советского народа проливается не только во имя защиты страны социализма, но и во имя окончательного социального и национального освобождения всего трудового человечества. Поэтому это также и наша борьба, которую мы должны поддерживать всеми силами, даже ценой наших жизней.

Коммунисты Югославии проделали большую организационную и идейно-воспитательную работу, проявили настойчивость, решительность и в то же время максимум политической гибкости, чтобы поднять на освободительную войну все патриотические силы страны и добиться того, чтобы повстанческая масса, подверженная идейным шатаниям и анархистским влияниям в первый период восстания, превратилась в сознательную, организованную революционную армию, которая хорошо знает, за что она борется. Коммунисты выступали за братство и единство народов Югославии, за объединение всех патриотических сил страны в общий народно-освободительный фронт независимо от национальной принадлежности, политических и религиозных убеждений. Именно на этой основе начал создаваться Единый народно-освободительный фронт, объединивший всех подлинных патриотов в борьбе против оккупантов.

Исторические факты свидетельствуют о том, что Советский Союз, с одной стороны, и США и Англия, с другой, занимали принципиально различные позиции в отношении народно-освободительной войны в Югославии и всего комплекса проблем, составлявших в тот период «югославский вопрос». До весны 1943 г. США и Англия вообще не признавали народно-освободительной борьбы Югославии, делая ставку на коллаборациониста Дражу Михайловича. Они щедро снабжали четников оружием, которое использовалось против партизан. Однако развитие народно-освободительного движения, успехи партизан, а также поддержка, оказываемая югославским народам Советским Союзом, вынудила западных союзников изменить свою тактику. Только Советс-

кий Союз последовательно поддерживал мужественную борьбу югославского народа за свою свободу и независимость, за новую жизнь.

Первостепенное значение партия придавала строительству вооруженных сил. Партизанские отряды, как правило, были связаны с определенной территорией, руководство которыми осуществлялось территориальными штабами, что вело к распылению партизанских сил. Первое воинское соединение было создано 21 декабря 1941 г. в Боснии в г.Рудо. Оно получило название Первой пролетарской бригады. В ее состав вошли два черногорских, три сербских и один словенский батальоны. Я находился во втором черногорском батальоне вплоть до 1944 г., когда был направлен на Высшие партийные курсы при ЦК КПЮ в г.Дрваре (Босния). 21 декабря – день создания Первой пролетарской бригады, не случайно совпавший с днем рождения Сталина, стал днем рождения Югославской народной армии.

Создание подвижных военных формирований имело большое значение как с военной точки зрения, так и с политической. Создавая вооруженные силы, партия уделяла большое внимание вопросам морально-политического воспитания бойцов и в первую очередь поднятию политического и идейного уровня коммунистов и членов коммунистической молодежи Югославии, являвшихся организующим и цементирующим фактором рядов Народно-освободительной армии. Большое значение имела популяризация среди широких народных масс Советского Союза, героической борьбы Красной армии против фашистских оккупантов. Коммунисты вселяли в народные массы веру в силу социалистической общественной системы, в решимость советского народа выстоять в этой тяжелой борьбе против злейших врагов человечества.

Народно-освободительная война в Югославии с каждым днем становилась все шире, страна превращалась в сплошной театр военных действий, в новый фронт, который отвлекал на себя более значительные силы оккупантов. Навсегда вошли в золотую летопись народов Югославии битвы на Козаре (1942 г.), на Неретве и Сутеске (1943), на Дрваре (1944), битва за освобождение Белграда (1944). В статье Б.Пономарева «Боевой пример Югославии» подчеркивалось весной 1942 г., что Югославия является постоянно действующим очагом европейского вулкана.

Югославские патриоты показывают народам всей оккупированной Европы, как можно с успехом бороться против чужеземных захватчиков в европейском тылу германского фашизма.

Советское правительство оказывало народно-освободительному движению последовательную моральную и политико-дипломатическую поддержку, неизменно разоблачая и срывая все происки западных союзников и югославских реакционных эмигрантских кругов, направленные против интересов народов Югославии.

---

¹ *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992. С. 306.

² Там же.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 170.

⁴ Там же. Т. 34. С. 280.

⁵ Там же. Т. 26. С. 1.

⁶ Там же. Т. 36. С. 457.

⁷ *Гитлер А.* Речь в Мюнхене, ноябрь 1927 г.

⁸ *Милошевич Д.* Куда иде Немачка. Београд. 1992. С. 209.

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Наш путь к Победе долог и кровав —
Иного не было и люди это знали:
Как в той молитве, «смертью смерть поправ».
Другой цены врагу не предлагали.

Да, дорога Победа в той войне, —
Так берегите ж право быть свободным,
Не дайте искушать вас сатане,
Чтоб преуменьшить подвиг всенародный.

Не надо павших на войне учить, —
Свой долг исполнен ими честно:
Их нет, а ведь могли и быть,
И вдовами остались их невесты.

Отчет пред ними нам дано держать,
Храня цену пролитой алой крови,
Бесценных жизней счет не забывать
И вспоминать их не нахмутив брови.

А главное — Победу не предать
Ни в мыслях, ни в делах позорных.
Изменникам твердить не позволять,
Что пролитая кровь была вся черной.

Та кровь безмерна и она чиста.
За павших мы не требуем расплаты:
Повержен враг. Но с совестью Христа
Россия лишь Победою богата.

Август 1995 г

ИСПОВЕДЬ

Судьба нелегкая солдата
На долю выпала и мне...
Меня убили в сорок пятом.
В конце войны. В чужой стране.
Как мало я успел, как мало!
Любовь! Ты только снилась мне.
Еще и танцев не бывало,
И ни свиданий при луне...
Еще щека не знала бритвы.
Я только ждал своей весны
И мир был полон тишины,
И вот он – час кромешной битвы,
И вот он – первый день войны!
И все смешалось: кровь и слезы,
Земля и небо, жизнь и смерть,
Мольбы, проклятья, явь и грезы –
Немыслимая круговерть.
И ледяниший страх июля,
И жар в тифозном декабре.
Нас, нецелованных, то пуля,
То штык ласкали на заре...
И мы прошли весь путь сражений
Сквозь годы горестей и бед,
И горечь первых поражений,
И радость первую побед!
И все прошло. И тишина
На Землю снова опустилась,
Но лишь для меченных войной
Война еще не завершилась:
Мы также грохот боя слышим,
И песни прежние поем,
Все той же радостью мы дышим,
Все той же болью мы живем,
И уж с полсотни лет подряд
В атаку ходим часто-часто.
А тело рвет и рвет на части
И душу раны бередают.
И ночью, не смыкая глаз,

Переживаем те же беды
И умираем — КАЖДЫЙ РАЗ,
Жизнь отдавая для победы.
Где ж вы теперь, мои солдаты,
Мои друзья, мои бойцы?
Иные дяди-бородаты
Мне были деды, не отцы...
А я им отдавал приказы
Своим мальчишеским баском,
Журил, покрикивал — ни разу
Упрека не услышав в том.
Водил их на свиданья — к смерти,
Луну глазастую кляня,
И многие ушли — поверьте —
В бессмертье прямо от меня.
А вы, подруги боевые,
Девчонки, сверстницы мои,
Что все дороги фронтовые
Прошли сквозь пламя и бои,
Вы, что в девичестве вдовели,
Погибшим верность сохранив,
Что в восемнадцать поседели
В окопах юность схоронив,
Вы, кто с Родимой не простившись,
Тайком удрали воевать,
Вы, кто рожать не научившись
Уже умели убивать...
Ах, скольких, что дрались как черти
Уж не вернуть, как ни горюй,
А скольким только ПОСЛЕ смерти
Достался ПЕРВЫЙ поцелуй...
Где ж вы мои невесты-вдовы?
Все также не устали ждать?
Ваш облик нежный и суровый
Не стерла времени печать.
Кто же любит ту, что я не встретил?
В ком жив, в чем воплотился я?
Кто за меня родил вас, дети!?
И чья она — МОЯ семья?
Судьба нелегкая солдата
На долю выпала мою.
Меня убили в сорок пятом.
В конце войны. В чужом краю.

СПАСИБО, МУДРАЯ РОССИЯ!

Скупая сводка душу гложет,
Душа прикована к огню...
Так что же дальше будет, что же!
Тревожных дум — не отгону.

В тяжелом пекле мысль застыла.
Бреду усталый наугад,
И вдруг во тьме густой, постылой
На миг почудился твой взгляд.

Я вздрогнул, встречей пораженный —
Суровый взгляд не исчезал.
Я всматривался напряженно,
И ждал угроз и крика ждал.

Глаза в упор смотрели строго —
Не оторваться: нету сил...
В них боль, упреки и тревога:
«Опять сегодня отступил!»

С тех пор во всей страде военной
Тот взгляд меня сопровождал.
И как с надеждою священной
Я встречи с ним искал и ждал.

В его безмолвном притяженьи,
В какой-то синей глубине
Рождались мысли-озаренья,
Неведомые раньше мне.

Снаряд попал в окоп соседний,
И бомбы виснут над тобой...
«Есть в жизни шаг — рубеж последний —
а дальше жизнь с душой слепой».

Вот танки страшной круговертью
И ты их встретить не готов...
«Безвольный миг страшнее смерти,
в сраженьи нет черновиков...»

Мне и теперь война та снится,
Теперь, как много лет назад,
Я вижу дорогие лица
И обращенный ко мне взгляд.

Мне взгляды не страшны косые,
Не сломят подлость и беда.
Спасибо, мудрая Россия,
Ты душу мне спасла тогда.

Как и тогда, в тяжелой битве,
Твой свет со мною в трудный час.
Я буду умирать с молитвой,
Чтоб никогда он не погас.

Содержание

<i>Герасимов И.Г., Шаталов А.Т.</i> Введение. Честная память о Великой отечественной войне и победе	3
<i>Герасимов И.Г.</i> Германский фашизм — политика национально-государственного паразитизма	6
<i>Гончарук С.И.</i> Историческая память (Раздумья ветерана войны)	31
<i>Гулыга А.В.</i> Служить России	47
<i>Каменский З.А.</i> Воспоминания о начале Отечественной войны 1941-1945 гг.	90
<i>Коган Л.А.</i> Когда мы были молодые	100
<i>Коробков А.Ф.</i> Воспоминания	117
<i>Плетников Ю.К.</i> Великая отечественная война: мифы и реалии	124
<i>Брайович С.М.</i> Интернационализм в действии	132
СТИХИ	
<i>Гончарук С.И.</i> Цена Победы	148
<i>Конигов И.А.</i> Исповедь	149
<i>Герасимов И.Г.</i> Спасибо, мудрая Россия!	151

Научное издание

ДОЛГ И ПАМЯТЬ ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *В.К.Кузнецов*

Технический редактор *Н.Б.Ларионова*

Корректор: *Е.В.Захарова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 28.04.98.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. 9,63. Уч.-изд.л. 07,87. Тираж 250 экз. Заказ № 016.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Е.Н.Платковская*

Компьютерная верстка *Ю.А.Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119842, Москва, Волхонка, 14